

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В. А. ЗВЕРЕВ

**СЕМЕЙНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ
ДОМОХОЗЯЙСТВО В СИБИРИ ЭПОХИ
КАПИТАЛИЗМА
(историко-демографический анализ)**

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК 1991

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Зверев В. А.

Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ) : учебное пособие. — Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991. — 148 с.

В пособии к спецкурсу по отечественной истории рассматриваются малоизученные вопросы исторической демографии: людность, поколенная и половозрастная структура крестьянского домохозяйства, состав рабочей силы в первичной ячейке сельскохозяйственного производства, внутрисемейные отношения, трудовое воспитание в семье как способ социального воспроизводства демографических структур. Пособие написано на материалах о русской деревне Сибири второй половины XIX — начала XX века и содержит сравнения с ситуацией в Европейской России.

Публикация предназначена студентам исторического факультета. Она заинтересует также исследователей — специалистов по истории крестьянства, исторической демографии и этнографии.

Научный редактор: д-р ист. наук, проф. **Е. И. Соловьева**

Рецензенты: **кафедра** политической истории Новосибирского электротехнического института; **кафедра** истории СССР Новосибирского педагогического института

© Новосибирский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт, 1991

ВВЕДЕНИЕ

Выдающийся деятель культуры, писатель-сибиряк В. М. Шукшин в свое время высказал заветное желание, чтобы в нашей стране образовалось широкое общественное движение, когда в деревню поехали бы из города не просто учителя, врачи, журналисты или юристы, а молодые и энергичные *интеллигенты*, знающие народные обычаи, особенности говора, психологию крестьянина. Люди, желающие и способные нести городскую культуру и, в свою очередь, общаясь с сельчанами, «много узнать такого, чего не знает профессор в университете»¹. Работа по изучению в студенческой аудитории истории образа жизни сельских тружеников призвана способствовать решению насущных задач «окрестьянивания» российской деревни и возрождения интеллигенции.

Известные исследователи-историки и университетские профессора выступают сейчас в массовой печати со своими раздумьями о взаимоотношении истории семьи, малой общины-«мира» и большого общества в русской доколхозной деревне, о непреходящем значении лучших народных традиций семейной и общинной жизни². Хозяйственная практика, противоречивые социально-демографические процессы, публицистика последних лет пробуждают специалистов к углубленному изучению проблем исторической демографии, а среди них — вопросов истории демографического поведения семьи, крестьянского семейного хозяйствования. Деревенский семейный двор в течение веков был основной ячейкой сельскохозяйственного, частично и промышленного производства, в целом воспроизводства экологических, социальных и информационных условий жизни сельчан, возобновления самого населения страны. Эта уникальная роль семьи и семейного домохозяйства сейчас все более осознается и возрождается, поэтому резко возрастает интерес к теме, избранной для рассмотрения в нашем спецкурсе. Однако тема эта слабо исследована, особенно применительно к самобытным районам России, крупнейшим из которых является Сибирь.

Историография проблемы. В течение долгого времени изучение демографических аспектов структуры, функционирования и развития семенного крестьянского домохозяйства в Сибири эпохи капитализма не было выделено историками в качестве самостоятельной задачи. Специалисты по социально-экономической истории, статистики и экономисты, исследуя домохозяйства крестьян, видели в них обычно не ячейки, в которых осуществляется воспроизводство сельского населения, а лишь производственные единицы. Этнографы касались *отдельных черт* экономического и семейного строя домохозяйств попутно с описанием общинных отношений, обрядов, особенностей фольклора и материальной культуры крестьян-сибиряков.

Для дворянско-буржуазной историографии досоветского периода был характерен *сугубо описательный* уклон. Исследователи проводили экономические и статистические обследования, участвовали в этнографических экспедициях, использовали метод «включенного наблюдения» за жизнью крестьян. При этом накапливались обширные материалы о хозяйстве и семье, но осмысление фактов было недостаточным. Методология работы не предусматривала глубокого анализа взаимосвязи развития производительных сил и производственных отношений «большого» общества, с одной стороны, и его малых ячеек — домохозяйства и семейных форм — с другой.

В литературе официального направления в самой общей форме подчеркивалась благотворность влияния администрации и церкви на отсталое в целом крестьянское хозяйство и семейные нравы сельчан, муссировалось положение о грубости и жестокости этих нравов в сибирской деревне как следствиях слабой религиозности и некультурности здешних крестьян³. Характерно, что в этом вопросе смыкались позиции очень разных направлений общественно-политической и экономической мысли: в демократических кругах тоже было весьма распространено представление, восходящее к трудам А. П. Щапова, о господстве «корыстного интереса», семейно-родового эгоизма над всякими общественными, культурными интересами и стремлениями сибиряков⁴.

Отдельные вопросы развития крестьянского домохозяйства нашли отражение в работах авторов буржуазно-либерального направления. Областники старались выявить особенности сибирских крестьян-старожилов в сфере семейного хозяйства и быта, зачастую преувеличивая их и недооценивая nivelлирующее влияние переселений⁵. Исследователи-аграрники А. А. Кауфман и И. Л. Ямзин, напротив, углубленно рассматривали влияние миграции в Сибирь и переселенческой политики царизма на состав домохозяйства крестьян⁶. При этом авторы были склонны *абсолютизировать* значение обширного состава семьи, большого количества в ней рабочей силы как побудительной причины переселений и гарантии успешного обзаведения хозяйством на новом месте. Они не выясняли различий между социально-экономическими типами крестьянских дворов и семей.

В работах либерального народника С. П. Швецова⁷ был поставлен вопрос о влиянии капитализма на население крестьянского двора и внутрисемейные экономические отношения, наметился вывод о наличии положительных и отрицательных сторон этого влияния. Известный этнограф народнического направления А. А. Макаренко, давая глубокую и сочувственную характеристику семейно-общинного быта сибиряков, справедливо сетовал, что в условиях проникновения капитализма в деревню «семейно-родовой строй в значительной мере расшатался...»⁸. Некритическая приверженность народнической теории «трудового хозяйства» заставляла авторов мелкобуржуазного направления *уменьшать* масштабы и противоречивость капиталистического перерождения семейного крестьянского двора во второй половине XIX — начале XX в.

В дискуссии с народничеством в России сформировалась марксистская методология изучения общественных явлений. Уже в конце XIX в. в сибирской историографии этого направления выявился интерес к вопросам *эволюции* крестьянского домохозяйства в работах более общих по тематике. В. П. Арцыбушев связал распад крупных крестьянских семей с процессом перехода от натурального к товарно-денежному хозяйству⁹. Марксисты вы-

ступили против идеализации семейного труда сибирских крестьян, выявили тенденцию развития семейного домохозяйства к капиталистическому производству через подчинение скупщику¹⁰. Особенно важны работы А. Г. Шлихтера, основанные на богатых статистических данных. Автор подверг критике литературу, объяснявшую развитие крестьянских промыслов исключительно степенью населенности хозяйств и обеспеченностью их рабочей силой собственной семьи. На материалах Енисейской губ. он выяснил, что структура «своих» и наемных рабочих сил хозяйства, работающего на рынок, ощутимо зависит от потребностей капиталистически организуемого производства¹¹.

На многие десятилетия методологической основой исследования вопросов аграрной истории России стали для марксистов, а затем для всех советских историков работы В. И. Ленина, особенно его книга «Развитие капитализма в России». Они были основаны на обстоятельном изучении разнообразных источников по экономике и статистике русской деревни, в том числе и на сибирской окраине. Ленин поддержал и развил характерные для марксистской традиции *положения* о:

- решающем влиянии социально-экономических факторов на развитие крестьянской семьи и семейного домохозяйства;
- семье как «микроячейке», в которой в основных чертах воспроизводятся отношения, характерные для «большого» общества на данной стадии его развития;
- взаимосвязи состава крестьянской семьи, конфигурации сфер ее хозяйственной деятельности, типа внутрисемейных отношений и места домохозяйства в социальной структуре деревни;
- вытеснении раздробленных крестьянских и ремесленных хозяйств капиталистической кооперацией, мануфактурой и фабрикой, о «семейной кооперации» как необходимом этапе этого вытеснения;
- господстве при капитализме семейных отношений, основанных на эксплуатации членов домохозяйства его главой – основным собственником

средств производства во дворе и в семье;

– «загниванию» семейных отношений при капитализме и одновременном складывании предпосылок для социалистического переустройства семьи в среде пролетариата¹².

На первом этапе советской историографии темы (1920-е — начало 1930-х гг.) по инициативе административных и хозяйственных органов был издан ряд очерков экономического и социального положения сибирской деревни. Некоторые выводы этих очерков могут быть распространены и на досоветский период, поскольку до массовой коллективизации сохранялся ряд характеристик семейного домохозяйства, сложившихся ранее. Большинство исследователей старалось освоить марксистско-ленинскую методологию и при этом *абсолютизировало процесс социального разложения крестьянства*, имевший и свои реальные пределы, и принципиальные различия при капитализме и в годы советской власти. Н. Е. Ишмаев пришел к выводу о необходимости произвести передел земель по едокам, так как разверстка их по «бойцам» (трудоспособным мужчинам в рабочем возрасте) была выгодна кулачеству, имевшему семьи с наибольшим количеством работников¹³. Л. И. Васильева, исследуя обеспеченность домохозяйств рабочей силой, размеры найма и отдачи семейных работников «на сторону», сосредоточила внимание на особенностях обстановки в разных классовых группах сельского населения Западной Сибири¹⁴. Некоторые сибирские исследователи в 1920-х гг. оставались в целом на неонароднических и иных немарксистских позициях. Так, известный экономист и статистик В. Я. Нагнибеда по-прежнему считал, что «численность семьи является первоначальным фактором, определяющим размеры мощности нашего крестьянского хозяйства»¹⁵.

В России в это время завершалось формирование организационно-производственного направления экономической мысли, развивавшего взгляд на крестьянское хозяйство как на *целостный экономический организм*, имеющий свои собственные закономерности развития, отличающие его от капиталистического предприятия. По мнению ведущего представителя этой

школы А. В. Чаянова, главные особенности семейного крестьянского хозяйства заключались в том, что оно было нацелено не на получение прибыли, а на *удовлетворение потребностей* своих членов, основывалось на их *личном* труде, а не на наемной рабочей силе, его члены *совмещали* в своем лице хозяина и работника¹⁶. Сибирские материалы дооктябрьского периода представители организационно-производственной школы не использовали, но их общие выводы могли представить большой методологический интерес для историков-сибиреведов, изучавших те крестьянские семьи эпохи капитализма, которые не прибегали к найму рабочей силы, располагали некоторой земельной площадью и средствами производства, затрачивали часть своей рабочей силы на неземледельческие промыслы. К сожалению, этого не случилось — развитие экономической теории семейного крестьянского хозяйства в нашей стране было искусственно пресечено.

Такая же судьба постигла этнографические исследования семейного быта русского, в частности сибирского, крестьянства. Между тем, такие крупные этнографы, как Г. С. Виноградов, Е. С. Бломквист и Н. П. Гринкова, М. В. Бородкина, М. В. Красноженова, А. М. Попова, А. М. Селищев сделали многое для выявления особенностей внутрисемейных отношений, для характеристики воспитательной функции крестьянской семьи и общины в ряде местностей Сибири¹⁷. В начале 1930-х гг. изучение истории и практически ликвидированного «единоличного» крестьянского домохозяйства и семьи как его демографического ядра было свернуто и возобновилось лишь во второй половине 1950-х гг.

На современном этапе советской историографии собственно историками и этнографами активно исследуется семейное домохозяйство феодальной эпохи. Усилиями В. А. Александрова, З. Я. Бояршиновой, И. В. Власовой, М. М. Громыко и особенно Н. А. Миненко оно изучено в Сибири лучше, чем в других регионах страны¹⁸. Оживилось изучение крестьянского хозяйства и семьи эпохи капитализма.

Начиная с 1956 г., в различных районах Сибири регулярно работают

этнографические экспедиции. Основной их задачей является изучение материальной культуры и традиционного быта населения, одновременно накапливаются знания об истории домохозяйства и семьи. Чрезвычайно ценным является изучение этих институтов в развитии — от середины XIX в. до настоящего времени. В трудах Ф. Ф. Болонева и А. А. Лебедевой освещена история русского крестьянского двора в Забайкалье¹⁹, в работах Л. М. Сабуровой, В. А. Горелова — в Приангарье²⁰. Эти авторы исследовали, в частности, изменения общей величины и некоторых элементов демографической структуры домохозяйства, внутрисемейных отношений, способов организации хозяйственной деятельности. Глубокий анализ внутрисемейных отношений и положения женщины в русской деревне юга Алтайского горного округа дала А. В. Сафьянова²¹. С учетом работ указанных авторов И. В. Власовой написаны обобщающие статьи по истории и современному состоянию семейного быта всего восточнославянского и русского сельского населения нашей страны²².

Труды этнографов внесли весомый вклад в изучение темы, но далеко не исчерпали ее. До сих пор из богатейших статистических материалов использовались очень немногие, практически не привлекались делопроизводственные и законодательные источники, периодика. Предстоит изучение домохозяйства не только в местностях относительно изолированных, слабо развитых при капитализме, но и в пределах базового для капитализма региона, а также в границах всей Сибири, в сравнении с ситуацией в других регионах страны. Специалисты по русской этнографии слабо разрабатывают вопрос о специфике демографии хозяйств крестьян-старожилов, переселенцев и ссыльных.

В последнем двадцатилетии активнее обращаются к исследованию темы специалисты по социально-экономической истории капиталистической Сибири. Е. И. Соловьева проанализировала изменения людности и структуры семейного крестьянского домохозяйства во второй половине XIX в. Она пришла к выводам о сокращении людности хозяйства и состава семьи под

влиянием развития капитализма, о начавшемся нивелировании демографических структур в различных регионах и сословных группах крестьянства²³. Л. М. Горюшкин, Е. И. Соловьева и В. И. Пронин дали характеристику основных параметров демографической обстановки в сибирской деревне и ее эволюции на всем протяжении эпохи капитализма²⁴. Л. М. Горюшкин, кроме того, проследил влияние призыва в армию мужчин-работников в годы Первой мировой войны на состояние крестьянского двора, обеспеченность его рабочими руками. Он показал, что от недостатка рабочей силы страдали, прежде всего, хозяйства бедняков, где женщины стали основными работниками²⁵. Некоторые историки обратили внимание на существенные особенности населения переселенческих дворов, когда анализировали влияние аграрных миграций на сельское народонаселение Сибири²⁶.

Историки поставили сейчас задачу *комплексного* изучения опыта социально-демографического развития Сибири на всех этапах ее истории в рамках целевой научно-исследовательской программы «Исторический опыт освоения Сибири». Созрели необходимость и возможность системного анализа всех аспектов структуры, функционирования и эволюции крестьянского домохозяйства, в том числе и демографических. Базой для такой работы должны стать как имеющиеся уже специальные труды по теме и смежным сюжетам, так и обобщающие сочинения по истории Сибири, сибирского крестьянства как регионального отряда одного из основных классов и сословий российского общества эпохи капитализма²⁷.

В нашей кандидатской диссертации уже была сделана первая попытка комплексной характеристики социально-экономических и демографических аспектов истории русской крестьянской семьи Сибири конца XIX — начала XX в.²⁸ Работа была в целом положительно оценена ведущими специалистами, ее выводы были учтены в обобщающем труде по истории семейного быта народов СССР²⁹. В то же время Л. М. Горюшкин и Н. А. Миненко сделали серьезное замечание: автор безосновательно связывал появившиеся в изучаемое время признаки ослабления семейных, в том числе семейно-

экономических, связей с «загниванием» капитализма, вступившего в империалистическую стадию³⁰. Действительно, как показало дальнейшее изучение темы, симптомы семейной дезорганизации были следствием не столько развития капитализма (он находился в сибирской деревне на относительно ранней стадии), сколько, в конечном счете, результатом искусственного сохранения многочисленных патриархальных и феодальных пережитков, сдерживавших это развитие и направлявших его окольным путем. В дальнейшем нами было издано учебное пособие, в котором рассматривался вопрос о физическом воспроизводстве населения и ведущей роли семьи в воспитании подрастающих поколений крестьянства³¹.

Задачи и предмет исследования. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы исследовать влияние утверждения и развития капитализма на состояние, воспроизводство и эволюцию демографической структуры семейного крестьянского домохозяйства в Сибири. Работа призвана решить несколько взаимосвязанных задач научного характера, наряду с решением и дидактических задач.

Прежде всего, нами *выявляются основные социально-экономические, политические и правовые факторы*, влиявшие на развитие домохозяйства, и определяется роль тех из них, которые были непосредственно связаны с развитием капитализма вглубь и вширь. Далее в работе анализируются изменения в общей людности, поколенном, половом, возрастном составе и структуре рабочей силы крестьянского хозяйства и семьи. Среди социальных функций домохозяйства особо выделена его экономическая деятельность, поскольку крестьянский двор в капиталистической России являлся изначальной хозяйственной единицей. Нами определяется характер взаимной связи между хозяйственной деятельностью и демографической структурой двора. Элементы структуры — люди — в процессе жизнедеятельности вступали друг с другом в тесные взаимоотношения, ядром которых были отношения семейно-экономические. В исследовании характеризуются важнейшие экономические поимущественные отношения, прослеживается их развитие в изучаемый пе-

риод. Основным предметом изучения в демографии является воспроизводство населения, поэтому мы выделяем еще одну функцию семейного домохозяйства — *социализирующую* — и характеризуем принципы и методы трудового воспитания в крестьянской семье. Оно было важнейшим средством социального возобновления демографической структуры двора и деревни в целом.

Объектом историко-демографического анализа в данной публикации стали домохозяйства в социальных слоях бедноты, середняков и кулачества, в сословных категориях собственно крестьянства и казачества, старожилов и переселенцев среди русского сельского населения. *Домохозяйство* определяется обычно в демографии как «социально-экономическая ячейка, объединяющая людей отношениями, возникающими при организации их совместного быта: ведении общего домашнего хозяйства, совместном проживании и т. д. В отличие от семьи отношения родства или свойства между членами одного домохозяйства не обязательны: оно может включать жильцов, пенсионеров, прислугу и др., а также состоять из одного человека, живущего самостоятельно»³². *Семейным домохозяйством* в данном случае мы считаем такое, которое состояло только из членов одной семьи, или основой, ядром людского состава которой являлась семейная ячейка. *Семья* понимается нами как основанное на браке, кровном родстве и усыновлении (удочерении) объединение людей, проживающих совместно, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за хозяйство и воспитание детей³³.

Поскольку во многих источниках и исследованиях понятия «домохозяйство», «семейное хозяйство», «двор» (мы их считаем в данном исследовании синонимами) отождествляются с понятием «семья», в некоторых случаях мы были вынуждены характеризовать людской состав и деятельность домохозяйства, не дифференцируя эти социально-экономические и демографические ячейки. В принципе же мы стремимся при анализе последовательно различать хозяйство и семью, усматривая в то же время их принципиальную связь, а в большинстве случаев и совпадение в крестьянской среде изучаемой

эпохи.

Хронологические рамки исследования: 60-е гг. XIX в. — октябрь 1917 г. Начальный рубеж определяется вступлением Сибири вместе со всей страной в период утверждения капитализма (в незрелой форме) как господствующего уклада в преимущественно аграрной экономике страны. В изучаемое время вызревал ряд специфических факторов, влиявших на крестьянское домохозяйство; наиболее явно предстали процессы, развивавшиеся в течение предыдущего периода разложения феодализма, и выявились новые закономерности; наметились предпосылки перехода от традиционных к рациональным формам хозяйственной и семейной жизни. Конечная граница — Октябрьская революция, положившая предел «старому миру» и провозгласившая тотальное преобразование социально-экономической, идейно-политической и культурной обстановки, в которой развивалось крестьянское домохозяйство. Советское семейно-брачное законодательство повлекло за собой крупные изменения в области внутрисемных отношений.

Территориальные границы исследования охватывают Сибирь в пределах Тобольской, Томской, Алтайской (выделена в апреле 1917 г. из Томской), Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. Русское население в целом вместе с украинцами и белорусами составляло в них от 33 до 92 % всех жителей в 1897 г. и от 58 до 94 % — в 1911 г., а русское крестьянство вместе с казаками в 1897 г. — от 31 до 90 %³⁴. В Сибирь при капитализме направлялся массовый поток переселенцев из Европейской России, здесь происходили обширные внутренние миграции. В связи с этим демография региона имела существенные особенности. Они были связаны также со специфическим местом Сибири в России: частично русской, частично национальной окраины, колонии в экономическом смысле, района преимущественного развития капитализма вширь при наличии базового для капитализма региона в зоне влияния Транссибирской железной дороги.

В ряде случаев на всю Сибирь мы условно распространяем выводы, сделанные на основе материалов по Томской губ. Это становится возможным

вследствие ее центрального положения, наличия здесь всех естественно-исторических, социально-экономических и демографических зон, категорий населения, типичных для Сибири, а также потому, что в Томской губ. в 1897 г. проживало более 1/3, а в 1916 г. — почти половина всего сельского населения региона³⁵.

Источники и методология работы. При исследовании темы мы использовали обширный круг письменных источников. В зависимости от происхождения, способа использования исследователем, формы отражения исторических реалий выделяются следующие их *виды*: методологические источники, статистические материалы, законодательные акты, делопроизводственные источники, экономико-этнографические описания крестьянских хозяйств, семей и деревенского быта в целом, воспоминания современников и участников описываемых событий, русский фольклор Сибири, а также периодическая печать. Значительная часть конкретно-исторических источников выявлена впервые и извлечена из центральных и местных сибирских архивохранилищ.

Недавно издана обстоятельная работа Л. М. Горюшкина об источниках изучения крестьянства и сельского хозяйства Сибири второй половины XIX — начала XX в.³⁶ И. В. Островский показал возможности использования материалов сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. для демографической характеристики крестьянского двора³⁷. Автор настоящего пособия в ряде публикаций также анализировал методологические и конкретно-исторические источники по истории семьи и воспроизводства сельского населения³⁸. Все это дает возможность в данном случае обойтись без углубленной характеристики всех источников. Однако в текст пособия включены элементы источниковедческого анализа, без чего читателям трудно было бы получить правильное представление о предмете исследования и оценить аргументацию выводов.

При работе с источниками и литературой нами применялись следующие общенаучные принципы исследования.

1. *Принцип системности.* В исследовании выявляется характер взаимосвязи демографических компонентов семейного домохозяйства со сферами экономической, правовой и культурной жизни крестьянского двора. Демографическая подсистема рассматривается в ее структурном, функциональном и историческом планах.

2. *Принцип историзма.* Он подразумевается системным подходом, но в историческом исследовании настолько важен, что приобретает самостоятельное значение. Семейное домохозяйство рассматривается нами в развитии. Прослеживаются важнейшие процессы, протекавшие в окружавшей его среде и в нем самом на основных этапах социально-экономической и политической эволюции России: 1) в 60-х — середине 90-х гг. XIX в. и 2) в конце XIX — начале XX в. На втором этапе выделяются периоды середины 1890-х — 1906 г. (канун и годы Первой российской революции); 1906—1914 гг. (время Столыпинской аграрной реформы); 1914—1917 гг. (Первая мировая война). Характеризуются изменения, происходившие в переселенческих семьях при их переходе на восток, а также после водворения в Сибири. Происходившая эволюция домохозяйства связывается с изменением условий его жизни, с обострением внутренних противоречий в крестьянском дворе.

3. *Сравнительный подход.* Выясняются общие закономерности и особенности развития хозяйств различных социальных (сословных и классовых) слоев и групп сельского населения. Учитываются как общие закономерности, так и особенности положения в разных естественно-исторических и социально-экономических зонах, в губерниях и областях Сибири. Людность и структура сибирского крестьянского домохозяйства по ряду важнейших параметров сравниваются с таковыми в Европейской России.

В исследовании используются ставшие традиционными для историков-марксистов методы обработки статистических материалов с преимущественным выделением новых социальных «типов» (слоев и групп) крестьянства, порожденных развивавшимся капитализмом. Применяются и накопленные в других направлениях богатой досоветской статистики и демографии, а осо-

бенно в современной науке методы статистического (формально-количественного) анализа: выборочный метод, методы построения динамических рядов, типологических, факторных и структурных группировок, метод средних величин и показателей вариации. Выстроенные в динамические ряды и сгруппированные показатели для удобства анализа и обозрения оформлены в таблицы. Формально-количественные подсчеты дополняются и корректируются содержательно-качественным анализом ситуации с применением общенаучных и собственно исторических методов: историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического, историко-системного и методов диахронного анализа социально-демографической реальности³⁹.

Примечания

---

¹ Шукишин В. М. Нравственность есть Правда. М., 1979. С. 73—75.

² См.: Бестужев-Лада И. В. История твоих родителей: Разговор с молодым поколением. М., 1988; Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; Миронов Б. Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 226—246; Покровский Н. Н. Мирская и монархические традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225; и др.

³ См.: Плотников А. Ф. Нарымский край: 5 стан Томского уезда Томской губ. СПб., 1901; Рубакин Н. А. Рассказы о Западной Сибири, или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. 2-е изд. М., 1898; и др.

⁴ См.: Щапов А. П. Собр. соч. Иркутск, 1937. Т. дополн. С. 147—170, 238—254.

⁵ См.: Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905; Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; и др.

⁶ См.: Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика: Сб. статей. М., 1915; он же. Очерки крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894; он же. Переселение и колонизация. СПб., 1905; он же. Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901; Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912; и др.

⁷ Швецов С. П. «Молочные бунты» в Сибири и их причины // Русское богатство. 1902. № 3. С. 96—117; он же. Схема образования и развития форм земельной общины // Русское богатство. 1904. № 5. С. 186—200; и др.

⁸ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 31.

⁹ См.: Арцыбушев В. П. История одной сибирской деревни // Сибирский сборник. Иркутск, 1895. Вып. 1. С. 103—132.

¹⁰ См.: Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. 16 окт.; Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 47, 63; и др.

¹¹ См.: Шлихтер А. Г. Кустарные промыслы в Енисейской губ. Красноярск, 1915; Шлихтер А. Г., Исаченко В. Л. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1914—1916. Ч. 1—2.

¹² Подробнее см.: *Зверев В. А.* Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина как методологический источник исследования русской крестьянской семьи периода империализма // *Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма.* Новосибирск, 1979. С. 98—111.

¹³ См.: *Ишмаев Н. Е.* Сибирское казачество. Самара, 1920. С. 20.

¹⁴ См.: *Васильева Л. И.* Организация труда в крестьянском хозяйстве. Омск, 1929.

¹⁵ *Нагнибеда В. Я.* Сельское хозяйство Томской губ. Томск, 1924. С. 98.

¹⁶ См.: *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избр. тр. М., 1989.

¹⁷ См.: *Виноградов Г. С.* Народная педагогика. Иркутск, 1926; *Бломквист Е. С., Гринкова Н. П.* Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; *Бородкина М. В.* Деревня Иткара Томского края. Томск, 1927; *она же.* Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края // Очерки по изучению Прибайкалья. Иркутск, 1926. С. 5—36; *Красноженова М. В.* Ребенок в крестьянском быту // КККМ, о/ф. 7886, д. 110; *Попова А. М.* Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920; и др.

¹⁸ Краткий историографический очерк см.: *Этнография русского крестьянства Сибири, XVII — середина XIX в.* М., 1981. С. 9—11.

¹⁹ См.: *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978; *он же.* Семейские: Ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ, 1985; *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) // *Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.* М., 1969. С. 104—188; *она же.* Семья и семейный быт русских Забайкалья // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.* Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 81—101; и др.

²⁰ См.: *Горелов В. А.* Структура и численный состав семьи // *Быт и искусство...* 1971. Ч. 1. С. 96—105; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.). Л., 1967; *она же.* Русское население Приангарья // *Быт и искусство...* Ч. 1. С. 28—77; и др.

²¹ См.: *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX в. // *Русские: семейный и общественный быт.* М., 1989. С. 91—110; *она же.* Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX — начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; и др.

²² См.: *Власова И. В.* Семья // *Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры.* М., 1987. С. 361—371; *она же.* Русские: Сельская семья // *Семейный быт народов СССР.* М., 1990. С. 22—45.

²³ См.: *Соловьева Е. И.* Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // *Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.).* Новосибирск, 1979. С. 126—140.

²⁴ См.: *Горюшкин Л. М.* К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // *Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири.* Новосибирск, 1975. С. 75—89; *он же.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 133—211; *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) // *История СССР.* 1981. № 4. С. 50—69; *он же.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX — начале XX в. // *Город и деревня Сибири в досоветский период.* Новосибирск, 1984. С. 88—102; *он же.* Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // *Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период.* Новосибирск, 1987. С. 90—107; *Соловьева Е. И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 60—79; и др.

²⁵ См.: *Горюшкин Л. М.* Производительные силы крестьянского хозяйства Сибири в годы

Первой мировой войны // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма... С. 73—97; и др.

²⁶ См.: *Горюшкин Л. М.* Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 1989; *Зверев В. А.* Влияние переселений в Сибирь на демографическое поведение крестьян в конце XIX — начале XX в. // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985 г. Новосибирск, 1986. С. 76—85; *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978; и др.

²⁷ См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск, 1983; *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* М., 1968. Т. 3.

²⁸ См.: *Зверев В. А.* Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982.

²⁹ См.: *Власова И. В.* Русские. С. 25.

³⁰ См.: *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 196.

³¹ См.: *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988.

³² *Демографический энциклопедический словарь.* М., 1985. С. 127.

³³ Там же. С. 395—400.

³⁴ *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 140 (табл. 10), 141 (табл. 11).

³⁵ Подсчитано по: *Пронин В. И.* Городское и сельское население... Вклейка (табл. 1).

³⁶ См.: *Горюшкин Л. М.* Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 1988.

³⁷ См.: *Островский И. В.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. — источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // *Источниковедение отечественной истории*, 1981 г. М., 1982. С. 72—99.

³⁸ См.: *Зверев В. А.* Источники для исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма // *Источники по истории освоения Сибири в период капитализма.* Новосибирск, 1989. С. 27—45; *он же.* Источники изучения крестьянской семьи в Сибири эпохи капитализма // *Массовые источники по истории Сибири.* Новосибирск, 1989. С. 142—149.

³⁹ Подробную характеристику методов см.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; *Миронов Б. Н.* Историк и социология. Л., 1984; и др.

Глава 1

ЛЮДНОСТЬ ХОЗЯЙСТВА И ВЕЛИЧИНА СЕМЬИ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ

Русские крестьяне Сибири во второй половине XIX — начале XX в. ясно осознавали преимущества жизни в домохозяйстве с оптимальным людским составом. В наиболее общей форме эти преимущества выражались в поговорках: «Семья воует, а один горюет», «Семьей лучше — каша гуще» и др.¹ Существовало множество феноменов культуры — обрядов, примет, гаданий, произведений фольклора, показывающих пристальное внимание крестьян к вопросам численности и структуры своих домохозяйств и семей. Советские исследователи установили, что особенности количественного состава семейной хозяйственной ячейки влияли не только на размер доходов двора, но и на социальное поведение членов семьи, ее образ жизни, внутрисемейные отношения, даже на мировосприятие и настроение людей.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ЛЮДНОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЯЧЕЙКИ

Известно, что в конце XVIII — первой половине XIX в. происходило некоторое уменьшение общей людности крестьянских домохозяйств и семей в наиболее освоенных и заселенных районах Западной Сибири. Разделам старожильческих семей способствовали отмена с 1760-х гг. государевой пашни, стремление крестьян избавиться от рекрутской повинности и другие причины. В то же время наблюдался определенный рост населенности земледельческого двора в таежной зоне Сибири, требовавшей для своего освоения значительного количества рабочих рук в семье, а также у промыслового населения крайних северных районов. В целом к середине XIX в. наметилась повсеместная унификация людности домохозяйств на уровне 6—8 душ обоего пола². Хотя характерные для эпохи феодализма сословные, региональные и конфессиональные особенности в этой сфере далеко еще не были изжиты,

появились отличия, вызванные социальным расслоением деревни в ходе развития капиталистического уклада: для зажиточных крестьян были типичны «многосемейные» дворы.

Во второй половине XIX в., когда размеры и состав крестьянского домохозяйства уже в основном определялись буржуазными производственными отношениями, продолжалось выравнивание размеров двора и семьи в средних пределах 5—7 человек³. Уже тогда по людности русский старожильческий двор Сибири мало отличался от крестьянского хозяйства Европейской России.

Наиболее обстоятельные и достоверные сведения о людности домохозяйства и величине семьи во всех регионах нашей страны и разных группах населения периода капитализма дала первая и единственная в дооктябрьской России Всеобщая перепись населения 1897 г. Программа этой переписи специально предусматривала выделение среди всех экономико-демографических единиц, подлежащих учету, тех частных хозяйств, основу которых составляла семейная ячейка — «хозяйств лиц, связанных родством». В этих домохозяйствах специально выделялись «лица, принадлежавшие к семейству домохозяина». В ходе обработки данных переписи 1897 г. выяснилось, что к концу XIX в. в сельской местности Сибири людность семейного крестьянского двора составляла в среднем 5,7 человек (табл. 1). Если учесть только членов семейства домохозяина, отбросив наемных работников и других лиц, то обнаружится, что средняя величина собственно семьи в сибирских селениях колебалась от 5,2 до 5,7 человек в разных административных единицах.

Таблица 1

**Средняя людность семейного крестьянского домохозяйства Сибири
в разные годы, чел.***

Губерния, область	1897		1916	1917
	Всего	В т. ч. членов семьи домохозяина	Налицо	Всего

		мужчин	женщин	всего		
Акмолинская	5,78	2,90	2,75	5,65	5,6	6,4
Тобольская	5,41	2,48	2,67	5,15	5,2	5,8
Томская	5,78	2,68	2,80	5,48	5,5	6,2
Алтайская	—	-	-	-	-	6,3
Енисейская	5,68	2,52	2,64	5,16	5,3	5,9
Иркутская	5,62	2,57	2,64	5,21	5,1	5,9
Забайкальская	5,82	2,90	2,70	5,60	5,4	6,1
Итого:	5,68	2,63	2,75	5,38	5,4	6,1

* Подсчитано по: *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* СПб., 1904—1905. Т. 73. С. 4—5; Т. 74. С. 4—5; Т. 75. С. 4—5; Т. 78. С. 6—7; Т. 79. С. 6—7; Т. 81. С. 4—5; *Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.* Пг., 1917. Вып. 3. С. 22, 40, 46, 52, 58, 64; *Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям.* М., 1921. С. 72, 84. В 1897 г. учтены хозяйства лиц, связанных родством, в 1916 и 1917 гг. — хозяйства крестьянского типа.

Любопытные выводы получаются при региональном анализе данных переписи 1897 г. по Сибири. Исключив вначале из рассмотрения Акмолинскую обл. и Томскую губ., мы заметим, что людность крестьянского хозяйства и величина семьи увеличивались с запада на восток: наименьшими они были в Тобольской губ., затем последовательно повышались в Енисейской, Иркутской губерниях и Забайкалье. Приняв в расчет также местности, временно оставленные за пределами анализа, увидим, что наибольшего размера крестьянская семья и домохозяйство достигали в конце XIX в. не только в Забайкалье, но и именно здесь, в Акмолинской обл. и Томской губ. — районе самой интенсивной колонизации.

Данные таблицы 1 показывают, что на людность деревенского домохозяйства на восточных окраинах России влияли, как минимум, два фактора: степень социально-экономического развития района (в Сибири она в целом падала с запада на восток) и размеры притока переселенцев в данную местность. Уровень социально-экономического развития района и людность домохозяйств были обратно пропорциональными, так как в ходе капиталистического развития мелкобуржуазные дворы сокращались, усиливалось дробление крупных неразделенных семей. А как связаны динамика населения

крестьянского двора и процесс аграрной колонизации Сибири, той или другой ее местности, мы покажем в дальнейшем изложении.

ОСОБЕННОСТИ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ДВОРОВ

Опубликованные материалы переписи 1897 г. не позволяют выяснить демографические особенности домохозяйств крестьян-старожилов и переселенцев в Сибири. Обратимся с этой целью к материалам предпринятого в 1911—1913 гг. статистиками Переселенческого управления массового обследования крестьянских хозяйств Томской губ. Под руководством В. Я. Нагнибеды было обследовано почти 25 тыс. старожильческих и переселенческих дворов разных категорий (табл. 2). Из таблицы 2 видно, что в начале XX в. в Томской губ., которая принимала основную часть аграрных мигрантов из центра, людность домохозяйства приписанных переселенцев, взятых в целом, была заметно больше, чем у старожилов и особенно у неприписных новоселов.

Таблица 2

Средняя людность домохозяйства крестьян Томской губ. (1911–1913 гг.), чел.*

Категория хоз-ва	Группа хоз-в по посеву, дес.	Людность хоз-ва			Изменение людности		
		на родине	в Сибири		при водворении, по сравн. с родиной	при обследовании, по сравнению	
			при водворении	при обследовании		с моментом водворения	с родиной
Старожилы	0	-	-	3,0	-	-	-
	до 1	-	-	4,0	-	-	-
	1–3	-	-	4,5	-	-	-
	3–9	-	-	5,6	-	-	-
	свыше 9	-	-	7,5	-	-	-
	Итого:	-	-	5,8	-	-	-
Переселенцы, при-							

писанные: к селениям старожилов	0	5,1	4,6	4,3	-0,5	-0,3	-0,8
	до 1	4,5	3,7	4,4	-0,8	+0,7	-0,1
	1–3	4,9	4,5	4,9	-0,4	+0,4	0,0
	3–9	6,0	5,5	6,2	-0,5	+0,7	+0,2
	Свыше 9	7,5	6,9	8,5	-0,6	+1,6	+0,1
	на переселенческих участках	0	5,3	5,0	4,9	-0,3	-0,1
	до 1	4,9	4,8	4,7	-0,1	-0,1	-0,2
	1–3	5,3	5,2	5,1	-0,1	-0,1	-0,2
	3–9	6,5	6,3	6,5	-0,2	+0,2	0,0
	Свыше 9	7,5	7,4	8,1	-0,1	+0,7	+0,6
	Итого:	6,3	6,1	6,2	-0,2	+0,1	-0,1
Неприписные переселенцы	–	5,4	5,0	5,7	-0,4	+0,7	+0,3

* Подсчитано по: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927. С. 193—194, 212, 214; *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 2. С. 173—174, 192, 194. Источник освещает положение в Барнаульском, Томском, Каинском и Мариинском уездах.

Количество неприписных жителей, т. е. не причисленных к местным волостям и селениям, в сельской местности Сибири постоянно росло, но все же среди переселенцев в целом преобладали приписанные (причисленные к селениям старожилов или водворенные на переселенческих участках). Поэтому можно сказать, что в Томской губ. средний двор новосела был по людности обширнее старожильского. Аналогичное положение наблюдалось в основной части земледельческой зоны Западной Сибири в течение всего изучаемого периода. По данным массового обследования, проведенного Министерством земледелия и государственных имуществ в 1886—1894 гг., здесь «везде, без всякого исключения, наиболее многочисленные и сильные по рабочему составу семьи имеют ... новоселы — крестьяне, недавно (в течение последних 35—40 лет) поселившиеся в Сибири...»⁴. Приведем некоторые конкретные данные по Тобольской губ. В Ялуторовском окр. в 1894—1895 гг. старожильский двор содержал 4,9, а переселенческий — 5,5 человек⁵. В 1917 г., по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в целом по губернии хозяйство старожилов имело 5,7 душ (налицо присутствовало

4,9), в то время как переселенческое — 6,0 (наличных было 5,2 человек)⁶. Исключения из общего правила все-таки имелись: в некоторых окраинных районах Западной Сибири семьи новоселов были малолюднее давно укоренившихся старожильческих семейств (например, в Нарымском крае, согласно обследованию 1910—1911 гг.)⁷.

Закономерность, действовавшая в Западной Сибири, распространялась и на южную, наиболее заселенную часть Енисейской губ. Авторы обследования 1886—1892 гг., показавшего людность старожильческого и переселенческого двора здесь равной (в 5,5 человек), невольно затушевали эту закономерность включением в категорию переселенцев так называемых «поселенческих детей» — потомков ссыльных, что заметно понизило показатель людности хозяйств новоселов⁸. В 1903—1904 гг. переселенческое домохозяйство Енисейской губ. включало 6,6, а в 1911—1912 гг. — 6,2 души, в то время как средний состав крестьянского двора, без различия старожилов и новоселов, насчитывал лишь 5,9 человек, по сельскохозяйственной переписи 1917 г.⁹

На крайнем востоке Сибири, где условия для колонизации были очень трудными, близкими к условиям северных окраин Западной Сибири (таким, как Нарымский край), переселенческое хозяйство зачастую оказывалось малолюдным. По данным обследования 1886—1891 гг., в различных округах Иркутской губ. старожильческий двор содержал от 5,5 до 6,0 человек, а переселенческий — только 4,7—5,3 человек¹⁰. Включение ссыльных во втором поколении в состав категории новоселов имело место и здесь, но им невозможно объяснить столь большую разницу показателей в пользу старожилов. Сплошное похозяйственное обследование крестьянства Забайкальской обл. в 1897 г. дало такую картину: крестьяне-старожилы и коренные казаки имели здесь домохозяйства, состоявшие из 6,2, казаки позднего происхождения — даже из 6,5 человек, в то время как на переселенческий двор приходилось только 6,0 душ¹¹. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. выявила следующие показатели людности дворов старожилов: 6,2 души в Иркутской губ. и 6,0 в Забайкалье; у переселенцев соответствующие показатели равнялись 5,7

и 5,2 человек¹².

Важнейшие причины преобладания старожильского двора над переселенческим на крайнем востоке и севере Сибири заключаются в том, что в отдаленные слабо освоенные таежные местности решались идти сравнительно небольшие по величине семьи переселенцев, не имевшие маленьких детей и стариков; неблагоприятные условия жизни в этих местностях обуславливали высокую смертность новоселов. Еще один фактор, который нужно иметь в виду, — длительное сохранение в относительно глухих изолированных районах Сибири крупных неразделенных семей у старожилов, о чем пойдет речь ниже.

Основная масса людей, переселявшихся на восток от Урала, оседала в изучаемый период на юге Западной Сибири и Енисейской губ. (примерно 87,3 % за 1896—1913 гг.)¹³, поэтому можно условно сказать, что в целом по Сибири переселенческий двор был многолюднее, чем старожильский, т. е. распространить на весь регион закономерность, действовавшую в его наиболее заселенной части.

Вернемся к таблице 2. Она показывает, что наименьший людской состав в Томской губ. имели домохозяйства неприписных переселенцев. Этот вывод подтверждается и другими источниками, но одновременно они уточняют цифровые данные о людности неприписных дворов, которых в выборку 1911—1913 гг. попало слишком мало. Сплошные переписи 1909 и 1910 гг. определили среднюю населенность непричисленных крестьянских хозяйств Томской губ. в 5,5 человек. Большинство — 2/3 дворов имело в своем составе от 2 до 6 душ, 3 % неприписных новоселов не имело семьи вообще¹⁴. Близкую к этому картину рисуют материалы массового обследования «типических» переселенческих поселков всей Сибири, проведенного в 1911—1912 гг. Переселенческим управлением: двор непричисленных переселенцев содержал в среднем по региону 5,4 души¹⁵.

Таблица 2 свидетельствует, что в Сибири наблюдалось абсолютно правильное увеличение людности хозяйств и у старожилов, и у переселенцев,

начиная с группы с посевом до 1 десятины, по мере роста посевной площади, что в грубом выражении соответствует росту благосостояния крестьянского двора. Отклонения от этой общей закономерности в группе беспосевных хозяйств здесь и в других случаях объясняются ее особым характером. Основную массу беспосевных дворов населяли семьи сельских пролетариев. Благосостояние их зависело не от собственной запашки, уровень жизни был в целом выше, чем у крестьян, имевших мизерную площадь посева. Источник свидетельствует: «не сеющий» двор пролетария «при благоприятном составе семьи живет иногда лучше, чем мог бы жить, засевая доступную ему ... площадь в 2–3 десятины»¹⁶. Кроме того, в группу беспосевных попадали не только новоселы-бедняки, у которых не хватало средств, рабочего скота или наличной рабочей силы для обработки наделов, но и недавно прибывшие зажиточные переселенцы, просто не успевшие «запахаться». Наконец, около 10 % беспосевных дворов составляли хозяйства сельской торгово-промышленной буржуазии¹⁷.

Интересно проследить за изменениями людности домохозяйств переселенцев, происходившими во время миграции и уже на новом месте, в Сибири. Для этого сравним население дворов томских новоселов на родине, при водворении и в момент обследования 1911—1913 гг.

Таблица 2 показывает, что при переезде семьи за Урал во всех посевных группах происходило заметное сокращение людности дворов, связанное с семейными разделами, большой смертностью в пути и в первые месяцы пребывания в Сибири. На новых местах происходило, если брать переселенцев в целом, некоторое расширение людности хозяйств, что сопровождалось увеличением в них числа работников. Этот факт, наряду с фактами роста в хозяйствах переселенцев посевной площади, поголовья скота, покупки улучшенных сельскохозяйственных орудий и т. д. некоторые дореволюционные исследователи использовали для доказательства возможности решения аграрного вопроса в России преимущественно путем переселений¹⁸. Но совершенно очевидно, что в Сибири в демографическом отношении, как и в эко-

номическом, «поправлялось» далеко не каждое хозяйство. Так, в беспосевных группах обеих категорий приписанных переселенцев и еще в двух малопосевных группах, водворенных на переселенческих участках, после заселения происходило дальнейшее сокращение людности двора. Если же мы сравним момент обследования с состоянием на родине, то обнаружим сокращение в двух низших группах переселенцев, приселившихся к старожилам, и трех низших группах, водворенных на переселенческих участках, а также в итоге у всех приписанных переселенцев. Из приведенных выше данных 1909 и 1910 гг. видно, что на самом деле не было и обозначенного в таблице прироста семьи у неприписных. Сумело ощутимо вырасти лишь население богатых посевом предпринимательских хозяйств.

Переход от сокращения к приросту у новоселов, приселившихся к старожилам, наблюдался в группе с посевом от 1 до 3 десятин, а у переселенцев, водворенных на участках, — в более зажиточной группе с посевом 3—9 десятин. Это свидетельствует, конечно, о значительно больших трудностях, встречавшихся на пути устройства и развития семейного хозяйства в Сибири у тех мигрантов, которые были вынуждены обзаводиться всем необходимым для жизни и начинать экономическую деятельность полностью самостоятельно, без надежды на помощь издавна укоренившегося населения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЛЮДНОСТИ

Итак, в беднейших группах всех категорий переселенцев и без того относительно небольшие на родине и в момент водворения хозяйства неуклонно сокращались и на новом месте поселения, что свидетельствовало о серьезных изменениях семейной структуры. Но сокращалась ли в целом или увеличивалась людность крестьянского хозяйства в Сибири при капитализме? Какая из двух тенденций, проявившихся в период разложения феодализма в Сибири, — сокращения и увеличения людности — возобладала и стала господствующей?

Изучение данных клировых ведомостей, ревизских сказок за 1850-е гг. и материалов подворной переписи крестьянских домохозяйств второй половины 80-х — начала 90-х гг. XIX в. позволило историкам увидеть ощутимое сокращение населенности дворов в промежутке между этими обследованиями в таежной зоне Западной Сибири — районе раннего заселения (Тобольский, Тюменский, Туринский округа Тобольской губ.), а также в большинстве округов Восточной Сибири — Канском, Красноярском, Ачинском, Минусинском Енисейской губ. и Верхоленском, Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском — Иркутской губ.¹⁹ Правда, сопоставление абсолютных цифр в данном случае затруднено неоднородностью данных, полученных по разным методикам. По некоторым же местностям вообще нет прямых количественных данных о населении семейного двора одновременно и в начале, и в конце хронологического этапа 60-х — середины 90-х гг. XIX в., которые можно было бы сравнивать.

Воспользуемся поэтому косвенными сведениями, вначале выделив для рассмотрения старожильческие домохозяйства. Советские этнографы по материалам полевых опросов вполне определенно установили факт протекавшего в пореформенное время, а затем и при империализме даже в глухих уголках Сибири — Забайкалье, Приангарье, горных долинах Алтая — «измельчания» еще сохранявшихся здесь в значительном количестве крупных старожильческих семей²⁰. Еще одно важное обстоятельство: установлено, что в многолюдных селениях Сибири второй половины XIX в. население дворов было меньшим, чем в небольших деревнях²¹. Дело, конечно, не в размере населенных пунктов как таковом, а в их экономическом характере — многолюднее были обычно транспортные, промышленные и торговые селения, которых со временем становилось все больше. Кроме того, еще в досоветской статистике считалось очевидным, что хозяйства, уходящие от земледелия к промыслам (батрачеству, ремеслу, торговле и т. д.), имели меньшую людность, чем преимущественно земледельческие дворы²². Но та же статистика свидетельствует о неуклонном росте числа малоземельных и безземельных

отходников, «промышленников» разного рода, и о том, что крупные промышленные, транспортные и торговые пункты в изучаемое время усиленно притягивали к себе население, в том числе и старожильческое.

Например, в 60-х — середине 90-х гг. XIX в. в Бийском окр. Томской губ., благодаря развивавшимся лесным промыслам, в связи с возможностью иметь заработки на тракте, стягивали к себе окрестное население волостное село Чистюнька, деревни Большая Речка, Фунтикова и Брусенцова. Только последняя была переселенческим поселком, остальные же — старожильческими поселениями²³. В начале XX в. стремительно росло, привлекая прежде всего людей, издавна живших поблизости, с. Славгородское, по характеристике источников — бойкий торговый пункт, торгово-промышленный поселок, экономический центр Кулундинской степи. В новой расширяющейся торгово-промышленной его части домохозяйства жителей состояли в 1911—1912 гг. в среднем всего из 4,2 человек, в то время как в старой земледельческой — из 6,4²⁴.

Привлеченные материалы, на наш взгляд, позволяют сделать выводы о наличии в Сибири второй половины XIX — начала XX в. мощных социально-экономических факторов, обусловивших сокращение людности старожильческих семейных хозяйств, а также об усилении тенденции к такому сокращению по мере развития капитализма. Людность домохозяйств и величина семей у крестьян-переселенцев в Сибири также сокращались от года к году. Это прямо доказывает, например, сравнение данных массовых обследований переселенческих поселков за 1903—1904 и 1911—1912 гг.

Речь сейчас идет не о сокращении людности конкретного двора или совокупности дворов по мере увеличения длительности их проживания за Уралом, а о сокращении общего среднего состава хозяйств всех переселенцев, независимо от времени переезда в Сибирь, от одного временного среза к другому. Оба обследования проводились Переселенческим управлением практически на всей территории размещения новоселов и дали много сравнимых материалов. Сопоставим сведения о людности переселенческих дворов в ес-

тественно-исторических зонах и крупнейших административных единицах Сибири (табл. 3).

Таблица 3

Средняя людность крестьянских дворов в переселенческих поселках Сибири в разные годы, чел.*

Регион	1903–1904			1911–1912		
	муж-чин	жен-щин	всего	муж-чин	жен-щин	всего
<i>Естественно-историческая зона:</i>						
Степная	3,4	3,0	6,4	3,3	3,1	6,4
Лесостепная:						
в Западной Сибири	} 3,6	} 3,2	} 6,8	3,3	3,1	6,4
в Восточной Сибири				3,1	2,9	6,0
Лесистая и подтаежная	3,5	3,1	6,6	...	...	...
Тайга и урман	3,4	3,0	6,4	2,9	2,8	5,7
<i>Губерния, область:</i>						
Акмолинская	3,4	3,0	6,4	3,3	2,9	6,2
Тобольская	3,6	3,2	6,8	3,1	2,9	6,0
Томская	3,4	2,9	6,3	3,3	2,9	6,2
Енисейская	3,5	3,2	6,7	3,2	3,0	6,2
Иркутская	3,9	3,5	7,4	3,1	2,9	6,0
Итого:	3,5	3,1	6,6	3,2	2,9	6,1

* Подсчитано по: *Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях.* СПб., 1905. Ч. 1. С. 18, 52, 64, 98, 100; *Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири.* СПб., 1912. Вып. 1. С. 15—17, 185; Вып. 2. С. 122, 128; Вып. 3. С. 152, 158, 164, 170; Вып. 4. С. 108; *Сборник статистических сведений... Томской губ.* Вып. 2. С. 173 — 174.

Анализ таблицы 3 ясно показывает, что в промежутке между 1903—1904 и 1911—1912 гг. заметно сократилась людность переселенческих домохозяйств во всех сибирских губерниях. Произошло сокращение общего состава дворов в лесостепной и таежной зонах. По общим данным не заметно уменьшения двора в Степном крае, но введенные в сравнение данные по Акмолинской обл. показали и здесь наличие общей тенденции. В период между 1901 и 1911 г. хозяйства иммигрировавших в разное время переселенцев Ак-

молинского уезда, например, сократились в среднем с 6,5 до 6,1 человек²⁵.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ ДИНАМИКУ ЛЮДНОСТИ

Может быть, выявленная применительно к переселенцам закономерность складывалась не на территории Сибири? Не заключается ли все дело в том, что со временем уменьшались семьи, отправлявшиеся из Европейской России на восток? Для ответа на эти вопросы привлечем материалы массового учета миграционного движения в Азиатскую Россию конца XIX — начала XX в. Этот учет регулярно велся в узловых переселенческих пунктах – в Челябинске и Сызрани. Выделим сведения о семейных переселенцах (без одиночек и ходоков), направлявшихся именно в сибирские губернии и области.

Если сравнивать величину мигрирующих семей по годам, то определенно ответить на поставленные вопросы не удастся: слишком велики будут колебания и общей картины не выявится, поэтому сведем данные по четырех-пятилетним и девяти-десятилетним периодам (табл. 4). При их анализе оказывается, что состав семей, проследовавших в Сибирь по проходным свидетельствам (т. е. с разрешения и при содействии административных органов) в 1901—1905 гг. несколько вырос по сравнению с 1896—1900 гг., но затем он неуклонно сокращался от периода к периоду. В целом состав семей, проследовавших в Сибирь по проходным свидетельствам в годы проведения Столыпинской аграрной реформы (1906—1914), стал заметно меньшим, чем в предшествующее десятилетие. Наоборот, величина семей самовольных переселенцев, перебиравшихся за Урал на свой страх и риск, в 1906—1914 гг. увеличилась по сравнению с 1896—1905 гг. Под влиянием количественного преобладания семей законных переселенцев над «самоходами» общая картина выглядела так: до 1906 г. шло увеличение людности мигрирующих семей, а в последующий период — ее сокращение, и в целом в ходе проведения Столыпинской аграрной реформы в Сибирь проследовали семьи менее крупные, чем до этой реформы.

**Величина крестьянских семей, мигрировавших из Европейской России
в Сибирь в конце XIX — начале XX в., чел.***

Годы	Кол-во семей переселенцев	Средняя величина семьи	В т. ч. проследовавшей	
			по проходному свидетельству	самовольно
1896–1900	106 383	6,17	7,23	4,95
1901–1905	31 232	6,34	7,42	4,97
Итого:	137 615	6,21	7,27	4,95
1906–1910	249 363	6,21	6,84	5,54
1911–1914	88 617	5,78	6,30	5,09
Итого:	337 980	6,10	6,69	5,43

* Подсчитано по: Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910. С. 48, 58, 60; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 48, 58, 60.

Вообще, величина семьи, уезжавшей с родины за Урал, была больше средней крестьянской семьи Европейской России. Вот данные земской статистики: из Черниговской губ., где домохозяйства в сельской местности насчитывали по переписи 1897 г. в среднем 5,2 души, в 1906—1911 гг. уходили на переселение семьи, содержавшие, как правило, от 6,3 до 7,2 человек²⁶. Из Харьковской губ., где деревенские семейные хозяйства имели в 1897 г. в среднем 6,0 человек, выселялись в 1904—1908 гг. семьи из 6,7—7,2 душ²⁷.

Основная причина такого положения дел заключалась в том, что до начала Столыпинской реформы разрешения на переселение могли добиться лишь домохозяева из «многосемейных», «многорабочих» дворов: они сравнительно меньше нуждались в помощи властей для своего устройства на новом месте. Циркуляр Переселенческого управления от 20 января 1897 г. прямо предписывал местным чиновникам «наблюдать, чтобы не выселялись семьи, кои по малочисленности состава или по бедности не могут рассчитывать на успешное устройство своего быта в Сибири»²⁸. В сочетании с ним в 1898—1904 гг. по Харьковской губ., например, 35 % отказов в выдаче разрешений

на переселение официально мотивировалось недостаточным составом семьи. Получившие разрешение семьи имели в среднем 9,5 человек, а встретившие отказ — 6,9²⁹.

В 1906—1914 гг. контроль администрации над мигрантами в изучаемой нами сфере ослаб. Однако власти не раз подтверждали требование, чтобы семьи переселенцев обладали «достаточным» составом. Так, на совещании при Главном управлении землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) 10 января 1909 г. было, между прочим, постановлено, что «необходимыми ... условиями для включения в ходяческую партию являются ... б) степень семейно-имущественной обеспеченности, признаваемая местными землеустроительными органами достаточною для переезда и первоначального устройства переселенца на новых местах»³⁰. Это же требование было подтверждено в циркуляре ГУЗиЗ по Переселенческому управлению губернаторам от 15 февраля 1910 г.³¹

Поскольку администрация часто не разрешала переселение «малодушных» и «малорабочих» семей, они иногда соединялись по две-три, чтобы собрать необходимое количество членов. Приостанавливались уже назревшие разделы крупных домохозяйств. Так искусственно создавались и поддерживались большие неразделенные семьи. Во время миграции или уже по прибытии в Сибирь такие семьи интенсивно делились.

Уже во второй половине XIX в. частота семейных разделов у крестьян Европейской России, переселившихся в Сибирь, была больше, чем у оставшихся на родине³². Показательным является случай с Трофимом Карполовым, поселившимся на Колбасном участке Кыштовской волости Каинского уезда Томской губ. в конце 90-х гг. Он жил в Европейской России отдельным хозяйством вместе с женой и тремя сыновьями, но в Сибирь прибыл, объединив свою семью с семьей брата, по одному с ним проходному свидетельству. На новом месте сразу «от брата построился на отдельный участок, как живший ранее еще в России от него отдельно...»³³. В 1899 г. Карполов подал прошение Томскому губернатору, просил узаконить происшедший семейный

«раздел» и выдать ему отдельную ссуду на домообзаводство, но получил отказ.

Случай с домохозяйством Карполовых, между прочим, высвечивает один из факторов, понижающим образом действовавших на общую людность семей переселенцев. Дело в том, что ссуды новоселам выдавались на отдельного домохозяина, получившего проходное свидетельство, вне связи с составом его семьи. Поэтому в начале XX в., по выражению заведующего переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе, получает «все большее распространение искусственное дробление семейств перед выходом на переселение, с целью получения отдельных ссуд»³⁴. Такое дробление стало возможным также в связи с тем, что после революции 1905—1907 гг. местные власти «без всякого смысла стараются сбить в Сибирь беспокойные элементы, не заботясь о последствиях», как утверждал другой видный чиновник³⁵, и часто закрывают глаза на «малосемейность» переселенцев. Фиктивные семейные разделы у последних иногда перерастали в действительные.

Таким образом, политику администрации в изучаемом вопросе следует признать противоречивой. На местах, кроме того, существовал произвол земских начальников при выдаче разрешений на переселение. Продолжала существовать, слабея в ходе проведения Столыпинской аграрной реформы, тенденция ограничения переселения мелких семей. Частично следствием этой тенденции являлся очень малый состав семей самовольных переселенцев, отмеченный в таблице 4. Без проходных свидетельств уходили с родины, в частности, крестьяне, не получившие разрешения на миграцию «за малосемейностью». Источники свидетельствуют, что при этом иногда переселялась не вся семья, некоторые ее члены временно или навсегда оставались на родине.

В начале XX в. в ходе обострения аграрного кризиса в Европейской России на переселения объективно вынуждались или искусственно выталкивались все более широкие массы крестьян. Поэтому величина семей и законных, и самовольных мигрантов в это время сближалась (сокращаясь у первых

и увеличиваясь у вторых) со средней людностью крестьянской семьи в сельской местности Европейской России. В 1897 г. здесь людность хозяйств лиц, связанных родством, достигала в среднем 5,85 человек. К составу семейства домохозяина принадлежало из них 5,62 душ³⁶. Это было немногим больше, чем в среднем по селениям Сибири. Сокращение семей, идущих в начале XX в. на переселение по проходным свидетельствам, связано также, по видимому, с общим сокращением людности крестьянских дворов в Европейской России, наблюдавшимся при капитализме³⁷. Наконец, увеличение состава семей «самовольцев» объясняется и облегчением переезда на восток после постройки Транссибирской железной дороги. В результате в Томской губ., например, на 1909 г. средняя людность хозяйств непричисленных переселенцев, прибывших сюда после 1906 г., составила 5,8 человек, против 5,3 у неприписных, прибывших ранее³⁸.

Таким образом, *сокращение людности переселенческого домохозяйства шло двумя путями*: с 1906 г. происходило, с одной стороны, сокращение семей, мигрирующих за Урал, а с другой — уменьшение людности семейных дворов и в самой Сибири, преимущественно в нижнем, наиболее многочисленном социальном слое переселенцев.

Приведенные выше материалы показывают, что и у старожилов, и у переселенцев, взятых по отдельности, людность семейных домохозяйств в эпоху капитализма сокращалась. Однако попробуем переселенцев и старожилов соединить и выявить *общую* для сельского крестьянского населения Сибири динамику людности домохозяйств. С этой целью попытаемся ввести в сравнение с данными переписи 1897 г. материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей начала XX в.

Обратимся снова к таблице 1. Данные за 1897, 1916 и 1917 гг., содержащиеся в ней, без существенных оговорок сопоставлять нельзя. Дело в том, что в 1897 г. источником учтены все хозяйства лиц, связанных родством, — русские крестьянские и казачьи, а также аборигенные. В 1916 и 1917 гг. дворы казаков и хозяйства аборигенов учитывались отдельно; в таблицу вошли

данные лишь о собственно русских крестьянских дворах. Перепись 1916 г. регистрировала наличный состав дворов и исключала людей, отсутствовавших в хозяйстве больше месяца. В 1917 г. учитывали не только отсутствовавших членов семей, не порвавших с ней экономические связи, но и отсутствовавшие в полном составе крестьянские семьи, имевшие в сельском обществе земельный надел. Были и другие отличия в программах этих трех переписей, поэтому всякие сравнения их результатов требуют большой осторожности, если вообще возможны.

Главный вывод, который напрашивается в результате сравнения: к 1916 г. наличный состав крестьянских домохозяйств в Сибири оказался *меньше* общей людности хозяйств лиц, связанных родством в конце XIX в.; общая же численность членов крестьянского двора в 1917 г. (включая отсутствовавших) была заметно *большей*, чем у всех семейных хозяйств в сельской местности 1897 г. Ценность этого вывода можно полностью отрицать, ссылаясь на несопоставимость данных. Кроме того, он плохо согласуется с приведенными выше сведениями о безусловном сокращении людности дворов старожилов и переселенцев при капитализме. Однако во мнении, согласно которому средняя людность русских семейных крестьянских домохозяйств Сибири в конце XIX — начале XX в. несколько увеличилась, может содержаться и рациональное зерно. Стоит вспомнить только о быстром росте удельного веса новоселов в сельском населении Сибири: если в 1897 г. они составляли здесь менее 1/3, то к началу Первой мировой войны уже половину жителей³⁹. Людность переселенческих хозяйств была заметно больше, чем старожильческих, поэтому возрастание доли переселенческих дворов в общей совокупности деревенских хозяйств могла приводить к общему увеличению людского состава среднего семейного домохозяйства. Определенную роль могло играть также расширение слоя неприписных переселенцев в Сибири — семьи у них, как мы установили, со временем становились многолюднее. В любом случае, очевидно, нужно исходить из того, что темпы сокращения людности дворов и старожилов, и большинства переселенцев были все же не очень ве-

лики. Если так, то следует выяснить, с чем это связано.

Основной формой сокращения состава крестьянского домохозяйства являлся *семейный раздел*. Уже во второй половине XIX в. даже в восточных сибирских губерниях семейные разделы крестьян совершались чаще, чем в губерниях Европейской России⁴⁰. Источники и исследования указывают на широкую распространенность разделов в сибирской деревне конца XIX — начала XX в. По данным обследования 1911—1913 гг., в Томской губ. более 1/4 старожильческих домохозяйств и дворов приписанных новоселов, около 1/5 хозяйств неприписных образовалось путем выдела в сравнительно недавнее время (табл. 5). При этом приписанные переселенцы делились преимущественно, уже устроившись в Сибири, а неприписные — еще на родине, до переселения, готовясь к уходу за Урал без помощи властей или вопреки их противодействию.

Таблица 5

**Семейные разделы в крестьянских хозяйствах Томской губ.
конца XIX — начала XX в.***

Категория хозяйств	Группы хоз-в по посеву, дес.	Кол-во обследованных хоз-в	Средняя величина семьи, чел.	Кол-во хоз-в, образовавшихся путем выдела, %		
				при выходе с родины	в Сибири	всего
Старожилы	0	106	3,0	-	18,9	18,9
	до 3	649	4,3	-	32,4	32,4
	3–9	1386	5,6	-	31,7	31,7
	Свыше 9	1020	7,5	-	20,9	20,9
	Итого:	3061	5,8	-	27,9	27,9
Приписанные переселенцы	0	665	4,8	19,3	7,7	27,0
	до 3	6385	5,0	17,2	18,0	35,2
	3–9	9969	6,4	11,9	14,5	26,4
	Свыше 9	4037	8,1	8,5	8,5	17,0
	Итого:	21 056	6,2	12,9	14,2	27,1
Неприписные переселенцы	—	578	5,7	16,8	3,7	20,5

* Подсчитано по: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 193, 214; *Сборник статистических сведений...* Томской губ. Вып. 2. С. 173, 194.

По наблюдениям исследователя Н. Овчинникова, семьи новоселов на Алтае были менее склонны к разделам, чем старожильческие дворы, потому что «в большей своей части еще не укрепились экономически и потому более ... дорожат соединением сил: нескольких работников в одной семье»⁴¹. Но даже у них в начале XX в. ежегодно путем разделов число семей увеличивалось в различных естественно-исторических зонах Сибири на 3,0–4,2 %⁴².

В пореформенный период высшие и местные административные органы Российской империи пытались контролировать и ограничивать семейные разделы крестьян, исходя в центральной части страны из хозяйственных и фискальных интересов помещиков, а в Сибири – казны и Кабинета. По закону 18 марта 1886 г. раздел крестьянского двора был обусловлен согласием на него домохозяина. Раздел должно было санкционировать также сельское общество, которое могло решать вопрос без согласия домохозяина лишь в том случае, когда он «дал к этому повод своей расточительностью или безнравственным поведением»⁴³. В любом случае требовались гарантии хозяйственной и тягловой состоятельности и выделяющего, и выделяемых дворов. Надзор за соблюдением закона должны были осуществлять крестьянские начальники. Выше мы говорили также о прямом вмешательстве администрации в эту сферу в ходе проведения переселенческой политики.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что в Сибири закон 1886 г. фактически игнорировался: крестьянские общины сравнительно редко использовали право вмешиваться в семейные разделы своих членов. Многие наблюдатели и исследователи констатировали, что «деревенское общественное мнение к разделам семей и хозяйств однообщественников относится в общем сочувственно, разрешает каждую просьбу о выделе с легким сердцем»⁴⁴. Находили и новоселы возможности обойти переселенческое законодательство. Поэтому в целом для изучаемого периода характерно *постепенное перенесение центра тяжести* в области регулирования администрацией людности крестьянского домохозяйства *с прямых юри-*

дических мероприятий на экономические.

Косвенным образом поддерживали существование обширной людности хозяйства у некоторой части крестьян Сибири проведение в конце XIX — начале XX в. землеустроительной кампании (она повысила роль надела), затем — попытка в рамках «нового курса» столыпинского правительства насадить подворное землевладение на государственных и кабинетских землях. «Чрезмерное» разрастание семьи переселенцев, а значит, ее последующую сегментацию и раздел сдерживало правило, по которому за ходоком, желающим переселиться в Сибирь, закреплялось столько земельных долей, сколько душ мужского пола значилось в его ходаческом свидетельстве или паспорте, а прирост числа мужчин после зачисления семьи на участке права на увеличение числа этих долей не давал⁴⁵. Желание получить наделы для сыновей, родившихся после водворения, вызывало недовольство этим правилом у новоселов с многолюдной семьей, которые хотели бы вести большое земледельческое хозяйство на надельной, а не на арендованной земле. Вообще, многие главы возрождавшихся в Сибири предпринимательских хозяйств переселенцев противились разделам, которые могли эти хозяйства подорвать уже в начале их становления.

Заинтересованы были, конечно, в экономической стабильности своих дворов и «коренные» сибиряки. Противиться семейным разделам их заставляли также завещанные отцами традиции «многосемейной» жизни, особенно крепко державшиеся в среде крестьян-старообрядцев. Очень характерно авторитетное свидетельство редакции «Сибирской газеты», писавшей в 1885 г.: «... нам приходилось беседовать с тысячами “стариков” в Томской губернии, кое с кем из крестьян Енисейской и Тобольской губерний, и все утверждали в один голос, что ... большие семьи имеют громадное преимущество перед малыми; мы наталкиваемся на массу случаев экономического разорения, вызванного семейными разделами. При большой семье “есть в поле кому, есть и дома кому”, говорили нам во многих местах “старики”, жалуясь на молодежь, что она “ослабела” и чаще прежнего практикует семейные разделы»⁴⁶.

Чем же тогда можно объяснить распространенность семейных разделов у сибирских крестьян? В общем виде ответ на этот вопрос был известен исследователям уже на заре изучаемой эпохи. «Очень здесь выгодны большие семьи, но слишком уж патриархальный строй противоречит индивидуалистическо-приобретательному духу здешнего крестьянина», — так писал в 1884 г. безвестный наблюдатель о крестьянах Верхотурского окр. Иркутской губ⁴⁷. Речь, в сущности, идет о происходившем предпринимательском перерождении крестьянского домохозяйства и, как следствии этого, об изменении общественной психологии крестьянства.

Развитие производительных сил при капитализме в перспективе отрицало необходимость существования крупной производственной семейной ячейки в сельском хозяйстве, вселяло надежду, что можно справиться с делами и семьей меньшей численности. Недостаток «семейных» рабочих рук в относительно богатом хозяйстве в нужный момент мог быть восполнен наймом батраков. В среде крупной сельской буржуазии в результате наметившегося отрыва производственного капитала от торгово-ростовщического появились двory скупщиков-торговцев, которые вовсе не занимались сельским хозяйством и не испытывали потребности в многолюдности. В нижнем же социальном слое, постепенно «освобождаясь» от своего хозяйства, семьи бедноты, с одной стороны, все слабее нуждались в «семейной» рабочей силе, а с другой — имели все меньше возможности прокормить большую семью.

Данные таблицы 5 свидетельствуют, что бедняцкие семьи делились чаще, чем более зажиточные, и у старожилов, и у переселенцев. В Тобольской губ. даже бытовала поговорка: «Гуща детей не разгоняет»⁴⁸. Один из оттенков ее смысла: состоятельность хозяйства препятствует разделу. Совершенно очевидно, что раздел и без того не крупной семьи мог окончательно подорвать ее способность своими силами вести земледельческо-скотоводческое хозяйство. Многочисленные источники, в том числе статистические, фиксируют результаты этого подрыва — разорение крестьянских дворов⁴⁹. И, тем не менее, «нехватные» домохозяева шли на семейный раз-

дел, потому что их хозяйство переставало или уже перестало быть собственно хозяйством, превращаясь просто в батрацкую семью. Относительно малое количество разделов в группе беспосевных дворов означает, что эти дворы достигли предела дробления, вообще возможного в тогдашних условиях.

В целом сокращение людности домохозяйства и величины семьи в крестьянской среде периода империализма начало приобретать иной характер, чем в предшествующее время. Разложение крупной неразделенной семьи к концу XIX в. в экономически развитых районах Сибири в основном завершилось. На это указывают, в частности, средние размеры домохозяйств. Ведь 5—6 человек — это чаще всего домохозяин с женой, кто-то из их родителей и двое-трое детей. Дальнейшее сокращение людности означало бы уже не столько распадение неразделенной семьи, сколько разрушение семьи малой, нуклеарной, превращение ее в неполную либо бездетную. И то, и другое в заметных размерах происходило, видимо, лишь в среде бедноты и далеко не повсеместно. У средних и зажиточных крестьян, особенно в глухих уголках Сибири, семья сокращалась медленно, а в предпринимательских хозяйствах увеличивалась.

Обратившись еще раз к таблице 1, читатель увидит, что в конце изучаемого периода, в 1916—1917 гг., сохранилась отмеченная на всех предыдущих временных срезах *тенденция увеличению людности* крестьянского семейного хозяйства в Сибири с запада на восток. Но по-прежнему больше всего многолюдных ячеек оставалось в Томской губ. и Акмолинской обл., куда при капитализме был наиболее широк поток переселенцев. Наличный состав крестьянских домохозяйств в годы Первой мировой войны был сравнительно небольшим. Множество людей отсутствовало, и главной причиной этому, конечно, был призыв в действующую армию мужчин — нижних чинов запаса и ратников ополчения.

Для сравнения уместно привести данные по Европейской России. В 1916 г. наличное население дворов крестьянского типа составило там в среднем 5,3 человек, а 1917 г. с учетом отсутствующих — 6,2⁵⁰. Эти цифры пока-

зывают, что сохранилась принципиальная близость общей людности — одной из основных демографических характеристик семейного домохозяйства крестьян Европейской и Азиатской России.

Подводя итоги, можно сказать, что во второй половине XIX — начале XX в. в сибирской деревне действовали *две противоречивые тенденции*. Определяющим был процесс *сокращения* населенности семейных хозяйств. Однако «многосемейность» еще оставалась по традиции соционормативным ориентиром для сельчан, одним из важнейших факторов крестьянского благосостояния, причем его значение могло повышаться для тех хозяйств, которые начали приобретать фермерский характер. На колонизируемой окраине многолюдная семья могла способствовать успешному становлению на ноги хозяйств новоселов. Поэтому существовала также тенденция *консервации и даже возрождения* «многосемейных» форм крестьянского домохозяйства в Сибири. Вторая тенденция в значительной степени парализовала или нейтрализовала действие первой, и в результате общие темпы сокращения людности семейных домохозяйств в Сибири не могли быть высокими.

Примечания

---

¹ *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1905. Вып. 15. С. 26; *Урал* в его живом слове: Дореволюц. фольклор. Свердловск, 1953. С. 133; и др.

² См.: *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 57—76; *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 400—408.

³ См.: *Соловьева Е. И.* Численность и структура... С. 128—136, 140.

⁴ *Крестьянское* землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. СПб., 1894. С. 5.

⁵ *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. М., 1897. Т. 1. С. 5.

⁶ ТФ ГАТюМО, ф. 417, оп. 1, д. 714, л. б/н.

⁷ Подсчитано по: *Нарымский* край: Материалы статистико-экономического исследования 1910—1911 гг. Томск, 1927. С. 604.

⁸ *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 65—66.

⁹ Подсчитано по: *Материалы* по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905. Ч. 1. С. 100; *Погубернские* итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 72; *Сборник* статистических сведений об эконо-

мическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 3. С. 152, 158, 164.

¹⁰ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 117—118; Иркутск, 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 15.

¹¹ Подсчитано по: *Высочайше* учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: Материалы. СПб., 1898. Вып. 3. С. 395.

¹² Подсчитано по: *Итоги* предварительного подсчета материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Иркутской губ. Иркутск, 1919. С. 485; *Предварительные* итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской обл. 1917 г. Чита, 1918. С. 40—41.

¹³ Подсчитано по: *Горюшкин Л. М.* Переселенческое движение... С. 12.

¹⁴ *Нагнибеда В. Я.* Неприписанные переселенцы в Томской губ. в 1909 г. // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 232; *он же.* Неприписанные переселенцы Томской губ. в 1910 г. // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 284, 289. Проценты подсчитаны нами.

¹⁵ *Сборник* статистических сведений... Сибири. Вып. 1. С. 15.

¹⁶ *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 18. С. 111.

¹⁷ См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 192.

¹⁸ См.: *Юферев В. И.* Опыт исследования бюджетов переселенцев. СПб., 1906. С. 46—47; и др.

¹⁹ См.: *Соловьева Е. И.* Численность и структура... С. 128, 130—131; Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 105—106; Т. 2. Вып. 6. С. 12.

²⁰ См.: *Горелов В. А.* Структура... С. 90—100; *Лебедева А. А.* К истории формирования... С. 168; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй... С. 98.

²¹ См.: *Материалы* по исследованию... Иркутский и Енисейский губерний. Т. 2. Вып. 6. С. 4; Т. 4. Вып. 2. С. 44—45; *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском окр. Барнаул, 1898. Т. 2. Вып. 1. С. 30—31.

²² См.: *Материалы* по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 117; *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 1. С. 60—61.

²³ *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Барнаул, 1898. Вып. 1. С. 15, 17.

²⁴ ЦГИА, ф. 391, оп. 5, д. 871, л. 15—16, 25; *Сборник* статистических сведений... Томской губ. Вып. 1. С. 192—194. Людность хозяйств подсчитана нами.

²⁵ *Сборник* статистических сведений... Сибири. Т. 1. Вып. 1. С. 3—4.

²⁶ *Переселение* из Черниговской губ. в 1909—1911 гг. Чернигов, 1913. С. 14, 20, 36.

²⁷ *Переселения* крестьян Харьковской губ. Харьков, 1910. Вып. 3. С. 47.

²⁸ Цит. по: *Ямзин И. Л.* Переселенческое движение... С. 30.

²⁹ Там же. С. 31; *Переселения* крестьян Харьковской губ. Вып. 2. С. 59.

³⁰ Цит. по: *Переселение* из Черниговской губ. С. 14—15.

³¹ ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 286, л. 3—5.

³² См.: *Материалы* по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4. Вып. 2. С. 70.

³³ ГАТО, ф. 3, оп. 45, д. 407, л. 225—226.

³⁴ ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 286, л. 61.

³⁵ Там же, оп. 3, д. 659, л. 108, 135.

³⁶ Подсчитано по: *Общий* свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 16—17.

³⁷ См.: *Власова И. В.* Русские. С. 27.

³⁸ Подсчитано по: *Нагнибеда В. Я.* Неприписанные переселенцы в Томской губ. в 1909 г. С. 227.

---

³⁹ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения... С. 144 (табл. 13).

⁴⁰ См.: *Материалы* по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4. Вып. 2. С. 69.

⁴¹ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 51, л. 23.

⁴² *Сборник* статистических сведений... Сибири. Вып. 1. С. 13–14.

⁴³ Леонтьев А. А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. 2-е изд. СПб., 1914. С. 319.

⁴⁴ Л. У. Б. Наши деревенские будни // *Сибирский сборник*. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 130—131.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 1445, л. 4; оп. 6, д. 5, л. 14.

⁴⁶ *Несколько слов* по поводу «Литературного сборника» // *Сибирская газета*. 1885. 15 сент.

⁴⁷ Г. Экономический быт верхоленского крестьянина // *Восточное обозрение*. 1884. 19 июля.

⁴⁸ *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... 1912. Вып. 22. С. 8.

⁴⁹ См.: *Материалы* по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский край // *Алтайский сборник*. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 33—34; *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 53. С. 376; и др.

⁵⁰ *Предварительные итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1917. Вып. 3. С. 12; *Погубернские итоги*... С. 54, 64.

Глава 2

ВНУТРЕННЯЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДОМОХОЗЯЙСТВА

Рассмотрев общие данные о людности семейного крестьянского домохозяйства и величине семьи у русских крестьян Сибири, перейдем к подробному анализу количественного соотношения важнейших элементов внутреннего состава населения семейного домохозяйства — поколений, половых и возрастных групп, рабочей силы.

ПОКОЛЕННАЯ СТРУКТУРА СЕМЬИ

В советской этнографической литературе имеются сведения о том, что во второй половине XIX — начале XX в. в селениях Сибири существовали две основные структурные формы семьи — малая и неразделенная. *Малые семьи* состояли из представителей одного или двух-трех поколений, связанных брачными узами или прямой линией родства (супруги с детьми; родители с женатым сыном или замужней дочерью; женатый домохозяин с детьми и его родители и т. д.). *Неразделенные* семьи имели более сложную структуру: в отцовской семье жили и вели общее хозяйство вместе с родителями два или более сына со своими женами и детьми; в братской — не делившиеся после смерти родителей несколько женатых братьев со своим потомством. Иногда неразделенные семьи включали в себя и более дальних родственников и свойственников, могли насчитывать и четыре поколения членов. Особняком стояли не имевшие семьи *одиночки* и так называемые «*договорные*» семьи: в них входили две семьи, ввиду недостатка рабочей силы объединившиеся на основе соглашения в одно домохозяйство.

Материалы этнографов свидетельствуют о том, что в Приангарье, Забайкалье, на Алтае даже в изучаемый период довольно широко бытовали большие неразделенные семьи-общины, объединявшие иногда до 30 и даже 40

человек¹. Фиксируя этот факт, этнографы в то же время отмечают, что в этих местностях, как и в целом в русских крестьянских семьях по стране², в конце XIX — начале XX в. господствующей формой являлась малая семья, состоявшая из двух, реже трех поколений прямых родственников. Это показывают, например, посемейные списки Кежемского района Красноярского края за 1925 г.: среди 744 попавших в выборку семей из одного поколения состояло 2,7 %, из двух — 51,4, из трех — 43,3, из четырех — 2,6 %; родственников домохозяина по боковой линии включали в себя лишь 22 % семей³. Еще более яркую картину рисуют материалы сплошного похозяйственного обследования селений Забайкальской обл. в 1897 г., из которых А. А. Лебедева сделала выборку по трем казачьим селениям (Мангут, Верхний Ульхун и Ульхун Партия) и трем собственно крестьянским селам — Хонголою, Никольскому, Большому Куналею (табл. 6). Одно или двупоколенными оказались здесь в конце XIX в. почти 2/3 крестьянских и казачьих семейств.

Таблица 6

**Количество семей с различным числом поколений
в селениях Забайкальской обл. (1897 г.)***

Число поколений	Казачи		Крестьяне		Всего в выборке	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Одно	46	10,4	89	5,3	135	6,3
Два	274	61,7	982	57,7	1256	58,5
Три	119	26,8	616	36,2	735	34,3
Четыре	5	1,1	14	0,8	19	0,9
Итого:	444	100	1701	100	2145	100

* Подсчитано по: *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) // *Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.* М., 1969. С. 159 (табл. 3).

Однако не совсем ясно, в какой степени эта картина характерна для Сибири в целом, особенно для ее наиболее динамично развивавшихся районов: локальные выводы, сделанные только по Алтаю, Приангарью и Забайкалью, автоматически распространить на них было бы неправильно. Используя

статистические данные, историки Н. А. Миненко и Е. И. Соловьева установили, что уже в середине XIX в. в наиболее развитых в социально-экономическом отношении районах Сибири преобладали домохозяйства, ядром которых были малые семейные ячейки, состоявшие из представителей двух поколений, связанных родством по прямой линии⁴. По мере сокращения общей людности домохозяйств происходило дальнейшее упрощение поколенной структуры семейной ячейки. У нас есть возможность выяснить промежуточные результаты этого процесса по материалам конца XIX в., относящимся к Тобольской губ.

Автор данного пособия поставил исследовательскую задачу – произвести анализ поколенной структуры семей в одном из районов относительно динамичного развития капитализма с тем, чтобы затем выйти на взвешенные обобщения по Сибири в целом. Кроме того, предполагалось выявить доминирующую тенденцию изменения поколенной структуры путем сравнения ситуации в местностях с различным уровнем социально-экономического развития.

Источниковой базой стали подворные карточки Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Этот источник для решения сходной задачи уже привлекался Т. В. Шацкой⁵, но ею для анализа было отобрано всего 778 семей, что не обеспечивало высокого уровня репрезентативности. Чтобы не допустить подобной ошибки, нужно было уделить особое внимание технике выборки. В нашем случае использованы материалы по всем тем восьми южным округам Тобольской губ. из десяти (кроме малолюдных Березовского и Сургутского), которые были охвачены переписью. Серийная, или гнездовая выборка сельских обществ производилась с помощью таблицы случайных чисел. В отобранном сельском обществе производилось сплошное наблюдение всех наличных хозяйств. Всего в выборку вошли, таким образом, данные по нескольким тысячам русских крестьянских семей из 95 населенных пунктов 41 сельского общества.

Подворные карточки переписи 1897 г. (формы А и Б) содержат, в частности, графы: «Как записанный приходится главе хозяйства и главе своей

семьи», «Холост, женат, вдов или разведен». Они и позволяют восстановить структуру той родственной ячейки, которая обычно лежала в основе населения крестьянского двора – семейства домохозяина. Карточки фиксируют также посторонние приселения к этой семье — квартирантов, наемных работников и др. Эти приселения в данном случае учитывать не следует, даже если они содержали элементы семейной структуры (например, «работница с дочерью»), поскольку неизвестно, была ли здесь представлена приселившаяся семья в полном составе, или это только ее фрагмент.

Восстановив структуру крестьянских семей графически, автор применил затем метод типологической группировки. Все семьи домохозяев были сгруппированы, во-первых, в зависимости от их структурного типа, во-вторых — по числу поколений, и подсчитаны. Данные первого подсчета представлены в виде таблицы 7.

Таблица 7

**Количество семей с различным типом внутренней структуры
у крестьян Гобольской губ. (1897 г.)***

Тип семьи	Абс.	%
Простая	3331	53,2
В т. ч.: полная	2948	47,1
неполная	383	6,1
Расширенная	1856	29,7
В т. ч.: полная	891	14,3
неполная	965	15,4
Сложная отцовская	311	5,0
В т. ч.: полная	167	2,7
неполная	144	2,3
Сложная братская	358	5,7
В т. ч.: полная	89	1,4
неполная	269	4,3
Линейная	100	1,6
Одиночки	237	3,8
Прочие	62	1,0

Итого:	6255	100
---------------	-------------	------------

* Подсчитано по: ГАТюмО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 154, 164, 166, 176, 192, 193, 211.

При построении таблицы 7 использовалась следующая типология семей. *Простыми* семьями называются состоящие из одной супружеской пары с неженатыми (незамужними детьми). *Расширенными* – образующиеся в случае женитьбы одного из представителей младшего поколения в простой семье, рождения детей в новой брачной паре. *Сложная отцовская* семья складывалась из брачной пары супругов-родителей и двух или более супружеских пар, основанных их детьми, со всем потомством. *Сложной братской* семьей названа ячейка, состоящая из совместно живущих без родителей братьев и сестер с их семьями. *Линейная* семья включала три и более брачные пары, связанные между собой прямой линией родства. Наряду с полными семьями в каждом типе были выделены и неполные, в которых умер или находился в безвестной отлучке один из супругов в любой из брачных пар.

Анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показывает, что более половины из них составляли предельно простые ячейки. Еще почти треть семей представляли варианты расширенной семьи, в которых с родителями (чаще всего с одним из них, оставшимся в живых) жили сын или дочь со своим супругом, имея иногда и собственных детей. Определенную долю составляли тоже сравнительно простые по фактическому составу, хотя и формально сложные по структуре линейные семьи, а также домохозяйства-одиночки. Более или менее сложными по реальной структуре (отцовскими и братскими) являлись, таким образом, лишь 1/10 родственных ячеек. Причем анализ подворных карточек показывает, что очень крупные и сложные семьи, состоявшие из 15 и более человек, были исключением — их в выборке оказалось лишь 10.

Подсчет семей, сгруппированных в зависимости от числа поколений, показал, что в Тобольской губ. 1897 г. у русских крестьян в сельской местности

однопоколенные семьи составляли 12,1 %, двухпоколенные — 58,6, трехпоколенные — 28,2, семьи с четырьмя поколениями членов — 1,1 %⁶. В целом по соотношению количества семей различного типа эта картина близка к той, что зафиксирована выше применительно к Забайкалью и Приангарью. Однако бросается в глаза заметный процентный сдвиг в сторону простейших структур: в Тобольской губ. было гораздо больше однопоколенных и меньше трех-четырёхпоколенных семей, чем в отдаленных восточных местностях. В самой Тобольской губ. имела место такая закономерность: в более освоенных и развитых в социально-экономическом отношении юго-западных округах (Курганском, Ялуторовском, Тюменском и Ишимском), по сравнению с остальными, менее втянутыми в процесс капиталистического развития, несколько выше была доля предельно простых однопоколенных семей и ниже — ячеек с более сложной поколенной структурой.

Эти статистические факты позволяют констатировать, что в ходе утверждения и развития капитализма в Сибири действовала тенденция *сегментации и распада* сложных неразделенных семей, *упрощения* их поколенной структуры. На рубеже XIX—XX вв. на востоке страны доминировали *простые* по структуре двух-трехпоколенные родственные ячейки. Они в своем большинстве были вполне состоятельны в экономико-демографическом отношении. Сохранившиеся еще, либо вновь возникавшие в процессе развития «семейной кооперации» сложные «патриархальные» семьи не определяли обстановку в домохозяйствах крестьян. Наблюдался некоторый *рост* числа бессемейных одиночек, бездетных неполных семей. Это, безусловно, ухудшало экономическую ситуацию: заниматься полноценной хозяйственной деятельностью такие ячейки зачастую просто не могли.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Соотношение числа мужчин и женщин — очень важная демографическая характеристика семейного двора крестьян. Во-первых, супружеская пара при

моногамном браке является демографическим ядром, «точкой разрастания» семейной ячейки за счет рождения и воспитания детей. Во-вторых, именно пары, состоящие из взрослых мужчин и женщин (муж с женой, брат с сестрой и т. д.), составляли в изучаемое время так называемое «тягло» — важнейший экономический элемент внутри домохозяйства, без чего последнее не могло нормально функционировать. Исследователь Н. О. Осипов, изучая крестьянский быт пореформенного периода в тобольских селениях, отмечал, что в деревенской среде «мужской работник без женщины работницы может иметь очень ограниченное значение»⁷. Сами сибиряки так выражали половую «дуалистичность» своего двора: «Кормить семью — дело мужичье, а одевать мужиков — дело бабье», «Мужики за пашенку, а бабы за яишенку» (в данном случае — готовить обед пахарям)⁸.

Решая другие исследовательские задачи, Л. М. Горюшкин в свое время попутно дал характеристику полового состава *всего* сибирского населения (сельского вместе с городским) по сведениям официальной статистики: «На 1 января 1914 г. лишь в Тобольской губернии, ближе других расположенной к центру и принимавшей меньше переселенцев, соотношение мужчин и женщин в составе населения было равным, в остальных численно преобладали мужчины»⁹. Видимо, за неимением специального исследования позднее этот конкретный вывод стал использоваться в литературе неоправданно широко. Так, в обобщающем труде по истории крестьянства он без оговорок фактически распространен *на русское крестьянское население*, взятое отдельно от остальных сельских и тем более городских жителей, отнесен не только к 1914 г., но и ко всему хронологическому этапу конца XIX — начала XX в.¹⁰ Между тем, статистические источники разных периодов, относящиеся непосредственно к семейным крестьянским домохозяйствам, рисуют несколько более сложную и со временем меняющуюся картину полового состава последних.

Обстановка пореформенного периода наиболее полно отражена материалами статистико-экономического обследования крестьянских хозяйств Сибири второй половины 80-х — начала 90-х гг. XIX в. Участники обследования,

во-первых, подтвердили факт, ранее уже отмеченный официальной статистикой: не только во всем сибирском, но и в отдельно взятом сельском населении Сибири в целом наблюдается перевес *мужского населения над женским*. Во-вторых, оказалось возможным выделить «в отдельные графы» население, непосредственно принадлежащее к интересующим нас сословным группам — русскому старожильческому и переселенческому крестьянству, казачеству. По данным губернского статистического комитета было известно, что в 1893 г. среди русских крестьян Тобольской губ. женщин было больше, чем мужчин (50,8 %) ¹¹. Теперь выяснилось, что повсеместно в Сибири существует заметная разница между старожильческим крестьянским и казачьим населением, с одной стороны, и переселенческим — с другой. При этом в Западной Сибири преобладавшие по количеству дворов старожилы почти везде содержали немного больше женщин, чем мужчин, т. е. обладали нормальным с демографической точки зрения половым составом. Там, где было проведено обследование — в Туринском, Тобольском, Тюменском, Ишимском, Ялуторовском округах Тобольской губ., на Спасском участке Каинского окр., на Приобском участке и в южной кабинетской части Томского окр., в Бийском, Барнаульском округах Томской губ. у крестьян-старожилы мужчины составляли 47–49 % наличных жителей, и лишь западная часть Мариинского окр. Томской губ. оказалась исключением (51,9 % мужчин в домохозяйствах старожилы). У новоселов же почти везде в хозяйствах преобладали мужчины, за исключением Тюменского окр., где женщин у переселенцев оказалось больше, чем мужчин (51,5 %) ¹². Авторы обследования резонно объяснили выявленную закономерность тем, что семьям с преобладанием «женского элемента» было труднее идти на переселение, нежели семействам с перевесом мужчин. В Восточной Сибири половая структура старожильческих дворов имела *своеобразие*: в них преобладали мужчины, хотя их доминирование было менее заметным, чем в переселенческих хозяйствах. В итоге по Каинскому, Красноярскому, Ачинскому и Минусинскому округам Енисейской губ. в наличном населении старожильческих крестьянских домохо-

зяйств на мужчин приходилось 50,1 %, а в новосельческих — 50,5 %. В совокупности по Верхнеленскому, Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому округам Иркутской губ. соответствующие показатели равнялись 50,3 и 50,6 %¹³.

Приведенные данные показывают, что, несмотря на постепенное нивелирование полового состава крестьянских семей, в разных сословных категориях и местностях Сибири в пореформенный период в этом составе оставались существенные различия. В условиях относительного многоземелья и существования, наряду с надельным, захватного и вольного землепользования размер семей и соотношение в них мужчин и женщин не имели для крестьян-старожилов столь большого значения, как для переселенцев. Поэтому у старожилов в наиболее освоенной части Сибири, в отличие от новоселов, женское население хозяйств было очень близко к мужскому, несколько даже превышая его по численности. На востоке региона крестьянские дворы находились в более экстремальных экологических и экономических условиях, требовавших большего сосредоточения мужской рабочей силы для успешного ведения хозяйства.

Обратимся теперь ко второму временному срезу. О половом составе семейных домохозяйств в конце XIX — начале XX в. в стране дает представление Первая Всеобщая перепись населения. Произведя необходимые расчеты, нетрудно выяснить, что в 1897 г. в Европейской России на 100 сельских жителей-мужчин приходилось 108,3 женщины в хозяйствах лиц, связанных родством, и 109,7 женщины — в составе семейств домохозяев¹⁴. В целом по сельской местности Сибири соответствующие показатели равнялись в 1897 г. 100,1 и 104,4 — доля женщин была меньше, чем к западу от Урала, но *женское население семейных дворов все же несколько превышало мужское*. Женщины составляли большинство в самых многонаселенных Томской и Тобольской губерниях, а также в Забайкалье (соответственно 101,4; 103,9; 103,8 женщин на 100 мужчин в хозяйствах лиц, связанных родством), уступая мужчинам в селениях Акмолинской обл. (92,9), Енисейской и Иркутской

губерний (95,7 и 94,5 человек)¹⁵.

В конце XIX — начале XX в., особенно в годы Столыпинской аграрной реформы, в Сибири действовали *две разнонаправленные тенденции* изменения половой структуры крестьянского населения. С одной стороны, продолжалось *выравнивание* половой диспропорции там, где она сложилась ранее, в процессе «укоренения» большинства новоселов, перехода их в категорию старожилов по мере увеличения времени проживания на новых местах. С другой стороны, переселенцы все прибывали, и это усиливало половую *диспропорцию в пользу мужчин* в целом по региону и особенно в наиболее активно заселяемых местностях. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., зарегистрировавшей в хозяйствах всех временно отсутствовавших членов, в Сибири повсеместно мужское население крестьянских дворов превалировало над женским. На 100 женщин приходилось мужчин: в Акмолинской обл. — 109, в Томской губ. — 103, в Тобольской — 102 и т. д.¹⁶

В годы Первой мировой войны интенсивный призыв мужчин в войска привел к тому, что в *наличном* (оставшемся на месте приписки) населении крестьянских и казачьих хозяйств не только исчезло преобладание числа мужчин над «женским полком», но возникла резкая диспропорция полов и обратную сторону. Уже сельскохозяйственная перепись 1916 г. выявила такую картину: в различных сибирских губерниях и областях на 100 мужчин и наличном населении приходилось от 109,3 до 121,0 женщины¹⁷. В период до октября 1917 г. положение усугублялось — взрослых мужчин в российских деревенских дворах становилось все меньше.

Особенности половой структуры старожильческих и переселенческих хозяйств Сибири, как мы убедились, сильно влияли на демографическую ситуацию в регионе. Но для эпохи капитализма характерно усиливающееся значение процесса социального разложения крестьянства для демографических изменений в домохозяйстве. Воспользуемся материалами обследования крестьянам хозяйств в Томской губ. за 1911—1913 гг. и попытаемся выявить

характер зависимости половозрастной структуры домохозяйств от его благо-
состояния. В какой-то степени это позволяет сделать имеющаяся в материа-
лах группировка дворов по посеву (табл. 8).

Таблица 8

**Половой и возрастной состав населения крестьянского хозяйства
в Томской губ. (1911–1913 гг.), %***

Категория хозяйств	Группа хоз-в по посеву, дес.	При водворении в Сибири								Женщин на 100 мужчин	
		Мужчин в возрасте, лет				Женщин в возрасте, лет					
		до 14	14–18	18–60	свыше 60	до 12	12–16	16–55	свыше 55		
Переселенцы, приписанные: к селениям старожилов	0	37,9	7,6	51,7	2,8	39,0	5,0	53,9	2,1	97,2	
	до 1	35,6	7,1	55,2	2,1	37,4	4,4	54,2	4,0	88,6	
	1–3	42,8	6,2	49,0	2,0	37,2	5,5	53,0	4,3	90,8	
	3–9	41,8	7,9	47,2	3,1	38,6	7,9	49,7	3,8	92,2	
	св. 9	40,2	10,6	46,5	2,7	34,7	9,0	52,6	3,7	83,5	
	на переселенческих участках	0	43,3	8,5	45,5	2,7	42,3	7,1	46,9	3,7	91,7
		до 1	41,9	6,7	48,6	2,9	38,6	7,1	50,5	3,8	94,7
		1–3	42,5	7,2	47,6	2,7	39,3	7,0	50,3	3,4	93,0
		3–9	41,9	8,9	46,1	3,1	38,5	7,6	49,9	4,0	88,9
		св. 9	43,1	10,2	43,7	3,0	37,7	8,9	49,5	3,9	83,8
	Итого:	42,2	8,7	46,1	3,0	38,5	7,7	50,0	3,8	88,8	
Неприписные переселенцы	–	42,5	8,1	46,9	2,5	39,7	8,1	49,3	2,9	91,9	

Окончание таблицы 8

Категория хозяйств	Группа хоз-в по посеву, дес.	В момент обследования								Женщин на 100 мужчин	
		Мужчин в возрасте, лет				Женщин в возрасте, лет					
		до 14	14–18	18–60	свыше 60	до 12	12–16	16–55	свыше 55		
Старожилы	0	33,3	4,8	45,8	16,1	24,3	6,6	48,0	21,1	90,5	
	до 1	37,8	6,6	44,6	11,0	33,5	7,1	48,8	10,6	97,2	
	1–3	41,0	8,2	44,7	6,1	36,3	7,4	49,8	6,5	1000,0	
	3–9	40,0	7,8	46,6	5,6	36,1	8,4	48,2	7,3	104,0	
	св. 9	36,8	8,7	47,8	6,7	34,9	8,2	48,8	8,1	97,7	
	Итого:	38,5	8,1	46,8	6,6	35,3	8,1	48,6	8,0	100,4	
Переселенцы, приписанные: к селениям старожилов	0	37,4	6,6	50,0	6,0	36,5	10,5	49,7	3,3	92,2	
	до 1	41,6	5,9	46,9	5,6	32,0	10,5	50,9	6,6	97,2	
	1–3	45,4	6,1	44,8	3,7	38,0	7,0	49,5	5,5	95,4	
	3–9	41,7	8,9	45,1	4,3	39,0	9,0	46,2	5,8	94,7	
	св. 9	39,4	9,0	46,7	4,9	35,6	8,3	49,0	7,1	90,2	
	на переселенческих участках	0	42,7	8,5	45,7	3,1	41,5	8,1	45,9	4,5	91,9
		до 1	42,6	7,4	45,5	3,5	39,5	8,1	47,9	4,5	97,0
		1–3	43,7	7,5	45,9	2,9	40,7	8,2	47,0	4,1	94,6
		3–9	42,3	9,0	44,9	3,8	38,8	9,1	47,2	4,9	90,7

	св. 9	42,1	9,0	44,8	4,1	39,0	8,8	46,8	5,4	88,6
	Итого:	42,4	8,6	45,2	3,8	39,1	8,7	47,2	5,0	91,5
Неприписные переселенцы	–	41,8	8,9	46,5	2,8	38,5	9,7	47,4	4,4	92,2

* Подсчитано по: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 193–194, 212; *Сборник статистических сведений...* Томской губ. Вып. 2. С. 173–174, 192.

Анализ таблицы 8 показывает, что у старожилов Томской губ. в целом в начале XX в. число женщин преобладало над количеством мужчин за счет группы с посевом от 3 до 9 десятин, при равновесии полов еще в одной группе (1—3 десятины). В хозяйствах остальных групп преобладали мужчины, в группе беспосевных старожилов – даже в большей степени, чем в аналогичных группах новоселов.

Рассматривая половой состав населения по посевным группам, нельзя не заметить важную *закономерность*: во всех категориях хозяйств в момент обследования, а у переселенцев также момент водворения при росте посевной площади, начиная от группы с посевом до 1 десятины, количество мужчин в хозяйстве нарастает быстрее числа женщин. Темпы роста числа мужчин относительно женщин были особенно высоки у богатых посевом новоселов. Очевидно, зажиточные домохозяйства стремились как можно лучше обеспечить себя мужской рабочей силой.

Насколько они преуспели в этом деле, показывают данные таблицы. У переселенцев в момент обследования соотношение между мужчинами и женщинами в хозяйстве менялось с ростом посева в пользу мужчин. Зато у старожилов по мере роста посева в мужском населении увеличивался процент мужчин в рабочем возрасте, чего не наблюдалось у переселенцев. И в целом у старожилов доля лиц рабочего возраста была несколько выше. Кстати, рабочий возраст и у женщин-старожилок имел большую долю в населении, чем у переселенцев. В свою очередь, у мужчин в богатых посевом группах переселенцев был больше процент подростков, что обещало в будущем активное пополнение рабочего возраста. У старожилов рост доли этого возраста у предпринимательских групп тоже замечался, но шел не вполне последова-

тельно. А вот в женском населении у них доля подростков росла совершенно определенно, лишь немного уменьшаясь в самой многопосевной группе.

Таким образом, налицо стремление предпринимательских групп сосредоточить в своих семейных домохозяйствах наибольшее количество мужчин, а там, где это не удавалось — усилить долю рабочего возраста в мужском и женском населении, а также долю потенциальных работников — мальчиков и девочек в подростковом возрасте.

Анализ возрастной структуры показывает, что переселенческие хозяйства были значительно моложе старожильческих. В них имелось гораздо больше детей и подростков, но меньше стариков и в мужском, и в женском населении. Та же закономерность наблюдается при сравнении возрастного состава хозяйств переселенцев и старожилков по всем посевным группам.

Источники показывают, что основные особенности половозрастной структуры населения переселенческих семей формировались в значительной степени еще на родине, в период подготовки к миграции. После водворения в Сибири в большинстве переселенческих семей происходила своеобразная нормализация демографической структуры, ее сближение со структурой населения старожильческих дворов. Так, за время проживания в Сибири доля женщин в населении повышалась по сравнению с моментом водворения во всех категориях и почти во всех посевных группах новоселов.

Интересные выводы получаются при сравнении возрастной структуры населения и количества рабочей силы в крестьянских дворах Сибири и Европейской России. Для сопоставления использовались данные обо всем сельском населении двух крупнейших регионов России (табл. 9). В таблице 9 применена следующая группировка населения. Выделены дети младшего возраста до 7 лет; старшие дети — мальчики 7—14 и девочки 7—12 лет; подростки мужского пола в возрасте от 14 до 18 и женского — от 12 до 16; лица зрелого возраста («работники» 18—60 и «работницы», «стряпки» 16—55 лет, по крестьянской терминологии); старики — мужчины свыше 60, женщины старше 55 лет.

**Возрастной состав сельского населения крупнейших регионов
России (1897 г.), %***

Возрастная группа	Европейская Россия		Сибирь	
	муж-чины	жен-щины	муж-чины	жен-щины
Младшие дети	21,6	20,5	19,6	20,3
Старшие дети	13,4	8,0	115,8	11,6
Подростки	8,2	8,9	7,8	8,7
«Работники»	47,3	50,3	50,0	49,6
Старики	9,5	12,3	6,8	9,8

* Подсчитано по: *Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб., 1905. Т. 1. С. 64—67; *Первая Всеобщая перепись...* Т. 73. С. 8—9; Т. 74. С. 8—9; Т. 75. С. 8—9; Т. 78. С. 12—13; Т. 79. С. 12—13; Т. 81. С. 8—9.

Анализ таблицы показывает, что для домохозяйств крестьян-сибиряков в конце XIX в. была *характерна концентрация населения*, особенно мужского, в средних — рабочих и «полурбочих» — возрастах. Если суммировать возрастные группы «работников», подростков и старших детей, то в Сибири они составляли 73,6 % мужского и 69,9 % женского сельского населения, против 68,9 и 67,2 % населения «расейских» деревень. Доля крайних возрастов — младших детей и особенно стариков — в Сибири была заметно меньшей. В целом сибирский крестьянский двор отличался не только более работоспособным, но и несколько более молодым, перспективным составом. Обращение к данным таблицы 8 показывает, что выявленные особенности сибирских домохозяйств складывались в значительной степени за счет переселенческих дворов, содержавших относительно мало женщин и стариков обоего пола, много детей и подростков. Поскольку доля переселенческих хозяйств по мере колонизации Сибири в изучаемый период стремительно возрастала, специфические особенности сибирского населения проявлялись рельефнее.

Приведенные материалы позволяют исправить сделанные в обобщающей работе И. В. Власовой выводы о том, что в предреволюционные годы по

сравнению с семьей Европейской России «в сибирских семьях было больше мужчин, чем женщин, а также больше детей и стариков»¹⁸. Ссылка автора на автореферат нашей кандидатской диссертации в данном случае некорректна. В диссертации говорилось не о преобладании мужского населения над женским в сибирских семьях, а о повышенном числе мужчин относительно женщин по сравнению с семьей Европейской России. И также о том, что у сибиряков-крестьян в семье была меньшая доля стариков и больше доля детей¹⁹ (это еще раз подтверждают данные таблицы 9, если суммировать возрастные группы младших и старших детей).

СОСТАВ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ДОМОХОЗЯЙСТВЕ

Достижение рабочего возраста не делало автоматически каждого члена семьи действительным работником, занятым в своем хозяйстве. Много молодых крестьян уходило из хозяйств «на сторону» — в наемные работники, в промысловый отход, в город или на прииски на заработки и т. д.; некоторое количество терялось по нетрудоспособности из-за врожденных физических недостатков, полученного увечья.

Согласно данным о крестьянах Томской губ. (табл. 10), если сложить нетрудоспособных и постоянно отсутствующих в мужском и женском населении рабочего возраста, то выяснится, что их количество у переселенцев, водворенных на переселенческих участках, правильно сокращалось от низших посевных групп к высшим. Одновременно доля «годных работников» (трудоспособных и находящихся налицо людей рабочего возраста) увеличивалась. В хозяйствах старожилов и приселившихся к ним новоселов наибольшая доля годных работников обоего пола приходилась в группу с посевами 1—3 десятин. Во всех категориях домохозяйств количество лиц того и другого пола в рабочем возрасте повышается, начиная от группы с посевами от 1 до 3 десятин и заканчивая высшей группой, но повышение это идет у мужчин интенсивнее, чем у женщин. У мужчин в рабочем возрасте гораздо больше доля постоянно

отсутствующих и несколько выше процент нетрудоспособных.

Таблица 10

Рабочие силы семейного крестьянского двора

Томской губ. (1911–1913 гг.), чел.*

Категория хозяйств	Группа хозяйств по посеву, дес.	Лиц рабочего возраста на 100 хозяйств						Хозяйств без мужской рабочей силы, %	Годных работников на 10 хозяйств		На 100 годных работников мужчин				
		мужчин			женщин				мужчин	женщин	всего членов хозяйства	годных работниц	полурабочников обоого пола	детей	нетрудоспособных и постоянно отсутствующих
		все-го	Из них, %		все-го	Из них, %									
			нетрудоспо-собных и постоянно отсутств.	годных работников		нетрудоспо-собных и постоянно отсутств.	годных работников								
Старожилы	0	73	13,0	87,0	69	4,1	95,9	13,5	6	7	478	104	115	140	19
	до 1	91	15,1	84,9	97	5,2	94,8	26,0	8	9	521	119	92	186	24
	1–3	101	7,7	92,3	113	2,1	97,9	17,1	9	11	485	118	68	188	11
	3–9	128	7,4	92,6	137	2,6	97,4	6,6	12	13	472	113	69	179	11
	св. 9	182	7,9	92,1	182	2,0	98,0	1,7	17	18	449	106	71	161	11
	Итого:	137	8,2	91,8	143	2,5	97,5	9,0	13	14	466	111	72	171	12
Переселенцы, приписанные: к селениям старожилов	0	112	7,2	92,8	103	-	100,0	40,6	10	10	414	99	54	153	8
	до 1	105	9,2	90,8	111	6,2	93,8	16,6	10	10	465	109	66	173	17
	1–3	112	4,9	95,0	118	3,2	96,8	6,6	11	11	459	108	51	191	9
	3–9	143	5,5	94,0	139	2,8	97,2	3,4	13	14	460	100	64	186	10
	св. 9	209	7,6	92,3	197	0,7	99,3	2,2	19	20	441	102	64	175	9
	Итого:	581	6,4	93,6	571	2,5	97,5	12,2	58	58	2339	518	245	839	53
на переселенческих участках	0	117	8,4	91,6	108	4,1	95,9	12,2	11	10	459	97	55	194	15
	до 1	109	7,3	92,7	109	3,7	96,3	11,0	10	11	455	103	46	195	11
	1–3	121	6,4	93,6	117	2,7	97,3	5,5	11	11	453	101	51	201	10
	3–9	151	6,2	93,8	144	2,5	97,5	3,1	14	14	453	99	61	184	9
	св. 9	191	6,3	93,7	177	2,2	97,8	1,6	18	17	448	97	61	181	9
	Итого:	589	6,4	93,6	571	2,5	97,5	4,3	58	58	2339	518	245	839	53
Неприписные переселенцы	–	138	5,9	94,1	129	2,7	97,3	4,3	13	12	439	97	56	177	9

* Подсчитано по: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 193–194; *Сборник статистических сведений...* Томской губ. Вып. 2. С. 173–174.

Рост числа годных работников в мужской и женской части населения от низших посевных групп к высшим происходит так же неравномерно, как рост общего числа мужчин и женщин в рабочем возрасте. Сравнивая итоги по отдельным категориям, мы обнаруживаем меньшее количество неспособных к труду и постоянно отсутствующих приписанных переселенцев рабочего возраста сравнительно со старожилами, у них большой удельный вес в этом возрасте годных работников мужского пола и в целом лиц рабочего возраста на 100

хозяйств. У неприписных переселенцев в доме было мало женщин рабочего возраста, что объяснялось большим количеством отсутствовавших женщин, поэтому они имели в хозяйстве значительно меньше годных работниц, чем старожилы и причисленные переселенцы.

Стремление предпринимательских домохозяйств сосредоточить у себя возможно больше мужчин-работников сказывалось на распределении рабочих и потребительских сил в хозяйствах крестьян разных посевных групп, на семейной нагрузке. «*Семейная нагрузка*» – термин в демографии, обычно обозначающий число иждивенцев, приходящихся в среднем на одного члена семьи, имеющего занятие или самостоятельный источник средств существования²⁰. В данном случае мы применим его в специфическом смысле. Чем богаче было хозяйство посеvom, тем семейная нагрузка в нем была слабее: на 100 годных работников-мужчин приходилось меньше членов семьи. Мужчины-работники меньше напрягали свои силы, прокармливая домочадцев. У переселенцев, водворенных на переселенческих участках, в том же порядке повышалось количество «полурабочников» и «полуработниц» (в данном случае эти крестьянские термины обозначают лиц подросткового и старческого возраста). В то же время в высших посевных группах происходило некоторое снижение числа годных работниц, приходящихся на 100 работников-мужчин. Видимо, мужские рабочие руки для земледельческого хозяйства считались сравнительно более нужными. Ясно видно также сокращение числа неспособных к труду и постоянно отсутствующих от низших посевных групп к высшим. Налицо меньшая обеспеченность бедных посеvom хозяйств мужчинами, особенно наличными и трудоспособными в рабочем возрасте. Это положение усугублялось тем, что многие «нехватные» дворы вообще не имели мужской рабочей силы.

Доля хозяйств, не имевших мужской рабочей силы, сокращалась при переходе от низших посевных групп к высшим. И все-таки некоторые даже самые зажиточные дворы своих «семейных» мужчин-работников не имели. Это объясняется все более широким распространением в период капитализма

в Сибири найма рабочей силы на стороне. В 1911—1912 гг. в разных районах Сибири в среднем хозяйстве новосела с посевом свыше 9 десятин нанятые на сроки и сдельно батраки составляли 0,2—0,6 человек в пересчете на круглый год, или от 0,5 до 1,5 на весенне-осеннюю пору. В то время в остальных переселенческих хозяйствах, вместе взятых, наем не превышал 0,1 годовых и 0,25 весенне-осенних рабочих²¹.

Для темы настоящего пособия наиболее важен вопрос о *годовом* и *сроковом найме*. Дело в том, что в Сибири зачастую батраки, нанятые на длительный срок, проживали в домохозяйствах, их нанявших, вместе с семьей или в одиночку. Обычно при обследовании крестьянских домохозяйств такие батраки вносились в их состав, поэтому действительная людность домохозяйства как экономической единицы и размеры семьи как группы совместно живущих близких родственников в материалах обследований не совпадают. Впрочем, регистрация батраков не единственная тому причина. В составе хозяйств зачастую фиксировались и другие «посторонние» семье домохозяйства лица: квартиранты («постояльцы», «жильцы»), призреваемые, воспитанники и нахлебники, «сожители» — незарегистрированные фактические супруги домохозяев и иных членов семьи и т. д. Однако наем рабочей силы намного превышал размеры всех других приселений. Это хорошо видно, например, по данным первичных карточек Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. по восьми округам Тобольской губ. (табл. 11).

Таблица 11

**Приселения «посторонних» лиц к семейным домохозяйствам
крестьян Тобольской губ. (1897 г.)***

Категория приселившихся	Число приселившихся лиц		Кол-во хозяйств с приселениями	
	абс.	%	абс.	%
Наемные работники	762	30,3	535	36,5
Гости, проезжающие, захожие	716	28,6	292	19,9
Квартиранты, постояльцы, жильцы	633	25,2	303	20,7
Призреваемые, воспитанники, нахлебники	267	10,6	234	16,0
Сожители домохозяев и их родителей	133	5,3	101	6,9

Итого:	2511	100	1465	100
---------------	-------------	------------	-------------	------------

* Подсчитано по: ТФ ГАТюмО, ф. 417, ои. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211.

При построении таблицы 11 рассматривались данные обо всем наличном населении тех же 95 селений, что и в случае с таблицей 7. Приселившиеся к семейству домохозяина учитывались вместе с членами их семей. Всего в выборке, содержащей 6255 домохозяйств, оказалось 1301 хозяйство (около 1/5 общего количества), имевшее приселения посторонних лиц. В итоговой графе таблицы показано большее число дворов с приселениями, потому что во многих хозяйствах зафиксировано две и более категории приселившихся, и они показаны по отдельности в соответствующих графах. На одно хозяйство с приселениями приходилось в среднем менее двух приселившихся лиц, а за вычетом категории гостей — 1,5 человека. Нужно учесть, что гости, проезжающие, захожие могут считаться приселившимися к охваченному переписью двору лишь очень условно, поскольку включались в его состав на очень короткий срок. При внимательном изучении материалов переписи видно, что во всех категориях приселившихся было множество родственников и свойственников домохозяина и членов его семьи (постоянный членов двора), и это дополнительно подкрепляет право большинства крестьянских домохозяйств в Сибири эпохи капитализма именоваться «семейными». Даже среди наемных батраков встречались «свои»: «зять-работник» и батрак — брат зятя, «работник при сожительнице» с дочерью — «работницей при хозяйке», «работница-племянница» и т. д.²²

Итак, наемные работники — сельскохозяйственные рабочие, няни-«пестуньи», прислуга, «стряпки»-кухарки, приселяясь к семейству нанимателя, повышали людность его домохозяйства. Одновременно в противоположном направлении на состав двора действовало отходничество — уход на длительный срок из семьи «на сторону». Влияние этих двух факторов на демографическую структуру семейных дворов Томской губ. можно просле-

дить по данным таблицы 12.

Таблица 12

Наемные работники и отходники в составе крестьянского домохозяйства Томской губ. (1911–1913 гг.)*

Категория хозяйств	Группы хозяйств по посеву, дес.	Кол-во хоз-в, нанимавших батраков, %		Годовых и сроковых батраков на 100 годных работников-мужчин	На 10 хозяйств			На 10 семей	
		всего	годовых и сроковых		всего членов	в том числе		наличных членов	годовых работников обоого пола
						годовых и сроковых работников	постоянно отсутств.		
Старожилы	0	19,8	9,4	30	30	1,9	0,8	27	11
	до 1	17,2	6,5	9	40	0,7	0,9	39	17
	1–3	21,7	3,1	4	45	0,4	0,4	45	20
	3–9	49,5	12,3	11	56	1,3	0,7	54	24
	св. 9	78,9	52,8	40	75	6,7	1,1	67	28
	Итого:	51,9	23,7	23	58	2,9	0,8	55	24
Переселенцы, приписанные: к селениям старожилов	0	9,5	2,7	5	43	0,5	0,5	42	20
	до 1	14,3	3,4	4	44	0,4	1,0	43	20
	1–3	20,7	2,5	2	49	0,2	0,5	48	22
	3–9	36,0	8,6	7	62	1,0	0,7	60	26
	св. 9	64,3	29,4	18	85	3,4	1,3	80	35
	Итого:	31,5	9,1	8	62	1,1	0,8	61	26
на переселенческих участках	0	11,2	5,4	7	49	0,7	0,9	47	20
	до 1	17,8	2,0	2	47	0,2	0,7	46	21
	1–3	21,4	2,0	2	51	0,2	0,7	50	23
	3–9	31,3	4,9	4	65	0,5	0,8	63	28
	св. 9	49,2	30,7	20	81	3,7	1,1	75	32
	Итого:	31,5	9,1	8	62	1,1	0,8	61	26
Неприписные переселенцы	–	14,7	7,6	11	57	1,4	0,8	56	25

* Подсчитано по: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 193–194, 198–199; *Сборник статистических сведений...* Томской губ. Вып. 2. С. 173–174, 178–179.

Сильнее всего долгосрочный наем сказывался, конечно, на структуре рабочей силы домохозяйства. Таблица 12 показывает, что наиболее ощутимо количество рабочей силы в хозяйстве по сравнению с семьей домохозяина повышалось благодаря найму в группе старожильческих и переселенческих дворов с посевом свыше 9 десятин. Меньше всего влияние найма ощущалось в малопосевных бедняцких группах.

Постоянно отсутствующими в крестьянских хозяйствах могли быть не только отходники, но также лица, пропавшие без вести, призванные в армию и т. д., но отходничество было все же главной причиной формирования этой группы населения. Постоянное отсутствие в мирное время не столь сильно, как наем, влияло на структуру домохозяйства. Влияние это подчинялось такой *закономерности*: больше всего отходников было в зажиточных хозяйствах, а также в среде беспосевных и безлошадных сельских пролетариев. О постоянно отсутствующих приходится в данном случае говорить потому, что они в ходе большинства обследований и переписей учитывались в составе семьи домохозяина, которая таким образом как бы искусственно расширялась. Чтобы определить реальную людность домохозяйства, следует вычитать из состава двора постоянно отсутствующих лиц. Чтобы высчитать действительную величину семьи домохозяина, нужно из числа членов двора отнять также наемных работников. Именно так было сделано применительно к крестьянам Томской губ. при составлении таблицы 12, что позволило выяснить настоящее количество наличных членов в семьях старожилов и новоселов разных категорий.

Материалы 1911—1913 гг. показывают, что в группах домохозяйств с посевом от 1 до 9 десятины половозрастной состав населения и структура рабочей силы максимально зависели от потребностей многопрофильного хозяйства, ведущегося собственными силами. В группе с посевом свыше 9 десятин такая потребность слабела в связи с возможностью использовать в хозяйстве труд наемных работников. В группе беспосевных и с посевом до 1 десятины в связи с отсутствием запашки или крайним малоземельем этой потребности практически не было.

О существовании указанной зависимости в среднепосевных группах свидетельствуют, во-первых, наибольший процент лиц рабочего возраста в женском населении и максимальная доля в нем девочек-подростков. Во-вторых, в среднепосевных группах был наибольший процент годных работников-мужчин. Кстати, и другие источники показывают, что наибольшее преоблада-

ние мужчин-работников над женщинами наблюдалось не в самых многопосевных дворах. В Алтайском горном округе в 1911 г. максимум мужчин приходился на группу с посевом 10—15 десятин²³, в Барабе в 1915 г. — на группу с посевом от 3 до 9 десятин²⁴. В обоих этих районах в более богатых посевом хозяйствах число мужчин относительно числа женщин сокращалось.

Однако вернемся к таблице 12. У старожилов в группе с посевом 1—3 десятины также повышается доля мальчиков-подростков. У новоселов здесь была максимальна доля годных работников обоего пола, а у старожилов минимален процент отсутствующих и нетрудоспособных. В среднепосевных группах был невелик долгосрочный наем батраков. В итоге размеры собственно семьи в этих группах почти не отличались от людности домохозяйства в целом.

Дворы с самым большим количеством посева имели другое стремление: организовать для ведения крупного земледельческо-скотоводческого хозяйства с помощью рабочей силы, происхождение которой не играло решающей роли. Предпринимательское хозяйство нуждалось в большом количестве рабочих рук, и их число в группе с посевом свыше 9 десятин сильно превышало таковое в других группах. Гораздо больше здесь было собственных работников, но несравненно более видную роль, чем в других группах, играл в хозяйствах предпринимателей наем работников на стороне. С возможностью его связано, например, уменьшение доли годных работников-мужчин при переходе от группы с посевом 3—9 десятин к группе свыше 9 десятин (табл. 10). Их доля понижалась на 0,5 % в хозяйствах старожилов, на 1,7 % во дворах новоселов, приписанных к ним, и на 0,1 % у переселенцев, водворенных на переселенческие участки²⁵. Одновременно возрастал процент постоянно отсутствовавших и нетрудоспособных мужчин.

ОСОБЕННОСТИ БЕДНЯЦКИХ, СЕРЕДНЯЦКИХ И КУЛАЦКИХ ДВОРОВ

Яснее всего ряд отмеченных выше закономерностей выступит в том случае, если сгруппировать крестьянские хозяйства в три социальных слоя, реально существовавших в деревне: *низший* (беднота, трудящиеся и эксплуатируемые массы деревни, формирующийся сельский пролетариат), *средний* и *высший* (кулачество, формирующаяся сельская буржуазия). Такая возможность предоставляется применительно к Томской губ. 1916 г. Дело в том, что в 60-х гг. группа советских исследователей во главе с Л. М. Горюшкиным обработала на ЭВМ часть первичных карточек формы 1 Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губ. и опубликовала результаты²⁶. Пользуясь этим источником, применим предложенную Л. М. Горюшкиным методику группировки хозяйств в одних волостях по количеству рабочих лошадей, а в других — по общей площади посева на наделной и арендованной земле²⁷. Так появляются надежные данные об общей людности, половом составе, количестве «своих» и долгосрочных наемных работников в хозяйствах и семьях бедноты, середняков и кулаков в различных естественно-исторических зонах Томской губ. (табл. 13). Эти данные с оговорками можно распространять на весь изучаемый регион.

Таблица 13

**Людность и внутренняя структура населения домохозяйств
в социальных слоях крестьянства Томской губ. (1916 г.), чел.***

Естественно-историческая зона	Социальный слой	На 100 домохозяйств							На 100 трудоспособных мужчин			На 100 семей	
		всего членов	мужчин	женщин	трудоспособ. в рабоч. возрасте	из них		годовых и срочных батраков	«едоков»	трудоспособ. женщин	годовых и срочных батраков	всего	из них трудоспособ. в рабоч. возрасте
						мужчин	женщин						
Степная	Низший	502	221	281	199	74	125	5	677	169	7	502	199
	Средний	713	312	401	293	122	171	3	583	163	2	710	290
	Высший	1077	497	580	486	198	288	11	545	146	6	1066	475
	Итого:	660	294	366	275	109	165	5	606	152	5	557	272
Лесостепная	Низший	421	178	243	177	62	115	5	683	187	7	421	177
	Средний	620	286	334	274	111	163	9	558	147	9	611	265
	Высший	859	414	445	373	152	221	35	656	145	23	824	338
	Итого:	567	257	310	245	95	150	12	599	159	12	558	236
Тажная	Низший	421	203	219	214	105	109	4	403	105	3	421	214
	Средний	633	310	323	308	152	156	8	416	102	5	625	300

	Высший	955	489	465	504	262	242	17	365	92	6	938	487
	Итого:	578	284	294	290	144	146	7	400	101	5	572	284
Горно- таежная	Низший	425	181	243	182	66	116	6	647	176	9	425	182
	Средний	574	265	309	260	107	153	12	534	143	11	562	248
	Высший	762	362	399	357	155	202	32	491	130	21	730	323
	Итого:	556	253	303	250	101	149	14	549	147	14	545	239
Губер- ния в целом	Низший	438	190	248	186	69	117	5	634	169	7	438	186
	Средний	625	288	337	278	117	161	9	535	138	7	616	269
	Высший	868	415	453	394	167	227	29	518	135	17	839	365
	Итого:	582	265	317	256	104	152	11	561	147	10	574	248

* Подсчитано по: *Материалы* переписи 1916 г. по Томской губ. (из опыта обработки на ЭВМ) / Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Новосибирск, 1969. С. 66–300.

Из них следует, что при средней величине всех крестьянских домохозяйств этой губернии в 5,82 и семей в 5,74 человека хозяйство и семья в нижнем социальном слое деревни имели наименьший состав — 4,38 человека. Они обладали также наименьшим количеством трудоспособных мужчин и женщин. Для этих дворов было характерно наибольшее преобладание, числа женщин над числом мужчин, поэтому в расчете на 100 трудоспособных мужчин в них находилось наибольшее количество трудоспособных женщин. Экономические нужды бедняцкого хозяйства в высокой степени удовлетворялись женщинами-работницами, число которых в годы Первой мировой войны более чем в 1,5 раза превышало количество трудоспособных мужчин. В этом слое был наименьший процент хозяйств, пользовавшихся как вообще наемной рабочей силой, так и трудом долгосрочных работников.

В воспоминаниях сибирских крестьян очень частым является утверждение, что до Октябрьской революции бедняки имели большие семейства, которые было трудно прокормить²⁸. Статистические данные мнение о большой средней величине семей в нижнем социальном слое решительно опровергают. Оно могло быть выведено только из индивидуального опыта или обобщения нескольких частных случаев. Видимо, играло определенную роль и субъективное ощущение чрезмерной величины семьи именно от ее бедности, невозможности прокормить. В. И. Ленин говорил об эпохе раннего капитализма, что мелкий буржуа «видит и чувствует, что он гибнет, что

жизнь становится все труднее ... положение его и его семьи все более безысходное... Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от ... нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа»²⁹.

Исследователи уже отмечали, что в результате усиленного роста капиталистической эксплуатации и разорения мелкой буржуазии в России наблюдалось «ограничение семьи среди мелкобуржуазных слоев населения»³⁰. Такое ограничение было также результатом ухода на заработки в отход взрослых членов семьи, особенно мужчин, следствием чего был их отрыв от семьи, слабая рождаемость и усиленная смертность стариков и детей, остающихся без присмотра.

Вернемся к таблице 13. В 1916 г. домохозяйство и семья в высшем социальном слое томской деревни оказываются наибольшими по общей людности (соответственно 8,68 и 8,39 человек) и по количеству в них мужчин и женщин. Они сосредоточивали у себя наибольшее количество трудоспособных лиц, в том числе принадлежащих к семейству домохозяина. У них было меньше всего женщин по сравнению с мужчинами в хозяйстве и семье. Роль мужчин в кулацком хозяйстве повышалась также ввиду сокращения количества трудоспособных женщин, приходящихся на 10 трудоспособных мужчин. Зажиточные дворы гораздо чаще, чем другие, нанимали годовых и сроковых батраков, причем в наибольшем количестве. В связи с усиленным наймом людность их хозяйства в наибольшей степени превышала величину семьи, самой по себе достаточно крупной. Здесь находит подтверждение вывод В. И. Ленина, сделанный на материалах Европейской России, о том, что наибольшая обеспеченность зажиточных домохозяйств в деревне собственной рабочей силой не только не мешала им пользоваться наемным трудом, но прямо способствовала этому³¹.

Переход от «жизни трудами рук своих» к существованию за счет эксплуатации батраков у кулачества Сибири изучаемого периода фиксируется многими статистическими источниками. По данным исследователя М. В. Загоскина, в 1880-х гг. в с. Грановском Иркутского окр. величина

семей повышалась от группы бедных хозяйств к группе зажиточных с 4,3 до 8,4 человек, но затем при переходе к группе богатых сокращалась до 6,0 душ³². За этот же период имеется несколько описаний очень богатых дворов Енисейской губ. с крайне незначительным семейным составом как типичных для своего слоя³³. В наиболее богатых, с посевом свыше 25 десятин, дворах Алтайского горного окр. в 1911 г. был относительно низок процент лиц рабочего возраста³⁴. По данным переписи 1916 г., в Томской губ. при переходе от группы хозяйств с 15–20 десятинами арендованного посева и посева на арендованной земле к группе свыше 25 десятин происходило сокращение людности двора с 10,8 до 9,6 душ. При переходе от группы дворов с 4 наемными работниками к группе имеющих свыше 4 батраков состав двора сокращается от 15,1 до 11,7 человек³⁵. В казачьих поселках Западной Сибири в 1917 г. хозяйства, имевшие 4–7 наемных работников и более 25 десятин посева, были меньшими по людности, чем дворы с более низким благосостоянием³⁶.

Многочисленные источники показывают важное значение оптимального количества работников для судеб крестьянского двора. Так, крестьянин с. Курагинского Минусинского окр. Енисейской губ. Ф. Ф. Девятов, называя рабочую силу источником трудовой крестьянской жизни, писал в 1885 г.: «Прибывает в семье рабочая сила, прибывает и увеличивается разработка земли; увеличивается посев хлеба, скотоводство; одним словом, растут приход и расход»³⁷. Из того факта, что величина и структура семьи и размеры посева (более широко — благосостояние домохозяйства) находились в связи друг с другом, многие дореволюционные исследователи делали вывод о том, что численность и состав рабочих сил семьи являлись «первоначальным», основным фактором, определявшим степень благосостояния семьи³⁸. Источники показывают: несомненно, состав семьи влиял на ее способность вести хозяйство, на место семейного двора в социальной структуре деревни, но при капитализме крепла и усиливалась обратная связь.

Уже во второй половине XIX в. применительно к Иркутской губ. был ус-

тановлен тот факт, что на размер запашки влияло не столько количество рабочих рук в семье, сколько «размер капитала в виде орудий производства (рабочего скота), с одной стороны, и сферы их приложения (количество пашни), с другой»³⁹. «Капитальные» домохозяйства недостаток семейных рабочих рук восполняли наймом. Это восполнение было возможным потому, что не имеющие средств производства бедняцкие хозяйства отдавали «излишек» работников в батрачество.

Известный исследователь А. А. Кауфман, обследовав хозяйства томских переселенцев, в 1880—1890-х гг. пришел к выводу о том, что рабочий состав переселенческой семьи был более важным фактором ее благосостояния, чем количество денежных средств, принесенных с родины. Но уже в начале XX в., по его же словам, переселенцам «денег на обзаведение и на продовольствие, пока хозяйство станет на ноги, требуется несравненно больше; условия для приложения избыточного труда несравненно менее благоприятны, и поэтому едва ли можно сомневаться в том, что размер принесенных денежных средств приобретает вместо прежнего второстепенного, доминирующее, первостепенно-важное значение»⁴⁰.

Исследователь С. В. Соколов на примере крестьян Ишимского уезда Тобольской губ. показал, что обнищание массы середняцких дворов мало было связано с неблагоприятным составом семьи середняка. Больше того, для бедняка крупная семья, даже с достаточным количеством «земельных душ» и «дельных работников», была зачастую только обременительна: он был вынужден нести большие повинности за пользование несколькими наделами, тогда как по бедности своей «едва в силах обработать и один, и остальные у него пустуют». Между тем, богатый крестьянин с таким же составом семьи, нанимая батраков и используя машины, обрабатывал не только свои наделы, но и необработанные наделы бедноты⁴¹.

Крестьяне сами осознавали, что в наиболее развитых районах Сибири в паре взаимосвязанных показателей «размер семьи – благосостояние двора» в начале XX в. определяющим все чаще становился второй показатель. В

деревнях бытовали пословицы: «Одна голова не бедна, а бедна, так одна», «У бедного ребяты, а у богатого теляты» и др.⁴² Однако в обширных захолустных, относительно отсталых уголках Сибири (Нарымский и Причунский края, Тункинская долина и пр.) у крестьян по-прежнему были весомые основания утверждать, что «малодушные» семьи «худо живут — работать некому», что «тот богач, у которова парни есть, а не тот, у которова деньги да девки»⁴³.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДОМОХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Характеризуя состав населения крестьянского домохозяйства, следует отметить, что с 1874 г., после установления в стране всеобщей воинской повинности, призыв на военную службу молодых мужчин стал заметно влиять на состав рабочей силы. Сокращалось число «семейных» работников-мужчин во многих дворах, суживалась и возможность найма батраков из числа молодых односельчан. В периоды, когда Россия вела военные действия, производились массовые призывы в армию запасных нижних военных чинов и ратников ополчения первого разряда. Это заметно деформировало структуру наличного населения домохозяйств. На крестьянстве восточных окраин страны особенно *сказались три волны массовых призывов* конца XIX — начала XX в.

Первой из них по времени была мобилизация 1900 г. на войну Китае, по словам очевидца, «оторвавшая от деревни лучших работников и внесшая в обиход крестьянина массу сумятицы и горя»⁴⁴. *Русско-японская война* внесла еще более весомую лепту в дело разрушения крестьянских хозяйств. В Тобольской губ., например, уже в 1904 г. было призвано в армию более 10 % мужчин-работников⁴⁵.

Теоретически призывников должно было быть относительно больше в высшем социальном слое деревни и мало в низшем, так как у зажиточных

почти не было дворов с одним «семейным» работником, обычных для бедноты, а единственный в семье кормилец по закону призыву в солдаты не подлежал. На самом же деле в 1904–1905 гг. на службу призывали чаще именно сыновей бедняков, которые не имели средств откупиться. Например, в Барнаульской волости одноименного уезда Томской губ. на каждые 100 мужчин рабочего возраста в беспосевной и малопосевных группах хозяйств (засевавших до 4 десятин) было призвано от 15,4 до 38,0 человек, тогда как в многопосевных (свыше 10 десятин) — 14,9–15,0 человек. В среднепосевных домохозяйствах соответствующий показатель колебался от 13,2 до 14,8 душ⁴⁶.

Особенно сильно повлияли призывы на структуру рабочей силы в годы *Первой мировой войны*. Давая характеристику семей бедноты, середняков и кулачества по данным переписи 1916 г., следует обязательно учитывать этот факт и оговариваться, что они не могут механически применяться при описании структуры домохозяйства в течение всего изучаемого периода. В годы войны за счет нескольких призывов в армию заметно сократилась наличная людность двора и семьи, резко изменилось в них соотношение мужчин и женщин. Так, в Тобольской губ. летом 1917 г. количество призванных достигло 24 % всех лиц мужского пола, после чего доля мужчин понизилась в половом семейном составе до 39,0 % (до войны она составляла 50,7 %) ⁴⁷. Как свидетельствуют материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., аналогичное положение наблюдалось во всех губерниях и областях Сибири (табл. 14). Призванные в действующую армию мужчины почти повсеместно составляли здесь (кроме Енисейской губ.) половину и более трудоспособных мужчин рабочего возраста, входивших в состав крестьянских семей. Без наличных работников, своих «семейных» и наемных, осталось от 1/3 до половины собственно крестьянских домохозяйств. Казачьи дворы испытали негативное воздействие военных призывов в меньшей степени.

**Сокращение людности крестьянских и казачьих хозяйств в Сибири
за годы Первой мировой войны, %***

Губерния, область	Отсутствует населения	Призвано в войска мужчин-работников	Осталось хоз-в без мужчин-работников
Акмолинская	13,8 / 10,3	60,6 / 32,1	49,0 / 28,0
Тобольская	13,4	51,9	37,4
Алтайская	12,7	53,7	44,3
Томская	12,5	54,5	42,5
Енисейская	12,8	38,9	34,5
Иркутская	13,2 / 12,9	49,6 / 46,3	40,8 / 40,6
Забайкальская	12,9 / 7,0	54,8 / 23,9	41,1 / 15,2

* Таблица составлена по данным: *Погубернские итоги...* С. 72, 84. В показателях без дроби и в числителях дробей — хозяйства крестьянского типа, в знаменателях — хозяйства казаков.

В годы мировой войны в семейном домохозяйстве резко возросла доля женского труда, повысилось значение труда старших детей, подростков и стариков, временно усилилась роль межсемейной взаимопомощи. В категорию «трудоспособных», «полных работников» вынужденно перешло к 1917 г. множество лиц нерабочего возраста. Доля таковых от общего числа трудоспособных в крестьянских дворах составила 24–30 % у мужчин и 8–9 % среди женщин, по данным из Тобольской, Иркутской губерний и Забайкалья-48.

В условиях преобладания среди бедноты мелких домохозяйств с 1—2 работниками-мужчинами призывы в очередной раз сильно ударили именно по этому слою сельского населения. Административные учреждения были буквально наводнены жалобами солдаток, оставшихся с семьями без всяких средств к жизни, прошениями о назначении пособия. Типичным является прошение крестьянки дер. Долбиловой Карачинской волости Тобольском уезда, у которой сын «единственный был в доме работник, на нем все хозяйство состояло ... а сие время совершенно поддержать хозяйство некому...»⁴⁹.

В целом во второй половине XIX — начале XX в. структура населения крестьянского двора и семьи находилась под значительным влиянием развития капитализма вглубь и вширь. Старожильческий двор в Сибири был

близок по составу семейному крестьянскому хозяйству Европейской России, особенно в районах достаточно интенсивного социально-экономического развития. У переселенцев типичная для того времени демографическая структура двора искажалась тяжелыми условиями переселения и устройства на новом месте. Сильно деформировалась структура не только переселенческой политикой правительства, но и рядом других экономических и политических факторов, особенно призывом мужчин в армию во время войны. Наиболее контрастной была структура семей на двух социальных полюсах сибирской деревни, где наметилось изживание хозяйственной функции семьи.

Примечания

-
- ¹ См.: *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь... С. 154; *Горелов В. А.* Структура... С. 96—97; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй... С. 92; и др.
- ² См.: *Власова И. В.* Русские. С. 25.
- ³ *Сабурова Л. М.* Культура и быт... С. 167 (табл. 5).
- ⁴ См.: *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... С. 76; *Соловьева Е. И.* Численность и структура... С. 140.
- ⁵ См.: *Шацкая Т. В.* Численность и структура русской крестьянской семьи Тобольской губ. (по материалам Первой Всеобщей переписи 1897 г.) // Студент и научно-технический прогресс: История. Новосибирск, 1977. С. 53—59.
- ⁶ Подсчитано по: ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 192, 193, 211.
- ⁷ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. 1890. Вып. 8. С. 400.
- ⁸ КККМ, о/ф. 7886, д. 104, л. 43; *Зобнин Ф. К.* Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр. // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 47.
- ⁹ *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 142.
- ¹⁰ См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* С. 184.
- ¹¹ *Крестьянское землепользование...* С. 3.
- ¹² Там же. С. 3—4; *Материалы по исследованию...* Ялуторовского окр. Тобольской губ. С. 801; *Материалы по исследованию...* в Бийском уезде (окр.). 1898. Вып. 1. С. 18—19; 1900. Вып. 3. С. 10—11; *Материалы по исследованию...* в Томском окр. Т. 2. Вып. 1. С. 51—52; ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 51, л. 21—22.
- ¹³ Подсчитано по: *Материалы по исследованию...* Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1889. Т. 1. С. 170; 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 62; 1893. Т. 3. С. 700.
- ¹⁴ Подсчитано по: *Общий свод...* С. 16—17.
- ¹⁵ Подсчитано по: *Первая Всеобщая перепись...* Т. 73. С. 5; Т. 74. С. 5; Т. 75. С. 5; Т. 78. С. 7; Т. 79. С. 7; Т. 81. С. 5.
- ¹⁶ *Островский И. В.* Материалы сельскохозяйственных переписей... С. 91.
- ¹⁷ *Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.* С. 78, 96.
- ¹⁸ *Власова И. В.* Русские. С. 25.
- ¹⁹ См.: *Зверев В. А.* Русская крестьянская семья... С. 10.

- ²⁰ См.: *Демографический* энциклопедический словарь. С. 397.
- ²¹ *Сборник* статистических сведений... Сибири. Вып. 1. С. 56.
- ²² ТФ ГАТюМО, ф. 417, оп. 2, д. 25, л. 90; д. 45, л. 86а; д. 69, л. 63; д. 90, л. 46; д. 92, л. 27; д. 164, л. 13.
- ²³ *Материалы* по экономическому исследованию внутренних водных путей. СПб., 1916. Отд. 2: Сельское хозяйство в Алтайском окр. С. 60—61.
- ²⁴ *Современное* крестьянское сельское хозяйство в районе осушительных работ Томской гидротехнической партии. Томск, 1916. С. 15—16.
- ²⁵ Подсчитано по данным табл. 8.
- ²⁶ См.: *Материалы* переписи 1916 г. по Томской губ. (из опыта обработки на ЭВМ) / Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Новосибирск, 1969.
- ²⁷ См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 172—175.
- ²⁸ ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 223, л. 2 и др.; д. 225, л. 121 и др.; 1917 г. в деревне: Воспоминания крестьян. М., 1967. С. 280, 284.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 256.
- ³⁰ *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956. С. 154—155.
- ³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 84.
- ³² *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891. С. 51.
- ³³ См.: *Материалы* по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1894. Т. 4. Вып. 5. С. 347—348.
- ³⁴ *Материалы* по экономическому исследованию... С. 57.
- ³⁵ Подсчитано по: *Материалы* переписи 1916 г. ... С. 223—225, 291—293.
- ³⁶ *Ишмаев Н. Е.* Сибирское казачество. С. 31.
- ³⁷ *Девятков Ф. Ф.* Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 315.
- ³⁸ См., например: *Колонизация* Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. С. 359—360.
- ³⁹ *Материалы* по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 1. С. IX (примеч.).
- ⁴⁰ *Кауфман А. А.* Переселения и колонизация. С. 305—306.
- ⁴¹ *Труды* местных комитетов... Т. 53. С. 283—284, 296.
- ⁴² ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 26; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1. С. 398; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 20, 29.
- ⁴³ *Виноградов Г. С.* Замечания о говорах Тункинского края // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 22 (примеч.); *Чеканинский И.* Енисейские старины и исторические песни // Этнографическое обозрение. 1915. № 1/2. С. 84; *Воробьев Н. И.* Материалы по быту русского старожильского населения Восточной Сибири // Известия ОАИЭ. Казань, 1926. Т. 33. Вып. 2/3. С. 108.
- ⁴⁴ *Корреспонденции* // Сибирская жизнь. 1900. 6 сент.
- ⁴⁵ ЦГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1266, л. 25.
- ⁴⁶ *Трегубов Н. М.* Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906. С. 19—20.
- ⁴⁷ ТФ ГАТюМО, ф. 417, оп. 1, д. 725, л. 7.
- ⁴⁸ Подсчитано по: *Итоги* предварительного подсчета... С. 473—474; *Предварительные* итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской обл. в 1917 г. С. 50—51; *Предварительные* итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губ. Тобольск, 1918. С. 2—3.
- ⁴⁹ ТФ ГАТюМО, ф. 344, оп. 1, д. 100, л. 52. См. также: л. 1—147.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ И НАСЕЛЕНИЕ СЕМЕЙНОГО ДВОРА

Наиболее важной из множества общественно-значимых функций семейного крестьянского домохозяйства при капитализме была функция *экономическая*. Рассмотрим организацию хозяйственной деятельности двора в Сибири, принципы распределения работ между отдельными членами семьи домохозяина, другими членами и структурными единицами. Начнем с характеристики земледельческих работ — наиважнейших для крестьянства в большинстве освоенных русскими районов Сибири.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Дореволюционные исследователи крестьянского быта многократно отмечали преобладание при обработке хлебного поля в Сибири труда членов крестьянской семьи. Массовые статистические источники в целом подтверждают этот вывод. В земледельческо-промысловых районах севера и востока Томской губ. в 1910—1913 гг. абсолютное большинство крестьянских домохозяйств, имевших пашню, обрабатывали ее только силами членов семьи хозяина: в Нарымском крае — 93,4 % дворов старожилов, 89,9 % хозяйств новоселов, в Причулымье — соответственно 58,2 и 84,9 %¹. Близкие к этим данные имеют материалы обследования переселенческих хозяйств Таловской, Златогорской и Тюхтетской волостей Томской губ. в 1909 г. Здесь своим трудом обрабатывали семейную пашню площадью свыше 0,5 десятин 96,1 % сеющих дворов новоселов².

Однако приведенные данные относятся к отдаленным местам, где «раскрестьянивание» не отличалось большой глубиной. Даже богатые дворы здесь ограничивали наем, полагаясь на многолюдность своей семьи, большое количество в ней рабочей силы. В более развитых районах Сибири использо-

вание в земледелии наемного труда было распространено шире³. Когда участники экономического обследования 1911 г. на Алтае говорили о том, что «рабочие силы членов семьи ... играют при выполнении главнейших хозяйственных операций преобладающую роль, а эксплуатация наемного труда имеет лишь второстепенное и подсобное значение», они приводили при этом данные об использовании годовых, сроковых и месячных работников⁴. Между тем половина и более всей работы батраков в сельском хозяйстве Томской губ. выполнялась в это время сдельно и поденно⁵.

В высшем социальном слое было немало предпринимательских дворов, основные земледельческие работы в которых выполнялись наемными рабочими, а хозяева в основном «присматривали» за хозяйством. По воспоминаниям крестьянина Россиева из с. Шушенского Минусинского окр. Енисейской губ., во второй половине XIX в. в этой местности в зажиточных домах было до трех постоянных батраков. «Для работников назначались в хозяйстве более тяжелые физические работы: пахота земли, заготовка и вывозка леса, как на постройки, а также и на дрова, уборка хлебов, заготовка сена и вывозка его для корму скота»⁶. В зимнее время, по отзыву наблюдателя, в Верхоленье батраки использовались также на молотье, перевозке хлеба на мельницу и т. д.; наличие наемного работника «освобождает мужчин (из семьи домохозяина. — В. З.) для промысла (охотничьего. — В. З.)»⁷. Женщин нанимали чаще всего на время страды, мальчиков-подростков — обычно весной для боронования пашни, девочек — на лето или постоянно «в няньки», для пестования маленьких детей. Н. П. Трифонов, житель дер. Мельниковой Шегарского района Томской обл. вспоминал позднее, что местные богатеи, имевшие по 50—60 десятин земли, нанимали до 15 батраков и при уборке урожая «обходились наемными работниками: семья хозяина в уборке почти не участвовала»⁸.

Наряду с трудом членов семьи хозяина и наемных рабочих в сибирском полеводстве, как и в других сферах экономической жизни двора, использовались формы трудовой взаимопомощи крестьян: *артели* — соединение рабо-

чей силы из нескольких семей для выполнения длительной работы с уравни- тельным разделом доходов; *помочи* — единовременная коллективная помощь односельчан конкретному домохозяйству, обычно за угощение. «Если бы не было взаимной помощи среди крестьян, то половина хлеба оставалась бы в поле», — констатировал современник описываемых событий⁹. В условиях развивавшегося капитализма трудовая взаимопомощь крестьянских дворов постепенно перерождалась, становилась разновидностью найма. Один из жителей с. Баженова Томской губ. писал в 1908 г.: «Несчастливая жертва мироедской алчности, бедняк дорого окупает помощь своего покровителя... Он должен быть с семейством непременно членом на всех помочах, посредством которых мироед стяжает свои богатства. Большею частью мироед пашет помочами, косит сено и убирает хлеб — тоже»¹⁰. Помочи местами вытеснялись поденщиной, что резко сокращало возможности для ведения земледельческого хозяйства малыми семьями деревенской бедноты.

К сожалению, мы не располагаем источниками, позволяющими статистиче- ски точно показать соотношение труда членов семьи, батраков и помочан, мужчин и женщин разного возраста, стариков и подростков в тех или иных земледельческих работах. Опубликованные данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской, Иркутской губерниям и Забайкальской обл. дают сведения об участии членов семьи, мужчин и женщин в главных земледель- ческих работах (табл. 15). Но они относятся ко времени Первой мировой войны, когда структура рабочей силы в крестьянских домохозяйствах была сильно деформирована.

**Участие крестьян в важнейших полевых работах в своем хозяйстве
(1917 г.)***

Регион, категория хозяйств	Наличных членов на 100 хоз-в	Из них участвовало							
		в пахоте		в сенокосе		в уборке хлебов		во всех главных работах	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
<i>Мужчины</i>									
Тобольская губерния	218	87	39,9	96	44,0	96	44,0	99	45,4
Забайкальская область	249	94	37,8	100	40,2	97	39,0	102	41,0
Иркутская губерния	241	90	37,3	99	41,1	99	41,1	104	43,2
В т. ч.:									
крестьяне-старожилы	246	96	39,0	104	42,3	105	42,7	109	44,3
крестьяне-переселенцы	230	80	34,8	88	38,3	87	37,8	92	40,0
казаки	246	103	41,9	116	47,2	116	47,2	117	47,6
<i>Женщины</i>									
Тобольская губерния	279	22	7,9	122	43,7	127	45,5	129	46,2
Забайкальская область	290	65	22,4	99	34,1	108	37,2	112	38,6
Иркутская губерния	291	34	11,7	106	36,4	129	44,3	130	44,7
В т. ч.:									
крестьяне-старожилы	303	35	11,6	109	36,0	137	45,2	138	45,5
крестьяне-переселенцы	270	32	11,9	99	36,7	133	49,3	135	50,0
казаки	282	23	8,2	120	42,6	126	44,7	126	44,7

* Подсчитано по: *Итоги* предварительного подсчета материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Иркутской губ. Иркутск, 1919. С. 472—474; *Предварительные итоги* сельскохозяйственной переписи в Забайкальской обл. в 1917 г. Чита, 1918. С. 40—41, 50—51; *Предварительные итоги* сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губ. Тобольск, 1918. С. 2—3.

В этих условиях только в пахоте, традиционно мужском занятии сельчан, в годы войны труд мужчин существенно преобладал над трудом женщин, как в отдельных категориях крестьянства, так и в итоге по регионам. В косьбе трав преобладание было на стороне женского труда, оно возрастало в уборке хлебов. В итоге во всех главных полевых работах в 1917 г. доля женского труда по отношению к мужскому составляла 130 % в Тобольской губ., 125 — в Иркутской (127 у крестьян-старожилых, 125 — у переселенцев и 108 % — у казаков), 110 % — в Забайкалье¹¹. По отношению к довоенному времени эти данные следует корректировать с учетом имеющихся источников описательного характера.

Проследим за *распределением работ и организацией семейного труда в*

хлебопашестве.

Расчистка места для пашни от леса («подсачивание», «очерчивание» деревьев и раскорчевка), как наиболее трудная работа, была мужским занятием. По данным обследования переселенческих участков в Сибири 1911—1912 гг., для этой работы здесь, при условии расположения 50—100 деревьев на десятине, при подсачивании работником 50 деревьев в день, для очистки 1 десятины требовалось от 20 до 135 мужских рабочих дней. Большую роль при этом играло количество использованных лошадей¹². В Приангарье для очерчивания крестьянской десятины требовалось 2—3 дня одного работника, для полной очистки — от 3 до 5 недель¹³.

Вспашка земли также производилась, как правило, мужчинами. В начале XX в. в переселенческих поселках поднятие пластов на 1 десятине целины в степных районах при использовании силы одного мужчины и трех лошадей требовало три мужских рабочих дня, а в лесной зоне — 2,5 дня (6,5 — при двух лошадях). Вспашка мягкой земли при работе мужчины с двумя лошадьми требовала двух дней в степи и двух-трех дней в лесу¹⁴. По данным выборочного обследования в 1911 г. крестьянских хозяйств Алтайского горного окр., здесь при пахоте по залугу на обработку 1 десятины за день требовался труд 1,82 мужчины и 0,41 подростка при первой вспашке и, соответственно, 1,66 и 0,21 — при повторной. Для пахоты по мягкой земле (жнивью или пустоши) использовался труд 1,26 мужчины и 0,26 подростка при первой вспашке и 1,20 взрослого мужчины — при второй¹⁵.

В Тобольском окр. во второй половине XIX в. на обработку казенной десятины требовалось три мужских дня при работе сохой-рогальюхой и два дня — сохой-колесянкой¹⁶. В тех районах и тех хозяйствах, где применялись колесянки, при вспашке сравнительно широко использовался труд мальчиков-подростков. В Ишимском окр. Тобольской губ., например, при вспашке залогов или вязких почв требовалось пахать тройкой лошадей. Третья лошадь запрягалась или рядом с двумя первыми, или впереди них. В последнем случае на переднюю лошадь садился мальчик лет 8—12. Рогальюхами пахали

только взрослые мужчины¹⁷. В некоторых местах Туринского окр. при пахоте на двух лошадях они запрягались «гусем», и на переднюю также садился подросток¹⁸.

Боронование пашни и заделка семян повсеместно в Сибири были обязанностью, главным образом, старших детей и «полурабочников»-подростков. В юго-западной части Томского окр. во второй половине XIX в. двукратное боронование с заделкой семян на 1 десятине требовало 1,5 рабочих дней взрослого мужчины и 2,5 дней двух подростков с двумя лошадьми. Более суровые условия Тобольского окр. приводили к тому, что здесь мальчик-бороноволок обрабатывал во время первой бороньбы десятину 0,5 дня, при 1—1,5 рабочих днях лошади. Вторая бороньба и заделка семян осуществлялись мужчинами, которые затрачивали на это три рабочих дня при 2—6 рабочих днях лошади¹⁹. В переселенческих поселках Сибири при работе мужчины с двумя лошадьми двукратное боронование десятины целинных земель требовало в среднем четырех рабочих дней в степных районах и шести — в лесных. На «мягкой» земле при тех же условиях требовалось два рабочих дня в степи и четыре — в лесу. Посев на 1 десятине в любом районе требовал 0,5 дня работы мужчины²⁰.

Прополка полей от сорняков производилась вручную и была исключительно женским занятием, в котором применялся и труд девочек-подростков. В условиях сильной засоренности семян это была очень трудоемкая операция. В Причулымском крае на прополку 1 десятины женщине приходилось затрачивать не менее 20 дней, в Алтайском горном окр. — около 6,5, в Тобольском окр. при изобилии сорняков — 9—12, а при малой засоренности — 4—7 рабочих дней²¹. В переселенческих хозяйствах сибирской лесостепи в начале XX в. на прополку десятины пашни уходило от 6 до 10—15 дней²².

В Сибири применялось два способа жатвы хлебов: вручную — серпами или косами, и с помощью машин. Косами хлеба косили, как правило, мужчины. При жатве серпами применялся в разной пропорции труд мужчин, женщин и подростков обоего пола. В одних местах при этом труд женщин

преобладал, в других было «безразлично, работают ли мужчины или женщины», в третьих женщины считались «почти столь же пригодными для этой работы, как и мужчины»²³. Мужской труд при этом был несколько производительнее. Так, в Ишимском окр. Тобольской губ., по данным второй половины XIX в., «средний работник выжнет примерно в полтора раза больше средней работницы; хорошая же работница выжнет столько же, сколько средний работник»²⁴.

Труд подростков на ручной жатве применялся как вынужденная мера в малых семьях, не имевших взрослых рабочих рук. При машинном «жнитве» работали мужчины и подростки, причем последние преобладали, поскольку, по словам источника, «здесь главная работа выпадает на долю машин и лошадей, человеческий труд играет лишь вспомогательную роль (править и погонять лошадей при так называемой “лобогрейке”, также и сбрасывать солому)»²⁵.

Количество труда на ручной уборке зависело, в частности, от урожая. Во второй половине XIX в. в Тобольском окр. при урожае в 3 овина для жатвы на 1 десятине требовалось 8—9 мужских или женских дней; при урожае в 4 овина — 9—10 дней²⁶. В юго-западной части Томского окр. при урожае в 600—800 снопов с десятины требовалась 4—5-дневная работа взрослых мужчины и женщины²⁷.

Сжатый или скошенный хлеб увязывали в снопы, которые затем собирали в «суслоны», что было преимущественно женским занятием. В Алтайском окр. для связывания и уборки в суслоны хлебов с 1 десятины за день требовалось в среднем 3—4 работницы²⁸.

Снопы вывозили с поля на гумно или в овины и складывали там. Эту очень трудоемкую работу исполняли и мужчины, и женщины, и подростки. Одни накладывали хлеб на возы, другие отвозили его, третьи укладывали на место. На Алтае при уборке хлеба в клади соотношение мужского и женского труда было 2 : 1. В юго-западной части Томского окр. при урожае в 600—800 снопов с десятины уборка сжатого хлеба в клади требовала одного дня

работы взрослого конного работника и «полуработника»-подростка; вывоз на гумно 600 снопов — двух рабочих дней взрослого работника и «полуработника» при трех лошадях. В Тобольском окр. сложить четыре овина — значило затратить два мужских рабочих дня²⁹.

Сушкой, молотьбой и веянием хлеба занимались, как мужчины, так и женщины. В Тюменском окр. Тобольской губ. во второй половине XIX в. сушка хлеба в овине продолжалась сутки и проводилась двумя работниками: один (конный) подвозил, другой топил печь, устанавливал снопы и наблюдал за сушкой³⁰.

Молотьба хлеба в разных местах Сибири производилась по-разному. Преобладала работа вручную цепями-«молотилами», но постоянно расширялось применение лошадей и машинной молотьбы. При работе вручную считалось идеальным участие пяти человек: четверо молотили цепями, а пятый подавал снопы, поворачивал их и следил за правильным ходом работы. Хотя молотьба считалась преимущественно мужским занятием, почти повсеместно в Сибири в ней участвовали и женщины. Крестьяне старались придерживаться выработанных предками правил, но сокращение семейного состава вызывало необходимость использования меньшего числа работников. Чтобы не допустить этого, в деревнях широко применяли артели, когда две-три семьи молотили хлеб по очереди друг у друга, а также помочи и наем батраков.

В том случае, когда для обмолота применялись лошади и машины, к работе привлекались и подростки. Они водили лошадей, подтаскивали снопы и т. д. При работе с лошадей для успеха нужно было два взрослых работника (ворошить снопы) и один «полуработник» — водить лошадь³¹. К молотилке в Барнаульской волости Томской губ. считалось необходимым приставить человек 12—16 мужчин и женщин (из них мужчин 1/4 часть) при 8 лошадях. Такая работа выполнялась, конечно, вне рамок семьи — помочью, артелью или наймом³².

Весь комплекс уборочных работ, начиная с жатвы и заканчивая свозом

хлеба в амбары (машинная жатва, вязка, уборка в суслоны, свозка), в Алтайском горном окр., по данным выборочного обследования 1911 г., требовал в расчете на уборку 1 десятины в день труда 3,38—4,27 мужчин, 4,61—6,38 женщин и 0,26—0,59 подростков при 4—5 лошадях. При этом затраты труда варьировались в зависимости от урожая на участках с разным плодородием почвы³³.

Весьма трудоемкой операцией в крестьянском хозяйственном календаре была уборка сена. Траву чаще всего косили мужчины, гребли женщины, а свозили лошадьми в копны дети лет с 6—7. За день такой ребенок мог свезти до 100 копен³⁴. При метании стогов женщины помогали мужчинам. В семьях с недостаточной людностью труд женщин и подростков использовался и непосредственно при косьбе.

Время сенокоса, уборки урожая и молотьбы, пахоты под озимые являлось кульминационным моментом сельскохозяйственного года. «В августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять», — говорили сибиряки³⁵. К этому времени домохозяйства старались мобилизовать все свои рабочие силы. Обычно приостанавливались работы, отвлекавшие членов семьи от земледельческих занятий, даже те, которые велись в период весенней вспашки, сева и летней обработки полей. Ушедшие в отход «домашние» стремились возвратиться в деревню или прямо вызывались туда домохозяином. Парни, не успевшие жениться осенью и зимой, делали это в мае-июне, чтобы к июлю-августу привести домой еще одну молодую работницу.

Именно с Петрова дня (29 июня по старому стилю) до Покрова (1 октября) на время сенокоса, жатвы и обмолота чаще всего в сибирских деревнях нанимались «на строк» батраки и пострадки. В это же время были наиболее частыми явлениями наем поденщиков и устройство помочей, обычно по воскресеньям и праздничным дням, когда крестьяне старались воздерживаться от работы в своем хозяйстве. Если в семье не было своих стариков и подростков, на время страды крестьяне нередко нанимали в качестве нянек чужих девочек для «наставания» — присмотра за малыми детьми. Некоторые

семьи в такой ситуации кооперировались. А. А. Макаренко описывал случай, когда две родственницы, имевшие грудных детей, «во время сенокоса и страды понедельно оставались дома, и каждая кормила грудью обоих ребят днем, к ночи же приезжала и другая мать»³⁶.

Даже престарелые и больные члены семьи в это время были очень необходимы в хозяйстве. Крестьянин Исидор Столповских (дер. Макарова Обской волости Барнаульского уезда Томской губ.) в 1913 г. просил духовную консисторию «сделать со своей стороны увещания снохе нашей Ольге, чтобы она вернулась в дом мужа ... где могла бы присматривать за хозяйством, особенно в летнее время, когда семья выезжает на полевые работы, или, если она не согласится, разрешить сыну моему Петру вступить во второй брак». Сноха Ольга, как выясняется, будучи разбита параличом через неделю после свадьбы (у нее отнялись левая рука и правая нога), была взята обратно ее отцом и возвращаться к мужу не хотела. Свекор же считал ее необходимой в хозяйстве потому, что «она все-таки может передвигаться самостоятельно с помощью костыля»³⁷.

Заметное место среди земледельческих занятий сибирских крестьян занимало огородничество. Встречающееся в литературе утверждение, что работы в огороде «считались исключительно женскими»³⁸, требует уточнения. Безусловно, именно крестьянка трудилась в огороде все время, свободное от полевых работ и домашних дел: сажала, поливала, полола и т. д. По словам современника, всё это были работы, «до которых крестьянин не прикоснется, как до занятия, недостойного мужчины»³⁹. Однако, во-первых, в огородных работах женщинам очень много помогали старики и дети, особенно девочки. Делая и поливая гряды, выпалывая сорняки, участвуя в уборке урожая, ребята были в огороде незаменимыми помощниками матерей и старших сестер. Во-вторых, повсеместно вспашка огорода, починка изгороди, а в ряде местностей также и боронование, вывоз на огород удобрений и даже приготовление лопатами гряд производились мужчинами, иногда совместно с женщинами. В некоторых пригородных селениях, где многие

домохозяйства специализировались на огородничестве, продавая его продукты на рынке, мужчины участвовали во всех огородных работах, понимая, что «одним бабам не управиться» на весьма обширных плантациях. В качестве примера можно назвать дер. Батурину Спасской волости под Томском⁴⁰.

ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМЕЙНОГО ХОЗЯЙСТВА

Скотоводство, будучи тесно связанным с земледелием, было одним из главнейших занятий русских крестьян в Сибири. Известный исследователь Л. М. Сабурова отмечала, что в Приангарье при уходе за скотом в семье соблюдали разделение труда: за лошадьми ухаживали мужчины, за остальным скотом — женщины. Обеспечение всего скота водой в стойловый период было обязанностью мужчин⁴¹. Об аналогичном распределении обязанностей между мужчинами и женщинами на Алтае писала А. В. Сафьянова⁴². Имеющиеся источники позволяют распространить выводы этих этнографов на всю земледельческо-животноводческую зону Сибири. В восточной ее части, по сообщению Г. С. Виноградова, у русских крестьян женщинам не разрешалось даже входить на конный двор⁴³. Что касается рогатого скота, то, по словам участника похозяйственных обследований Н. М. Астырева, зажиточные мужики иногда даже не знали точного его количества в своем хозяйстве, говоря: «... от года и старше, надо полагать, штук 30 наберется, телят же — неизвестно сколько: надо баб спросить»⁴⁴.

Доеение коров при значительном их количестве в зажиточных домохозяйствах было тяжелой работой для женщин. В самых богатых дворах доением было одновременно занято несколько человек. В первые пореформенные десятилетия все крестьянки сбивали масло вручную, затем перетапливали и так хранили или продавали. С распространением в Сибири с середины 90-х гг. XIX в. машинного маслоделия в районах, которые оно охватило, женщины стали сдавать молоко «молোকанину». Но одновременно усилилась эксплуатация женского труда в других сферах хозяйства. Так, в Тюкалинском

уезде Тобольской губ., во-первых, возросло участие женщин в летних полевых работах, что, в частности, позволило увеличить заготовку сена в хозяйствах. Во-вторых, зимой женщины стали больше заниматься обрабатываемыми промыслами (тканьем холста и др.). Повсеместно в ходе развития машинного маслоделия у сдающих молоко крестьян увеличилось количество дойных коров, что требовало увеличения времени на уход за ними и доение-

45

Если в домохозяйстве было несколько женщин, то они в некоторых местах ухаживали за скотом по очереди: одна неделя «скотовая» («скотная»), а следующая — «стряповая», третья — «гульная» или «подсобная», например. Впрочем, деление это не всегда соблюдалось, и во многих случаях «коровницами», «скотовницами» постоянно являлись девушки и «молодухи». При отгоне скота на пастбище им легче давались долгие поиски коров. Старики и старухи присматривали за скотом, доили коров в жаркое время сенокоса и страды, смотрели, чтобы скот, пасущийся в поскотине, не вышел за ворота. Подростки выполняли обязанности пастухов.

Подводя *итог* характеристике земледельческих и животноводческих работ в рамках трудовой крестьянской семьи сибиряка, следует сказать следующее.

В сельскохозяйственных полевых работах *мужчин* наибольшая нагрузка приходилась на июль, август и сентябрь, т. е. период сенокоса, уборочных работ и молотбы, а также на май — время посевных работ. Остальные операции не требовали таких больших затрат рабочего времени и сил мужчин. В животноводческих занятиях мужчины тратили больше времени, наоборот, в зимние месяцы, когда обычно производились уборка и вывоз навоза, доставка и выдача животным корма.

Женщины были активно задействованы в земледелии и животноводстве, по мере возможности сочетая их с другими хозяйственными работами. Жительница с. Бея Минусинского уезда Енисейской губ. Авдотья Цибульская, имевшая с мужем зажиточное хозяйство, позже рассказывала: «Бабе ... нужно было всю работу в поле выполнить, убрать скотину... Кроме того, хотя хлеба и полны

амбары были, а все жадность одолевала, все хватаешь. Пойдешь, кому-нибудь поможешь жать. Вечером сядешь прясть, ребенок проснулся ... нужно его кормить... Женщина работала наравне с мужчиной на всех полевых работах и ездила с мужем в лес орешничать»⁴⁶. В земледельческих работах наибольшая нагрузка взрослых женщин приходилась на июль — время сенокоса, прополки полей и огородов, несколько меньшая — на июнь, август и сентябрь. Большие затраты времени и сил объясняются засильем ручного труда. В животноводстве наибольшая затрата рабочего времени у женщин приходилась на июнь-август, когда повышалась удоимость коров, увеличивался приплод молодняка.

У *подростков* затраты труда распределялись по месяцам и отраслям аналогично группе взрослых работников, т. е. у мальчиков — как у взрослых мужчин, а у девочек — как у взрослых женщин, только размеры этого труда были меньшими. Подростки и дети использовались преимущественно как помощники, мальчики — при отце и старших братьях, девочки — при матери и сестрах. «Дети отцу помога, матери — замена», — говорили крестьяне⁴⁷. Наибольшие затраты труда подростков приходились на время сенокоса и уборочных работ.

ПРОМЫСЛЫ В ХОЗЯЙСТВЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН

Третьей, после земледелия и скотоводства, по значению сферой экономической деятельности крестьянского домохозяйства в большинстве освоенных районов Сибири были добывающие промыслы — *охота* и *рыболовство*. Особенно видное место охота занимала в хозяйстве крестьян южных горно-таежных и умеренно-северных районов Западной Сибири, на большей части территории Восточной Сибири, рыболовство — по берегам крупных сибирских рек и озер.

Существовало *три формы организации охотничьего промысла*: артельная, семейная и одиночная. Так, в Карапчанской волости Киренского окр. Иркутской губ. промысел производился в конце XIX в. «от каждого дома целым семейством или кто как может, работники же (наемные. — В. З.) не

участвуют». Артели здесь создавались только для охоты на крупного зверя⁴⁸. В Приангарье крестьяне охотились преимущественно «индивидуально»⁴⁹. В Енисейской губ., по данным исследователя Н. Стрежнева, во второй половине XIX в. наиболее распространенной формой промысла была артельная. Это подтверждается статистически: в губернии на одно земледельческое хозяйство, являвшееся преимущественно семейным, приходилось в среднем 1,2 работника, а на охотничью промысловую единицу — 2,1 человека. Поскольку наем работников в охотничьем промысле был распространен мало, разница в 0,9 души «констатирует наличие ненаемных участников в охотничьем хозяйстве, т. е. обнаруживает артельную форму»⁵⁰.

Семейную охотничью «кооперацию» составляли или отец с сыновьями, или родные братья. Житель с. Разъезжего Ермаковского района Красноярского края С. М. Матросов вспоминает о жизни своей семьи до революции: «Жили вместе с отцом и двумя дядями. Один из мужиков постоянно находился в тайге, остальные охотились и занимались сельским хозяйством»⁵¹.

В охотничьих районах промыслом занимались почти все мужчины. Женщины-охотницы встречались в русских домохозяйствах лишь в виде исключения. В Томской губ. в 1911—1913 гг. среди зафиксированных выборочным исследованием 820 охотников из 801 семьи была только одна женщина (из числа переселенцев)⁵². Участие женщин в охотничьем промысле не поощрялось. Существовало поверье, согласно которому, если женщина перешагнет через капкан или другой звероловный снаряд, то зверь ловиться не будет⁵³.

При ловле белок, зайцев и других мелких зверьков «плашками» мужчины устанавливали и ремонтировали последние. На это уходило при 700 плашках на человека около недели в год⁵⁴. Сам же промысел плашками, сравнительно легкий, вели подростки. Они же обычно готовили пищу в зимовье. Дети или жены промышленников отвозили охотников в лесные «ухожья», вводили обратно в селения лошадей, изредка привозили в охотничьи зимовья съестные припасы. Мужчины занимались промыслом до старости, переходя в последние годы на более легкие виды охоты — ловлю зайцев и белок ловуш-

ками, куропаток сетями и т. д. Совсем одряхлев, старики принимали участие в промысле приготовлением снастей — черканов, сетей, силков.

В *рыболовстве* применялись *те же виды организации промысла*, что и в охоте, но гораздо шире использовался труд наемных работников. Так, на Ангаре «промысловые группы рыболовов ... состоят из односемейных и миниатюрных товариществ или из групп наемных рабочих... Односемейные группы оставляют свою добычу неразделенною, работники получают заработную плату ... и только товарищества выделяют себе равные пайи из добычи»⁵⁵. Своими силами могли вести промысел только крупные неразделенные домохозяйства. Об одном из них рассказывает старожил с. Старая Шегарка (бывшее Богородское) Шегарского района Томской обл. М. М. Сваровский: «Рыбу ловили круглый год... У семьи был свой невод. У свекра было 6 сыновей и 4 дочери. Работали своей семьей. Рыбу возили продавать в Томск...»⁵⁶.

Если рабочей силы в семейном хозяйстве не хватало, оно входило в артель. При этом основу, ядро многих артелей составляли члены зажиточной семьи. Так, на нижней Оби в с. Тундринском одна из семи артелей сезона 1896 г. состояла из самого хозяина — крестьянина Балина, двух его сыновей и четырех «посторонних» пайщиков. Артель в дер. Кушниковой состояла из хозяина невода, трех его сыновей и одного пайщика, артель у с. Кривого близ Сургута — из хозяина невода, его брата и двух пайщиков со стороны⁵⁷. Так же организуются в это время многие артели в бассейнах Лены и Ангары, где «недостаток собственных сил пополняется ... рабочими силами родственной семьи, а иногда силами дружественного хозяйства или наемными работниками»⁵⁸. В рыболовные артели, как и на семейный лов, допускались взрослые женщины и мальчишки-подростки.

Там, где рыболовство доставляло домохозяйству основную часть доходов, будучи главным или единственным экономическим занятием русского населения (Нижнее Приобье, Туруханский край, северное Прибайкалье), мужчина-рыболов считался основным работником при организации этого

промысла. Женский труд и работа подростков выступали как подсобные. Там же, где силы мужчин были больше втянуты в земледельческое хозяйство, обрабатывающие промыслы, отход, рыболовством занимались преимущественно женщины, старики и подростки.

Перейдем к демографическим аспектам характеристики участия крестьянского домохозяйства в сфере *обрабатывающей промышленности*. В условиях незавершившегося промышленного переворота в Сибири сохранялись стадияльные формы дофабричного производства — *домашнее производство, ремесло на заказ и на рынок, простая капиталистическая кооперация, рассеянная мануфактура*. При всех этих формах производства оно в той или иной степени велось в рамках или с участием семейной хозяйственной ячейки: ремесленникам в одиночку, «посемейно» или с привлечением наемной рабочей силы.

Со временем применение наемного труда в обрабатывающих промыслах увеличивалось. Возрастал и «промысловый состав семьи», т. е. количество членов хозяйства, непосредственно участвующих в промысле. В 1910 г. в обследованных экспедиционным путем пяти волостях Томского уезда (Богородской, Нелюбинской, Новоалександровской, Петропавловской и Семилужной) в одиночку обрабатывающими промыслами занимались члены 80,3 % промысловых дворов; «посемейно», с участием нескольких членов семьи — 14,9 %; использовало наемных рабочих 4,8 %. В каждом 100 промысловых хозяйствах участвовало в промысле 145 человек⁵⁹.

В начале 1914 г. Томский губернский кустарный комитет предпринял анкетное обследование обрабатывающих промыслов. Его материалы интересны, хотя имеют дефект: некоторые корреспонденты (сравнительно немногие, по мнению организаторов обследования) «записывали в бланк не только лиц, занимающихся промыслом, но и всех членов промысловой семьи, хотя бы они не занимались промыслами»⁶⁰. Внося соответствующие поправки в итоговые данные, можно сказать, что более половины участников домашних промыслов — крестьян Томской губ. составляли мужчины, до 1/4 — женщины и примерно столько же —

подростки. Наибольший промысловый состав семьи, ближе всего приближающийся к полному среднему составу, в 1914 г. был отмечен в кирпичном промысле. Следом за ним идут кожевенный, скорняжный, овчинный и пимокатный, т. е. все промыслы по обработке продуктов животноводства, а также веревочно-канатный и плетение сетей. Названные промыслы велись силами нескольких членов двора — «посемейно». Наименьший промысловый состав семьи был налицо в санном, сапожном, шубном и ткацком производствах. Эти промыслы велись преимущественно в одиночку мужчинами или женщинами.

Почти исключительно женским был ткацкий промысел, где из 141 участника работы, приходящегося на 100 промысловых хозяйств, женщин было 112, мужчин — 3, подростков — 26⁶¹. Сравнительно велико было участие женщин в следующих промыслах: щепном (производство туесов, деревянной посуды), портняжном, корзиночном, но особенно — в кирпичном, веревочно-канатном и плетении сетей. Меньше всего участвовали женщины в промыслах по обработке металла и дерева, за исключением щепного. Труд подростков шире всего использовался в тех промыслах, где многие операции не требовали обязательного применения силы и навыков взрослого работника — столярном, сундучном, кирпичном, кожевенном, скорняжном и веревочно-канатном.

Судя по всему, в других районах Сибири положение в целом было аналогичным. В Тобольской губ., где обрабатывающие промыслы были развиты лучше всего, источник конца XIX в. показывает мужские занятия — сухую перегонку дерева и углежжение, деревообработку, шорное и сапожное ремесло, ломание и тесание камня, печное и стекольное дело, обработку металлов; женские — прядение и ткачество; ряд «смешанных» промыслов⁶².

САМООБСЛУЖИВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ (ДОМАШНИЕ РАБОТЫ)

Очень много времени и сил членов крестьянского семейного двора отнимали домашние работы — «управа». По традиции «испокон веку» большин-

ство ежедневных и эпизодических дел в доме и на подворье были разделены на «мужичьи» и «бабьи». В домашней жизни крестьяне старались руководствоваться правилом: «Не пой курица петухом, не будь баба мужиком»⁶³, но в чрезвычайных обстоятельствах оно нарушалось. Такие обстоятельства, впрочем, случались нередко: призыв мужчин в армию, образование в ходе раздела «неполномочных» — неполных и бездетных семей, фактический развод с женой, болезнь члена семьи и т. д. В мужских работах поэтому мужчинам все чаще помогали (или целиком были вынуждены заменять их) «бабы» и «девки», подростки. Не исключалась также помощь мужчин женщинам в некоторых тяжелых работах. Конечно, играли здесь роль и стремление членов дружной семьи поддержать друг друга, простая человеческая любовь и отзывчивость.

Обязанностью *главы домохозяйства* («большой головы») являлся, прежде всего, общий надзор за домашней управой. «Свой глаз — алмаз», «Без хозяина дом — сирота», «Всякий дом хозяином ведется», — говорили сибирские крестьяне⁶⁴. *Мужчины* выполняли работы, требовавшие большой физической силы. Именно они производили «дровосек», «дроворуб», заготавливая дрова к зиме и доставляя их домой. О домашнем хозяйстве, которое беспорядочно и дурно велось мужчинами, так и говорили: «В избе семь топоров, а ни полена дров»⁶⁵. «Мужской полк» в семье заготавливал также бревна для хозяйственных построек, колол тын на изгородь и починял ее, ремонтировал дом и надворные постройки, поправлял сельскохозяйственный инвентарь, очищал двор от навоза. Его важной обязанностью был также подвоз сена. В условиях втягивания хозяйства в рыночные отношения часть заготовленных дров и сена, а также яиц, мяса и других продуктов мужчины продавали, специализируя на этом свое семейное производство в пригородных местностях. В основном «мужичьи» работы по домашнему хозяйству приходились на зиму и раннюю весну.

Основная тяжесть домашнего труда ложилась на *женщину*. По подсчетам Л. И. Васильевой, относящимся к 1920-м гг., домашние работы забирали у

женщин Западной Сибири наибольшую часть их рабочего времени (44 % у взрослых женщин) и удлиняли обычный женский трудовой день на 1—2 часа по сравнению с мужским⁶⁶. Прилежность женщин в исполнении домашних работ всячески поощрялась общественным мнением деревни. При выдаче девушки замуж к ней предъявлялось традиционное требование, чтобы будущая жена была «дому хозяйка, мужу жена и детям мать», и лучшей похвалой невесте было утверждение, что она «девка хорошая и не устает по домашности»⁶⁷.

В сфере домашнего хозяйства сибирские женщины были сравнительно слабо регламентированы домохозяином и подчинялись больше его жене-«хозяйке». «Брат сестре не указ в стряпне», — говорили в деревне, а мужчины полушутливо сетовали: «И своя хата, да не распоряджусь»⁶⁸. Женитьба сибирского аборигена на русской женщине ускоряла сближение национальных культур в области домашнего быта: он строился в семье с русской женой чаще всего по-русски, «как у добрых людей»⁶⁹.

Целый день «гоношилась» женщина, хлопотала по хозяйству, не упуская из виду ни одной мелочи. Уборка была одной из главных ее обязанностей. «Гоить», «обихаживать», «чередить» дом и двор нужно было как в силу сложившегося между членами семьи разделения труда, так и для того, чтобы не получить от соседок, охочих до пересудов, нелестного отзыва. О плохой, неаккуратной работе говорили, например: «Мыла — никто не видал, и вымыла — никто не узнал»⁷⁰. Лучшей похвалой женщине было признать ее «чистоткой», «обиходкой» — старательной, чистоплотной хозяйкой. Народная мудрость советовала женихам: «Где задороги белы, тут и девушку бери» (задороги — стены русской печи около шестка, белить их глиной полагалось молодым девушкам)⁷¹. Полы в домах крестьянки мыли еженедельно, а перед большими праздниками (Пасхой, Рождеством) мыли стены, в том числе наружные, и потолки. Работа эта занимала иногда по нескольку дней; богатые семьи нанимали для нее по три-четыре «мытницы» — девушек из бедных семей. Большая часть работы по наведению порядка в доме была при-

урочена к субботе, поэтому бытовала поговорка: «Суббота — бабья забота»⁷².

Святой обязанностью женщин было приготовление пищи для всех членов семьи и живущих в доме батраков, прочих приселенцев. Стряпней занимались взрослые женщины, и недаром в Западной Сибири трудоспособную женщину в рабочем возрасте называли «стряпкой». Печенье хлебов мужчиною, по словам исследователя Ф. К. Зобнина, у крестьян «считается делом, ни с чем не сообразным»⁷³. Недаром живущий без жены со стариками-родителями крестьянин дер. Босоноговой Истокинской волости Ишимского уезда Тобольской губ. Семен Редькин в своем прошении от 1910 г., плачась, что уже 7 лет «сам даже стряпает хлеб для себя и родителей», находит свое житье «в самом худом положении»⁷⁴. В некоторых захолустных местах сохранялась традиция, по которой хозяйка стряпала только сама, не допуская к печи других женщин и считая куть своим неприкосновенным владением. В большинстве же районов Сибири приготовлением пищи занимались все взрослые женщины в семье, иногда по очереди, летом понедельно чередуя стряпню и другие работы по дому с уходом за скотом. Большая часть работы по приготовлению пищи приходилась на канун праздников, а также на осеннюю пору, когда шла заготовка овощей на зиму. Засолка капусты производилась часто помочью — с участием приглашенных «на капустки» соседских женщин и девиц.

Много времени у женщин уходило на починку и пошив одежды для всех членов семьи, на стирку белья и т. д. «Делуха невестка: и в церковь с чулком!» — похваливали женщину, не упускавшую любого подходящего случая для такой работы⁷⁵. На обязанности женщины-матери лежала также почти вся тяжесть ухода за маленькими детьми. Выкормить ребенка, сохранить его в живых при низком уровне благосостояния большинства дворов, при неблагоприятной санитарно-гигиенической обстановке деревни было трудно. «С матерью — половина сироты, с отцом — весь сирота», — такими словами отмечали крестьяне главную роль, матери в «поднимании» детей⁷⁶.

Конца не было заботам и работам крестьянки при доме: «стираться», «шиться», «мыться», «убираться». В зажиточном дворе иногда сам хозяин не работал, а только присматривал и распоряжался, а жене его и детям было вздохнуть некогда — стряпня, скот, огород, ребята. Даже в так называемые «бабьи дни» — в праздничные, нерабочие для замужних женщин и девиц — у них были, как правило, определенные обязанности. Сбор лечебных трав вели на Аграфену-купальницу (23 июня по старому стилю), капустки устраивали на Богородичен день — 8 сентября, и т. д. В дни «годовых» праздников (Егорий вёшной — 23 апреля, Масленица, Покров, Рождество, Троица) на женщинах лежала масса обязанностей по уборке жилищ, варке пива, приготовлению кушаний. Угощение для семьи и гостей они должны были готовить в любой большой или малый праздник, как бы ни были благочестивы или суеверны. Старались воздерживаться в праздники только от женских промысловых и полевых работ в своем хозяйстве.

В среднем и зажиточном дворах хватало работы на несколько женщин. Пожилые крестьянки знали, что «из-за одной сношки не протянешь ножки», т. е. если в семье только одна сноха, то свекрови не приходится отдыхать⁷⁷. При большом объеме домашней управы к ней очень активно привлекались дети и подростки. Исследователи быта жителей Тюменского окр. Тобольской губ., отмечая, что здесь неохотно отпускают детей в школу, о главной причине этого говорили так: ребенком дорожат как «рабочей силой, ибо все-таки дома ему всегда найдут какое-нибудь подходящее занятие»⁷⁸. В горячую пору весенне-осенних работ девочки постарше почти всецело заменяли матерей в хлопотах по домашнему хозяйству. Поэтому, в частности, девочек, ушедших из школы до окончания курса обучения или пропускавших много занятий в начале и конце учебного года, было гораздо больше, чем мальчиков. Жительница с. Хаихта Нижнеудинского уезда Иркутской губ. А. В. Трифонова вспоминала позднее, что она с 9 лет в страдную пору оставалась дома полной хозяйкой. Ей нужно было «присмотреть» и накормить кур, цыплят и поросят, а вечером встретить из степи коров. Но самым «беспокойным хозяйством» ее

были пятеро младших братьев и сестренок⁷⁹.

В работах по дому и подворью до самой глубокой старости участвовали пожилые люди. Они присматривали за «домашностью», нянчились с «челядишками», производили мелкий ремонт построек, изгородей, обуви и одежды, готовили мелкий инвентарь для хозяйственных работ. «Таков уж обычай в крестьянстве, чтобы старики, “домовничая”, были бы чем-либо полезны своим домашним», — отмечал А. А. Макаренко⁸⁰. Пожилые женщины пользовались относительным досугом при условии, что у них была «замена» — дочери «на возрасте», невестки. Замены не было, если сыновья и дочери отделялись в самостоятельное хозяйство, поэтому хозяйки чаще всего были яркими противниками семейных разделов.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. для сибирского крестьянского домохозяйства, особенно старожильческого, была характерна *экономическая многопрофильность*. Нужды многопрофильного производства, в основе которого в основных районах лежало земледелие, лучше всего обеспечивались силами относительно многолюдного домохозяйства: оно позволяло ввести некоторое разделение труда между членами по отраслевому принципу и тем самым добиться большей производительности. Большая часть работ велась общими силами всех работоспособных членов домохозяйства — сенокос и уборка урожая, обмолот, вывоз навоза на поля, некоторые обрабатывающие промыслы. Половозрастное распределение обязанностей существовало и в этих работах, но существовали и специфические сферы хозяйственной деятельности для разных половых и возрастных категорий населения двора. Так, центр тяжести мужских работ в большинстве заселенных районов Сибири находился в земледелии, домашние работы мужчин больших затрат времени и сил не требовали. Для женщин же эти работы составляли основу хозяйственной деятельности. Кроме половозрастного разделения труда между членами семьи домохозяина, имелись различия в хозяйственных обязанностях «своих» и приселившихся работников, особенно наемных батраков. Последних и нанимали чаще всего именно с целью

выполнения наиболее тяжелых и трудоемких работ.

Традиционно сложившаяся система организации и распределения труда в семейном домохозяйстве в изучаемый период стала нарушаться под влиянием ряда социально-экономических и демографических причин, рассмотренных выше. Резко возрастало значение женского труда и труда подростков, который часто стал заменять труд взрослых мужчин, особенно в годы войны в нижнем социальном слое деревни. Нередкой для этого слоя в начале XX в. выглядит ситуация в семье Ивана Куприна в дер. Верх-Рютиной Усть-Удинской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губ. Здесь у отца с матерью было семь сыновей и две дочери, один другого меньше. Дочери были младшими, и поэтому старший сын Михаил был матери хорошим помощником. «Он пек хлеб, доил коров, мял коноплю и все другие по хозяйству работы помогал выполнять своей матери», — свидетельствует родственник-мемуарист⁸¹. В деревнях стали закладываться ростки новых взглядов на распределение хозяйственных обязанностей в семье, опиравшиеся на многовековой опыт семейной взаимопомощи.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МНОГОПРОФИЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ХОЗЯЙСТВ

Многочисленные источники показывают, что общая людность крестьянского домохозяйства и величина семьи, половозрастной и рабочий состав населения большинства дворов, сохранявших свою экономическую функцию, стремились *приспособиться* к хозяйственным потребностям. Набор занятий регулировал демографическую структуру: диктовал необходимость ускорения семейного раздела или отказа от него, заставлял соединяться с другой семьей в договорном хозяйстве, способствовал найму батраков, приходу в дом зятя-«приймака», торопил со свадьбой сына или воздерживал от выдачи замуж дочери. В то же время существовала и противоположно направленная связь: от состава семьи во многом зависел выбор ее основного и побочных

занятий, их соотношение.

Приведем несколько описаний указанной взаимосвязи. В Верхотенском окр. Иркутской губ. во второй половине XIX в. в крупных семействах занятия некоторых мужчин распределялись обычно так: «... отпахавши и засеявши свои поля весной, нанимаются на нагрузку барок ... потом идут на сплав до ближайших пунктов; возвратясь со сплава, убирают сначала сено, а потом хлеб, осенью отправляются в тайгу на охоту; возвратясь, рубят лес и строят барки». У «малосемейных» же крестьян практически все время уходило на полевые и домашние работы⁸². В Томской губ. в начале XX в. действовала такая статистическая закономерность: по мере увеличения людности домохозяйств все большее их количество занималось птицеводством и пчеловодством, но уменьшалась доля промысловых, неземледельческих семей⁸³. В. Г. Аникина, жительница с. Старая Шегарка (бывшее Богородское) Шегарского района Томской обл., позже вспоминала, что ее отец после переселения в Сибирь из Оренбургской губ. был охотником и рыболовом. Когда же у него подросли дети, обладающая теперь необходимой рабочей силой семья стала успешно заниматься хлебопашеством⁸⁴.

От людности двора, которая тесно была связана с благосостоянием семьи домохозяина, в сильной степени зависели способы и сроки обработки земли, уборки и молотбы хлебов, приемы животноводства, обрабатывающих промыслов и т. д. Так, в 60-х — начале 90-х гг. XIX в. в Томском и Мариинском округах Томской губ. господствовала обработка паров под озимь путем двукратной вспашки с боронованием. Но «многосемейные», «сильные» дворы, имевшие большое количество рабочих рук и лошадей, нередко «троили» пары под рожь, что позволяло им получать лучшие урожаи. При обработке паров под яровые, где нормальной признавалась, напротив, трехкратная вспашка, «малорабочие» и малолюдные дворы ограничивались двукратной пахотой⁸⁵. В Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губ. в начале XX в. крестьяне жали рожь и яровую пшеницу с первого Спаса (1 августа по старому стилю). По их словам, «у ково одиноко дело, сперва

жнут рожь, потом — около Успенья (15 августа. — В. 3.) — ярово. А [у кого] семья больша, у тех всё вместе идет»⁸⁶.

Существовала и обратная зависимость состава семьи от приемов и техники хозяйственных работ. Исследователь Г. Поварнин констатировал, что, например, в обрабатывающих промыслах «рост техники вызывает изменения в семье»⁸⁷.

Попытаемся выяснить те *закономерности*, которые регулировали различия в численности и структуре семей с различным набором хозяйственных занятий.

Ряд источников дооктябрьского периода дает возможность выделить хозяйства преимущественно земледельческие, трудившиеся на своей наделной земле, и дворы, у которых земледелие активно сочеталось с другими занятиями. Воспользовавшись материалами выборочного обследования старожильческих селений Томской губ. за 1911—1912 гг., можно сравнить, например, людность дворов крестьян-старожилов в двух достаточно контрастных естественно-исторических зонах Западной Сибири — степной и таежной⁸⁸. Анализ статистических данных показывает, что в таежном районе в селениях был намного больше процент дворов, имевших торговые и промышленные «предприятия» (мельницы, кузницы, сепараторы и т. п.). Соответствующий показатель равнялся 26,6 %, против 18,3 % в степном районе. С одной стороны, в группе беспосевных и в общем итоге в таежной зоне на 100 жителей было привлечено к неземледельческим занятиям больше людей, чем в степном районе. С другой стороны, в таежной зоне меньше было хозяйств беспосевных, т. е. большее число дворов занималось земледелием. Можно сказать, что здесь ярче, чем в степном районе, был выражен многопрофильный, интегрирующий самые различные занятия, тип крестьянского хозяйства. В степной же зоне сравнительно большую роль играла специализация на земледелии и скотоводстве.

Многопрофильность полунатурального хозяйства, в котором доминировало земледелие, была одной из важных причин большого размера старо-

жильческой семьи в таежной зоне Томской губ. (она насчитывала здесь в среднем 6,1 человека против 4,7 в степной зоне). Среди других причин данного явления можно назвать трудность ведения земледельческо-промыслового хозяйства силами малой семьи в суровых природных условиях тайги, требующих больших усилий для расчистки земли, ее вспашки и т. д.

В тех таежных местностях, где земледелие играло лишь подсобную роль либо не было распространено вообще, людность крестьянских дворов была очень мала. Покажем это на примере Нарымского края. Материалы переселенческой статистики за 1910—1911 гг. выделяют в этом районе у старожилов и новоселов хозяйства земледельческо-промысловые и чисто промысловые. У вторых полностью отсутствовало земледелие, меньшую роль играли скотоводство и охота в обеих категориях хозяйств, меньшее значение имели рыболовство у старожилов, сбор орехов у новоселов. Но при этом в промысловых хозяйствах было очень развито рыболовство у новосёлов, ореховый промысел у старожилов, торговля в обеих категориях хозяйств. При таком резком различии конфигурации сфер хозяйственной деятельности земледельческо-промысловый двор старожилов и новоселов Нарымского края, насчитывая соответственно 6,8 и 5,2 человека, был гораздо многочисленнее чисто промыслового, содержавшего лишь 5,0 и 3,9 человека⁸⁹.

В районах рыбного промысла существовала взаимозависимость людности и структуры семьи и количества орудий лова, находящихся в ее распоряжении. Так, в 1912 г. в Туруханском крае, по данным исследователей А. Г. Шлихтера и В. Л. Исаченко, с увеличением длины частичков (основное орудие промыслового лова, разновидность сети), находящихся в распоряжении двора, увеличивались общая людность хозяйства и относительное количество в нем мужских и женских рабочих рук. Одновременно росло количество хозяйств, пользовавшихся трудом наемных работников, и сокращался процент дворов, продававших свою рабочую силу по найму на промысловые работы. Из этого факта авторы сделали важный вывод о том, что не только в земледельческом, но и в промысловом крестьянском хозяйстве «источников

наемного труда ... надо искать не в нехватке рабочих рук ... а в стремлении, свойственном всякому вообще хозяйству, работающему на рынок, использовать возможно полнее свои орудия производства или промысла. Если для такого использования не хватает собственной рабочей силы, то хозяйство покупает ее на стороне, у тех семей, рабочая сила которых не может поглощаться собственными орудиями промысла»⁹⁰.

Многие источники показывают, что наибольшей людности многопрофильные крестьянские дворы достигали именно в том случае, если в основе их многочисленных хозяйственных занятий лежало земледелие. Во второй половине XIX в. в Тобольской и Томской губерниях семья и старожилов, и переселенцев была «в каждой данной местности тем крупнее, чем определеннее выражен ее земледельческий характер»⁹¹. Например, в Курганском окр. Тобольской губ. в земледельческой Елошанской волости разделы семей происходили реже, чем в Падеринской волости, где «даже многотягольные дворы побросали или уменьшили хозяйство ... предпочитая “питаться” не от земли, а от разных заработков, преимущественно лесных»⁹².

В отдаленном Причулымском районе Томской губ., где доминировало земледелие, крестьянская семья была крупнее, чем в пригородном Томском районе, местности преимущественно неземледельческой, с большим количеством побочных заработков⁹³. Но и в Причулымье существовали различия в размерах семей, объясняющиеся разницей в их занятиях. В начале XX в. у местных старожилов, ведущих многопрофильное, преимущественно земледельческое хозяйство со скотоводством и промыслами, семья содержала в среднем 6,2 души, а у занимавшихся в основном рыболовством, при наличии тех же скотоводства и промыслов — от 4,6 до 5,2 человека⁹⁴.

Показательны различия в размерах семей сибирских казаков. Казаки-земледельцы, селившиеся в предгорных долинах Алтая и занимавшиеся в основном земледелием, зачастую имели большие патриархальные семейства и вели общее хозяйство при главенстве отца. Прииртышские же казаки, имевшие преимущественно животноводческое хозяйство, «жили чаще

малыми семьями»⁹⁵.

Аналогичное положение наблюдалось и в Восточной Сибири. Исследователь Приангарья Н. В. Скорняков в свое время обратил внимание на то, что в с. Богучаны «семьи живут дружно, и братья не делятся, тогда как на реках Чуны и Муре, например, братья редко уживаются вместе»⁹⁶. При внимательном анализе ситуации выясняется, что в бассейне Чуны в изучаемое время доминировало не земледелие, а охота, которая служила главным источником средств для абсолютного большинства населения. В Богучанах же население активнее занималось хлебопашеством, хотя, по словам Скорнякова, здесь «развитию его много препятствует недостаток удобной земли, требующей очистки от леса»⁹⁷. Эти трудности ведения земледельческо-промыслового хозяйства в тайге требовали большого количества рабочих рук, а значит, и крупной семьи для расчистки пашни и обработки ее. Земледельческие работы часто шли одновременно с охотой и рыболовством, также требовавшими работников.

Неземледельческие семьи повсеместно в Сибири в своем большинстве были очень малы по размерам. Так, в 1897 г. в Барнаульской волости одноименного округа Томской губ. у старожилов в семье с посевом насчитывалось в среднем 5,8 человека, а без посева — 2,9; у причисленных новоселов соответственные показатели составляли 6,7 и 4,0 души, у неприписных новоселов — 6,3 и 3,6 человека⁹⁸. В целом по губернии в 1911 — 1913 гг. при средней населенности хозяйства старожилов в 5,8 и переселенцев в 6,1 человека беспосевной старожильский двор содержал 3,0, а переселенческий — 4,3 человека в селениях старожилов и 4,9 — на переселенческих участках⁹⁹. Не занимавшиеся земледелием семьи крестьян-кустарей (в частности, кожевников, рукавишников, сапожников) были меньше по составу и содержали меньше работников, чем семьи, сочетавшие ремесло с земледелием.

Многочисленные статистические материалы показывают, что в земледельческих домохозяйствах Сибири существовала прямая зависимость между

их людностью, числом лиц работоспособного возраста и количеством пашни, которую эта экономическая ячейка возделывала. Недаром в годы Русско-японской войны, например, по словам енисейского губернатора, призыв на действительную военную службу мужчин, «отняв у многих семей самых лучших работников, нарушил отчасти правильный строй крестьянского хозяйства, внося затруднения как в посеве хлебов, так и в их уборке»¹⁰⁰. В годы Первой мировой войны, главным образом в результате еще более широких мобилизаций, наблюдалось неуклонное сокращение посевных площадей на душу сельского населения в Томской и Енисейской губерниях, а в 1915 г. по сравнению с 1914-м — также в Иркутской губ. и Забайкальской обл. В период 1914—1915 гг. на всей территории Сибири произошло и сильное абсолютное сокращение посевных площадей¹⁰¹.

Нельзя не заметить, однако, что в изучаемый период окрепла и вышла на первый план обратная зависимость: благосостояние двора, закрепившаяся принадлежность семьи к определенному социальному слою и группе в деревне все чаще определяли как численность и структуру людского состава, так и размеры земледельческого хозяйства, которое вели «семейные» и приселившиеся к ним лица. Исследователь Л. М. Горюшкин отмечает, что в годы войны, несмотря на сокращение числа наличных членов семьи, зажиточные крестьяне, которые держали в своих руках основную часть рабочего скота, машин и использовали наемный труд неустроенных переселенцев, разорившихся старожилов, военнопленных и беженцев, неуклонно продолжали расширять площадь своих посевов¹⁰².

Земледельческие и неземледельческие семьи отличались не только общим размером, но и внутренней структурой. Так, в тех уездах Западной Сибири, где доминировало земледелие (Ишимский, например), а также в тех, где среди мужчин были развиты отхожие промыслы (Ялуторовский, Курганский), женское население несколько преобладало над мужским. В тех же местностях, куда торговля или промышленность привлекали преимущественно мужчин (Мариинский, Томский уезды), последние, напротив, состав-

ляли большую часть населения¹⁰³.

Многие переселенцы, прибывшие в Сибирь по разрешению и получавшие наделы обычно в большем размере, чем они имели на родине, на время восстанавливали тот основанный преимущественно на земледелии образ жизни, который они вели на родине до крайнего обострения аграрного кризиса, оторвавшего их от земли. Это требовало такой перестройки людской структуры двора, которую можно заметить, сравнивая положение на родине и в Сибири в момент водворения и в момент обследования. Главное направление этой перестройки — увеличение общего состава семьи в первую очередь за счет мужчин, преимущественно трудоспособных в рабочем возрасте.

В Сибирь переселялись и крестьяне из неземледельческих местностей. Еще в начале 1890-х гг. исследователями было отмечено, что в сибирской тайге средний размер семьи переселенцев (в основном выходцев из северной полосы Европейской России) был меньше, чем в степи, куда переселялись преимущественно уроженцы южнорусских и украинских степных губерний. Исследователь Е. С. Филимонов объяснял это применительно к Барабе тем, что крестьяне северной полосы оставляют часть своей семьи «на старине» (на родине), перевозя родных в несколько приемов, а степняки «сразу берут всю свою семью с собою»¹⁰⁴. Но широкое обследование 1911—1913 гг. показало, что многие переселенцы, живущие в сибирской тайге, и на родине имели относительно мелкие семьи, сравнительно хорошо в то же время обеспеченные как мужской, так и женской рабочей силой. В. Я. Нагнибеда объяснил этот факт, в частности тем, что если в степные и лесостепные районы Сибири шли преимущественно земледельческие семьи, то среди переселявшихся в тайгу был наиболее высок процент «безземельных хозяйств, бездомовых, а также самостоятельно земледелием не занимавшихся»¹⁰⁵.

Выше было показано, что размер семей у «промысленцев» был обычно меньше, чем у земледельцев. Промысловые (неземледельческие) семьи

привлекали в тайгу их неприспособленность к самостоятельному ведению земледельческого хозяйства и возможность на новом месте заниматься привычными промыслами — охотой, рыболовством, заготовкой леса, обработкой лесных материалов.

Как бы ни различался образ жизни различных крестьянских дворов во второй половине XIX — начале XX в., он повсеместно в Сибири был основан на том, что хозяйственные занятия были прежде всего занятиями *семейными*. Семья традиционно выступала как ядро первичной ячейки не только домашнего, но и общественного производства, чем обуславливались ее размер и структура. Людность семейного домохозяйства была по необходимости достаточно большой, в структуре важнейшую роль играли трудоспособные работники из числа «домашних».

Но в ходе развития капитализма в нижнем слое крестьянства все больше распространялось *батрачество* в деревне и *фабричная, приисковая работа* в отходе. Сформировавшееся в начале XX в. в наиболее освоенных районах Сибири относительное малоземелье, наличие безземельных дворов, пролетаризация массы крестьян обусловили такое явление, как растущая *продажа рабочих рук* членов семьи «на стороне». Не редок в сельской местности Сибири был *наем батраков* «парами» (мужей с женами, братьев с сестрами) поденно, понедельно или на сезон — жать, молотить и т. д. Практически все работоспособные члены семьи могли наниматься в земледельческой местности летом на сенокос, на жатву, осенью и до середины зимы — на обмолот. Во второй половине зимы — начале лета, когда женщинам в деревне было наняться очень трудно, часть из них шла вместе с детьми «в кусочки» — просить подаяние. Девочек уже лет с 7—8 родители раздавали «в няньки», мальчиков весной — «в борноволоки». Подростки девицы часто работали у богатеев в качестве прислуги, «стряпок» и т. д.

В пролетаризировавшейся семье, таким образом, все «друг друга лежа тянут», как говорилось в народной пословице¹⁰⁶. Здесь даже несовершеннолетних детей «отдают в наймы ... чтобы не было дома лишнего рта»¹⁰⁷. Часть

членов такой семьи выталкивалась развивавшимся капитализмом из своей деревни, уходила в города, на железную дорогу, на прииски, рыболовные «пески». Так, на рыбные промыслы севера Тобольской губ. наемные рабочие вербовались главным образом в Тобольском, Тюменском и Туринском уездах «из лишних и свободных членов крестьянских семей, уходящих на заработки, из обедневших и разорившихся крестьян...»¹⁰⁸. Представители другого формирующегося класса, увеличивая наем работников для своего хозяйства, все более втягивались в *предпринимательство* в сфере обрабатывающей промышленности, в *посредническую торговлю* и т. д.

Но распространение всех этих видов деятельности среди членов крестьянских дворов означало, что семья постепенно переставала быть ячейкой общественного производства, оставаясь ячейкой потребительской. Такое преобразование еще только наметилось на социальных полюсах деревни — среди бедноты и кулачества. Бедняцкая семья начала трансформироваться в группу близких родственников, живущих совместно, но работающих по найму в чужих хозяйствах. Такая ячейка не должна была и не могла быть крупной по размеру. Семья же зажиточного предпринимателя, обрастая наемной рабочей силой, превращалась в ядро капиталистической кооперации. При этом в наиболее крайних случаях, когда хозяйство имело много батраков, состав семьи домохозяина уже не имел большого значения.

Патриархальные и феодальные пережитки в сфере землевладения и землепользования, непоследовательная политика правительства в деревне обусловили в Сибири консервацию различий общей людности и демографической структуры хозяйств старожилов и переселенцев разных категорий. Эти же причины, наряду с экологическим фактором, привели к сохранению особенностей населения крестьянских дворов в различных естественно-исторических зонах. Но на первый план в формировании людности и состава домохозяйств во второй половине XIX — начале XX в. выдвигалось их *место в социальной структуре* деревенского населения, поскольку демографические процессы в обществе и семье, как его микроячейке, развивались в

рамках оформлявшейся системы капиталистических отношений.

Примечания

- ¹ Подсчитано по: *Нарымский край*. С. 516; *Экономическое положение населения Причумышского края бывшей Томской губ.* Томск, 1927. С. 68—80.
- ² Подсчитано по: *Хозяйство таежных переселенцев*. Томск, 1927. С. 83.
- ³ См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 221—229.
- ⁴ *Материалы по экономическому исследованию...* С. 127—128.
- ⁵ См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 236.
- ⁶ МКМ, оп. 4, д. 181, л. 5.
- ⁷ *Г. Экономический быт...*
- ⁸ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, л. 1.
- ⁹ *Рубакин Н. А.* Рассказы о Западной Сибири... С. 130.
- ¹⁰ *Очерки деревенской жизни Сибири // Сибирская жизнь*. 1908. 13 июля.
- ¹¹ Подсчитано по данным табл. 15.
- ¹² *Сборник статистических сведений...* Сибири. Вып. 1. С. 198.
- ¹³ КККМ, о/ф. 7886, д. 209, л. 108.
- ¹⁴ *Сборник статистических сведений...* Сибири. Вып. 1. С. 198.
- ¹⁵ *Материалы по экономическому исследованию...* С. 225.
- ¹⁶ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. 1891. Вып. 10. С. 271—272.
- ¹⁷ Там же. 1889. Вып. 3. С. 162.
- ¹⁸ Там же. 1890. Вып. 9. С. 210.
- ¹⁹ Там же. Вып. 10. С. 272; 1892. Вып. 15. С. 87.
- ²⁰ *Сборник статистических сведений...* Сибири. Вып. 1. С. 198.
- ²¹ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. Вып. 10. С. 273—274; *Материалы по экономическому исследованию...* С. 228; *Район железной дороги Томск — Енисейск в экономическом отношении*. СПб., 1914. С. 96.
- ²² *Сборник статистических сведений...* Сибири. Вып. 1. С. 198.
- ²³ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. 1889. Вып. 6. С. 10; Вып. 10. С. 273—274.
- ²⁴ Там же. Вып. 3. С. 182.
- ²⁵ *Материалы по экономическому исследованию...* С. 228—229.
- ²⁶ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. Вып. 10. С. 274.
- ²⁷ Там же. Вып. 15. С. 87.
- ²⁸ *Материалы по экономическому исследованию...* С. 230.
- ²⁹ Там же. С. 233; *Материалы, для изучения...* Западной Сибири. Вып. 10. С. 274; Вып. 15. С. 87.
- ³⁰ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. 1889. Вып. 2. С. 54.
- ³¹ Там же. Вып. 3. С. 183.
- ³² См.: *Трегубов Н. М.* Экономическое исследование... С. 16.
- ³³ *Материалы по экономическому исследованию...* С. 238—239.
- ³⁴ *Трегубов Н. М.* Экономическое исследование... С. 16.
- ³⁵ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 2.
- ³⁶ *Макаренко А. А.* *Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ.* СПб., 1897. С. 45.
- ³⁷ ГАТО, ф. 170, оп. 5, д. 511, л. 9.
- ³⁸ См., например: *Лебедева А. А.* К истории формирования... С. 140.
- ³⁹ *Материалы для изучения...* Западной Сибири. 1889. Вып. 1. С. 54.
- ⁴⁰ Там же. 1892. Вып. 14. С. 303.
- ⁴¹ См.: *Сабурова Л. М.* Русское население... С. 41.

- ⁴² См.: Сафьянова А. В. Внутренний строй... С. 99.
- ⁴³ См.: Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1929. Ч. 1. С. 38.
- ⁴⁴ Астырев Н. М. На таежных прогалинах. М., 1891. С. 81.
- ⁴⁵ См.: Труды местных комитетов... Т. 53. С. 396, 399.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 62—63.
- ⁴⁷ Арефьев В. С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Известия ВСОРГО. 1901. Т. 32. № 1/2. С. 107.
- ⁴⁸ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 638, л. 341.
- ⁴⁹ См.: Сабурова Л. М. Русское население... С. 43.
- ⁵⁰ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 663, л. 71—72.
- ⁵¹ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 67.
- ⁵² Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 366—417; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 438—439.
- ⁵³ Зеленин Д. К. Табу слов... С. 28.
- ⁵⁴ ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 28, л. 6.
- ⁵⁵ Макаренко А. А. Промысел красной рыбы на Ангаре. СПб., 1902. С. 27.
- ⁵⁶ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, л. 11.
- ⁵⁷ См.: Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губ. // ЕТГМ. 1897. Вып. 8. С. 135—136; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1891. Вып. 12. С. 246.
- ⁵⁸ Ткаченко М. Рыбный и пушной промысел в дер. Подволочной Киренского уезда Иркутской губ. // Известия Иркутского отд-ния Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1. С. 93. См. также: Воробьев Н. И. Рыболовство на р. Чуне (приток Ангары). Красноярск, 1926. С. 31.
- ⁵⁹ Кустарные промыслы в Томской губ. Томск, 1911. С. 11 (5-я паг.).
- ⁶⁰ Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губ. Томск, 1915. С. 12—13.
- ⁶¹ Там же. С. 13—14.
- ⁶² Материалы по исследованию... Ялуторовского окр. Тобольской губ. С. 808—811.
- ⁶³ Ивановский В. Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 5.
- ⁶⁴ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 740, л. 11.
- ⁶⁵ Ивановский В. Пословицы и поговорки... Вып. 22. С. 6.
- ⁶⁶ Васильева Л. И. Организация труда... С. 23.
- ⁶⁷ Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки ЗСОРГО. Омск, 1903. Кн. 30. С. 144; Путник Ф., Путник В. Жизнь крестьянина в Западной Сибири // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911. Т. 4. № 12. С. 993.
- ⁶⁸ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 2; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы // Записки Семипалатинского подотд. ЗСОРГО. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 82.
- ⁶⁹ См.: Пыпин А. Н. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 292—294; Орлова Е. Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928. С. 30—31; Тугаринов А. Я. Последние калмажи // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 84—85; и др.
- ⁷⁰ Ивановский В. Пословицы и поговорки... Вып. 22. С. 18.
- ⁷¹ Там же. Вып. 15. С. 8.
- ⁷² ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 19.
- ⁷³ Зобнин Ф. К. Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 139.
- ⁷⁴ ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 1, д. 2090, л. 1—2.
- ⁷⁵ Урал в его живом слове. С. 133.
- ⁷⁶ Бломквист Е. С, Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. С. 454; Пейзен Г.

- Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губ. // Живая старина. 1903. Вып. 3. С. 302.
- ⁷⁷ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 4, № 640, л. 27.
- ⁷⁸ *Материалы для изучения... Западной Сибири.* 1889. Вып. 4. С. 143.
- ⁷⁹ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 19.
- ⁸⁰ *Макаренко А. А.* Сибирские песенные старины // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 16.
- ⁸¹ ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 693, л. 19—20.
- ⁸² *Никитенко В.* Верхоленский окр. в прошлом столетии // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губ. 1916. № 12. С. 1.
- ⁸³ См.: *Нагнибеда В. Я.* Сельское хозяйство... С. 92.
- ⁸⁴ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, л. 11.
- ⁸⁵ *Материалы для изучения... Западной Сибири.* Вып. 14. С. 156, 172—173; Вып. 15. С. 81—82.
- ⁸⁶ АГО, разр. 59, оп. 1, д. 17, л. 59.
- ⁸⁷ *Поварнин Г.* Промыслы по обработке животной шкуры // Кустарная промышленность России: Разные промыслы. СПб., 1913. Т. 1. С. 82—83.
- ⁸⁸ Подсчитано по: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 173—174, 188—189.
- ⁸⁹ Подсчитано по: *Нарымский край.* С. 604—621.
- ⁹⁰ *Шлихтер А. Г., Исаченко В. Л.* Экономическое положение... Ч. 2. С. 45—46.
- ⁹¹ *Крестьянское землепользование...* С. 5—6.
- ⁹² *Материалы для изучения... Западной Сибири.* Вып. 8. С. 402.
- ⁹³ Там же. Вып. 14. С. 58, 70—72.
- ⁹⁴ *Район железной дороги...* С. 71, 75—76.
- ⁹⁵ *Лебедева А. А.* Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX — начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979. С. 226.
- ⁹⁶ *Скорняков Н. В.* Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. 1902. № 1. С. 3.
- ⁹⁷ Там же. № 2. С. 5.
- ⁹⁸ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 51, л. 22.
- ⁹⁹ Подсчитано по: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 193—194; *Сборник статистических сведений...* Томской губ. Вып. 2. С. 173—174.
- ¹⁰⁰ ЦГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 72, л. 3.
- ¹⁰¹ См.: *Горюшкин Л. М.* Производительные силы... С. 86—89; *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* С. 253.
- ¹⁰² См.: *Горюшкин Л. М.* Производительные силы... С. 87.
- ¹⁰³ См.: *Россия: Полное географическое описание вашего Отечества.* СПб., 1907. Т. 16. С. 218.
- ¹⁰⁴ *Материалы для изучения... Западной Сибири.* 1892. Вып. 17. С. 74.
- ¹⁰⁵ *Сборник статистических сведений...* Томской губ. Вып. 1. С. 60—61, 149.
- ¹⁰⁶ *Урал в его живом слове.* С. 134.
- ¹⁰⁷ ТФ ГАТюмО, ф. 2, оп. I, д. 400, л. 40.
- ¹⁰⁸ *Майский И. М.* Рабочий вопрос на рыбных промыслах Тобольской губ. // Сибирские вопросы. 1908. № 19/20. С. 32.

СЕМЕЙНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

В условиях развития капитализма в России созревали специфические социально-экономические, политико-правовые и культурные факторы, в той или иной степени влиявшие на внутрисемейные отношения крестьян через посредство изменений в их общественном, групповом и индивидуальном сознании.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИИ

Такие процессы в сибирской деревне, как рост применения машин, обобществление производства, усиление найма батраков, объективно способствовали облегчению труда членов семьи, перестройке хозяйственных обязанностей и отношений по поводу их исполнения. Развитие товарно-денежных отношений, растущее отходничество, усиливающееся в результате роста переселений смешение разнородного по социальному и этническому составу населения, рост грамотности, призывы в армию мужчин, вообще усложнение системы общественных отношений и общения разрушали замкнутость деревенского мирка, расширяли кругозор крестьян, позволяли критически осмысливать ставшие привычными формы семейной жизни.

Подрывалась власть отживших свой век обычаев семействования, женщины и подростки стремились к самостоятельности, эмансипации. Особенно радикальным было влияние в этом направлении политических ссыльных, рабочих артелей, проходивших через деревни, революционных потрясений. Забайкальский епископ писал после революции 1905—1907 гг.: «Недавняя смута произвела разрушающее действие как на веру и православие, так и на (старый. — В. З.) порядок семейной и общественной жизни»¹.

Анализируя внешние условия функционирования и развития семейного

домохозяйства сибирских крестьян при капитализме, следует констатировать *противоречивость воздействия* большинства из них, определяющуюся рядом причин. Характер семейной ячейки, направление и темпы ее эволюции в значительной степени обуславливают способ производства. В русской деревне изучаемого периода капиталистический способ производства завоевывал все более прочные позиции, но находился все же на относительно ранней стадии развития, сочетался с докапиталистическими укладами или их пережитками. Очень непоследовательной была политика светских и духовных властей, стремившихся приспособиться к объективным процессам буржуазного развития, но в то же время консервировавших устаревшие общественные формы. Кроме того, следует учитывать, что крестьянское общественное сознание, которое опосредовало влияние способа производства на семейное домохозяйство, было само по себе явлением чрезвычайно неоднородным и противоречивым, имело как консервативные, так и прогрессивные черты.

В этих условиях многие из тех факторов, которые вызывали прогрессивную эволюцию семейной хозяйственной ячейки, одновременно способствовали появлению признаков ее ослабления и разрушения. Приведем конкретные примеры противоречивого воздействия некоторых факторов, непосредственно связанных с развитием капитализма в Сибири, на семейно-экономические отношения крестьян.

Известно, что при капитализме в Сибири широко распространилось *отходничество* крестьян. Прогрессивное влияние отходничества на сельскую семью отмечалось В. И. Лениным². В домохозяйстве, оставшемся без «управителя»-мужчины, усиливались роль и авторитет женщин. Возвращавшиеся домой отходники нередко несли с собой в деревню прогрессивные элементы городской культуры, новый взгляд на семейные отношения. Но в то же время долговременный отход мужчин и женщин, частые лагерные сборы у казаков приводили иногда к отчуждению их от семьи, «результатом которого являлось полное ее распадение»³. Связь отходничества в начале XX в. с семейной

дезорганизацией на Алтае зафиксировала любопытная поговорка: «Он поехал — то ли добыть (богатство. — В. З.), то ли дома не быть»⁴.

С середины 90-х гг. XIX в. в сибирской деревне быстро распространялось *машинное маслоделание*, которое вытесняло производство топленого масла — одну из наиболее тяжелых обязанностей молодых женщин в крестьянских семьях предшествующего периода. Шла в целом рациональная перестройка обязанностей молодых женщин в сфере животноводства и промыслов по обработке его продуктов, противоречащая устаревшим традициям. Однако исследователь С. П. Швецов отмечал, что это часто вызывало «вражду и злобу» к молодым женщинам в собственных семьях среди близких. Старухи (тещи и свекрови), выполнявшие другие хозяйственные обязанности, почувствовали себя ущемленными, а старики были недовольны тем, что «молодухи» стали проводить много времени «праздно», в разговорах друг с другом выстаивая очередь у «молоканки». Это явились, по наблюдениям автора, одной из причин «молочных бунтов», прокатившихся по Сибири на рубеже XIX и XX столетий, участники которых пытались ликвидировать маслодельные заводы в деревнях⁵.

Проводником ряда социально-экономических факторов, весьма неоднозначно влиявших на крестьянскую семью, была *политика царской администрации*. Долгое время законодательство не регулировало поимущественные отношения в крестьянском дворе. Они строились в основном на базе традиции, обычного права. Историк Н. А. Миненко установила, что в XVIII — первой половине XIX в. в Западной Сибири имущество крестьянского двора признавалось общим достоянием всей семьи, а домохозяин имел «лишь право ограниченного распоряжения общесемейной собственностью или ее частью»⁶. Совместная собственность на основную часть имущества, в том числе на средства производства (кроме земли), лежала в основе функционирования семейного крестьянского домохозяйства как первичной ячейки докапиталистического общества.

В эпоху капитализма эта основа начала размываться, утверждался прин-

цип собственности домохозяина на основную часть семейного имущества. С 1906 г. царская администрация способствовала становлению этого принципа, взяв курс на разрушение общины и насаждение в деревне частной собственности отдельных домохозяев на землю — основное средство производства. Следует оговориться, что по этому вопросу, как и по другим вопросам буржуазных преобразований, политика правительства была непоследовательной и противоречивой. Сильным оставалось стремление сохранять в законодательном порядке свойственное политике аграрного цезаризма «семейное начало собственности», принять новые «меры к предупреждению распада крестьянских семейств»⁷.

Однако в начале XX в. в ходе становления политики аграрного бонапартизма стала преобладать другая тенденция: «нормировать имущественные отношения крестьян ... началами личной собственности»⁸, заменить личную зависимость членов семьи от домохозяина их имущественной, экономической зависимостью. В Сибири эта тенденция нашла наиболее яркое выражение в «новом курсе» правительства, проводившемся с 1911 г., согласно которому именно домохозяин «должен почитаться единоличным владельцем доставшихся ему (после выделения из земельных угодий общины. — В. З.) участков на правах постоянного наследственного пользования»⁹.

Царская администрация стремилась регулировать семейные отношения крестьян и путем прямого юридического вмешательства. Долгое время правительство законодательно сохраняло личную зависимость женщин и несовершеннолетних членов двора от домохозяина, допускаемую, по признанию виднейшего чиновника С. Ю. Витте, «только самым первобытным гражданским строем»¹⁰. Выше говорилось о законе 1886 г., жестко обусловившем семейные разделы волей домохозяина и сельского схода. Выход неотделенного, хотя бы и совершеннолетнего крестьянина из одного общества и приписка его к другому Положениями 3 июня 1894 г. и 2 июня 1897 г. были также обусловлены согласием на увольнение, испрошенным у главы хозяйства. По требованию последнего у отлучившегося на сторону члена

семьи паспортная книжка отбиралась, и он подвергался принудительному возвращению в хозяйство. «Отчий дом сын оставить самовластно не может, а иначе подвергается наказанию по суду...», — отмечается в описании юридического быта крестьян Енисейского окр.¹¹ Таким образом закон открывал возможности для произвола домохозяев. Этот произвол был причиной массы жалоб, которые, по словам исследователя В. И. Анучина, «не говоря уже о крестьянских начальниках, восходят до ... губернатора и во многих случаях оказываются вполне справедливыми»¹².

В ходе развития капитализма в семье, как и в обществе в целом, развивалось буржуазное экономическое начало, отрицающее внеэкономическое принуждение эпохи феодализма, основанное на личной зависимости. Вследствие этого, а также под давлением общественного мнения правительство в рамках Столыпинской аграрной реформы приступило к отмене «принудительных мер, удерживающих крестьян в одном общем хозяйстве ... и тех определений действующего права, которые ставят совершеннолетних крестьян в условия чисто личной зависимости не только от родителей, но и от домохозяина, хотя бы он был дальним родственником»¹³.

Выход совершеннолетних крестьян из сельского общества и временные отлучки по паспортам были поставлены вне зависимости от согласия не только мира и сельских властей, но и домохозяина и родителей. 12 марта 1914 г. был издан закон, по которому замужние женщины имели право получать отдельные виды на жительство, не испрашивая согласия своих мужей. Одновременно принимались меры по установлению частной собственности домохозяина на наделную землю. Ожидаемые последствия таких мер для крестьянской семьи отражают слова С. Ю. Витте: «... при общегражданском праве, основанном на начале личном (т. е. при разрушении общины и установлении частной собственности домохозяина на землю и семейное имущество. — В. 3.) дети будут в полной имущественной зависимости от отца, чем весьма сильно скрепляется союз родителей и детей и устраняется необходимость личной зависимости несовершеннолетних»¹⁴.

На практике указанные мероприятия не были последовательно проведены и только усугубили ту путаницу правовых отношений, которая была характерна для русской деревни второй половины XIX — начала XX в., в том числе в Сибири. На местах, кроме того, сохранилась возможность различных злоупотреблений. Например, уже после принятия закона 12 марта 1914 г. жительница с. Троицкого Пристанской волости Бийского уезда Томской губ. Дарья Мешкова писала в прошении: «... муж ... вот уже более пяти лет как бросил меня с дочерью Аграфеной ... живет со мной врозь и не кормит девочку, и паспорт мне не дает. И я просила о выдаче мне паспорта Пристанского волостного старшину, а старшина посылает меня к Троицкому сельскому старосте на удостоверение, а староста не дает удостоверения без согласия моего мужа, а муж не дает согласия, так я и не могу получить паспорт...»¹⁵.

На семейные отношения сибирских крестьян влиял также такой специфический аспект политики правительства, как *ссылка*. Констатируя этот факт, гражданские и церковные власти выражали особое беспокойство по поводу влияния политических ссыльных, воспитывавших новое мировоззрение у крестьян. В 1910 г. архиепископ Тобольский и Сибирский заявлял: «... как и в предыдущие три года, простой народ подвергался пропаганде политических ссыльных, которые принимали меры к тому, чтобы разрушить исконные его верования и ниспровергнуть все устои его патриархальной жизни»¹⁶. Влияние политических ссыльных на образ мышления и жизни молодых крестьян регулярно, начиная с 1904 г., отмечал архиепископ Иркутский и Верхотенский. По его словам, результаты этого влияния проявились уже накануне революции 1905—1907 гг., когда «особенно стало заметно, что население ... преимущественно занято материальными целями своего существования, что, конечно, влечет за собой послабление религиозного чувства»¹⁷. Значимость указанного воздействия станет ясной, если вспомнить о роли официальной церкви в сохранении традиционных, зачастую устаревших норм семейных отношений. Формированию критического отношения к этим

нормам способствовал личный пример «политических», их роль в качестве деревенских учителей.

Уголовная ссылка в Сибирь, в отличие от политической, оказывала негативное влияние на семейный быт крестьянства. Часть ссыльных по закону не имела права вступать в брак до истечения известного срока, у других не было для этого средств или желания связывать себя семьей. «Бессемейность» и неоседлый образ жизни многих ссыльных были факторами, способствовавшими ослаблению семейных связей в ряде районов Сибири.

Военная реформа 1874 г., участие России в войнах также сказывались на семейных отношениях крестьян. Возвращавшиеся со службы солдаты и казаки, повидав мир, несли домой новые понятия о семье и браке, они зачастую «не уживаются со старыми порядками в деревне и не желают быть в подчинении у своих старших братьев-мужиков»¹⁸. В то же время призывы в армию кормильцев-мужчин при отсутствии пособия для семьи или его мизерном размере подрывали семейное хозяйство, часто приводили к распаду семей, смерти малолетних детей и стариков.

Роль *общины* в регулировании семейных отношений крестьян Сибири оставалась заметной, хотя и была неодинаковой в разных районах и категориях крестьянства. В наиболее развитых в социально-экономическом и культурном отношении местностях роль эта к концу XIX — началу XX в. сильно ослабла. Время от времени сельские сходы решали вопросы о разделах семей, об установлении и проверке опеки над имуществом и личностью сирот, об усыновлении, призрении одиноких стариков и др. Сельские старосты вместе с десятскими и сотскими производили «следствия», проверяя жалобы мужей или жен на измену супруга, на притеснения домохозяина, выдавая просителям соответствующие «удостоверения». Волостные и сельские органы по представлению духовных консисторий принимали меры к примирению супругов, подавших заявление о разводе: проводили «опрос в присутствии старшины», «опрос на сходе»¹⁹. Однако все эти действия предпринимались большей частью формально, по требованию властей, и основ-

ная масса семейных разделов, конфликтов, фактических разводов и других крупных событий в домохозяйствах проходила без прямого вмешательства общины. Однако не следует забывать о косвенном воздействии её через общественное мнение деревни — оно было весьма значимым для большинства крестьян.

Выше говорилось об основных факторах «двойственного», противоречивого влияния на крестьянское домохозяйство извне, но в условиях становления и развития капитализма действовал и ряд факторов, совершенно однозначно ослаблявших и даже разрушавших внутрисемейные отношения и другие связи внутри крестьянского двора.

В целом сельское население Сибири жило зажиточнее крестьян Европейской России, но и здесь невысокий жизненный уровень и плохое «качество жизни», обнищание низшего слоя деревни отнимали жизненную перспективу, уничтожали чувство социальной защищенности, которое обычно дает семья. Тяжелый труд и недостаточный отдых приводили к психологическим стрессам, депрессиям, которые отрицательно сказывались на семейных отношениях. В селениях распространялось *пьянство* — одна из важнейших причин разрушения хозяйства и семьи. На сфере внутрисемейных отношений сказывался и *произвол* немногих мироедов, державших в кабале крестьянство. Так, в промысловых районах Сибири торговцы — скупщики пушнины и рыбы — приезжали в деревню «как средневековые сеньоры в свое ленное владение и первым делом собирали молодых баб и девушек на вечерку и устраивали оргию»²⁰. Местная молодежь из зажиточных тоже пыталась подражать «ухарям-купцам» в их кутежах и разврате.

Фактором, безусловно ослабляющим крестьянскую семью, было *отсутствие настоящего просвещения* сибирской деревни, правильно поставленного ее *культурного развития*. Развивающийся капитализм, более широкие сношения с внешним миром революционизировали сознание крестьянства, особенно бедняцкой молодежи, вызывали сначала сомнения в правильности отживавших свой век норм семейных отношений, а затем и протест против

некоторых из них. Иные из сельчан нащупывали верный выход, начинали строить равноправные отношения в семье, но большинству крестьян для этого все же не хватало мировоззренческой широты. По словам этнографа А. М. Селищева, даже в наиболее консервативных старообрядческих семьях Забайкалья молодежь «хотя и бессознательно, ищет обновления, жаждет новой, свежей струи в душевной атмосфере... Ищет и не находит... Выход молодежь нашла бы — в школе, в образовании. Этого нет, молодежь пьянствует, хулиганствует...»²¹.

Во второй половине XIX — начале XX в. сохранялись, наряду с социальными, еще и *региональные различия* семейных отношений. Они прослеживаются ярче всего по характеру дел волостных судов. Исследователь П. Акципетров, констатируя, что в 80-х гг. XIX в. Бийский окр. выделялся среди других округов Томской губ. сильным преобладанием переселенцев в населении, считал именно этот факт причиной возбуждения в здешних волостных судах большого количества гражданских дел²². М. В. Швецова отмечала разницу в характере судебных дел соседних волостей Змеиногорского окр. Томской губ. — горных Риддерской и Владимирской, с одной стороны, и степных Александровской и Алейской — с другой²³. По нашему мнению, здесь отражалось большее разложение регулируемых традиционными нормами отношений в местностях с гетерогенным населением. Смешение же старожилов и переселенцев в Сибири усиливалось с развитием капитализма вширь.

С. И. Чистяков, изучавший книги волостных судов в 1898 г., писал: «В решениях волостного суда Нелюбинской волости (пригородная местность под Томском. — В. 3.) мне пришлось натолкнуться на целую массу дел о ссорах родителей с детьми, тогда как в посещенных мною волостях Енисейской губернии дела подобного рода встречаются крайне редко. Поражает также разница в отношении к этому факту волостных судов... В Томской губернии, если сын самовольно уходит от отца, то волостной суд не только не относится к этому отрицательно, но даже заставляет отца дать сыну надел.

Тогда как в Енисейской губернии не только заставляет в таких случаях вернуться к отцу, но еще наказывает за ослушание»²⁴. Как нам представляется, в той части Томской губ., которую посетил Чистяков, разложение старых норм семейных отношений зашло дальше, чем в посещенных им относительно удаленных местностях Енисейской губ.

Проявления старинных форм семейной жизни были сильнее в глухих маленьких деревушках, расположенных вдали от трактов, торговых и промышленных центров, позднее – вне зоны влияния железной дороги, с однородным старожильческим, особенно старообрядческим населением, каковых было больше в Восточной Сибири. Здесь старые традиции были меньше разрушены наступающим капитализмом, они регулировали внутрисемейные отношения по принципу: «Всё по-старому, как старики поставили»²⁵. В более развитых в социально-экономическом и культурном отношении районах, в крупных селениях со значительным переселенческим притоком, вблизи от городов семейный быт быстрее сдвигался со своих вековых устоев.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В Сибири, как и во всей стране, одновременно шли аналогичные по своей социально-экономической сущности процессы *разложения сельской общины и вытеснения неразделенной семьи семьей малой*. В ходе затянувшегося перехода к развитым капиталистическим формам в деревне возникло положение неопределенности имущественных отношений, «когда не всякий даже юрист способен разобраться, принадлежит ли данный предмет лицу, его семье или обществу»²⁶. В такой обстановке, по словам одного крестьянского начальника, сибирские крестьяне «были лишены возможности наперед знать, что допустимо и что недопустимо в сфере их личных и имущественных отношений»²⁷.

Наиболее неопределенным в юридическом отношении до самой социалистической революции оставался у крестьян вопрос о семейной собственно-

сти. Разнообразные и сильно разложившиеся нормы обычного права позволяли некоторым авторам утверждать, что у русских крестьян семейное имущество «есть имущество домохозяина-отца, дети пользуются им при жизни родителей, но осуществляют свои права, как собственники, в наследственном праве»²⁸. На том же зыбком основании другие упорно считали, что семейное имущество в деревне — общесемейная собственность, а домохозяин — «только распорядитель общего имущества»²⁹. На практике же, как показывают источники, коллективная собственность и личная собственность домохозяина, других членов двора причудливо переплетались и существовали чаще всего в виде переходных форм.

Представление об имуществе крестьянского двора как общем, семейном достоянии в изучаемое время продолжало довольно широко бытовать в сибирской деревне. Общность эта проявлялась в том, что хозяин земельного надела не мог без согласия других взрослых членов семьи мужского пола отчуждать свой надел (в противном случае члены его семьи могли жаловаться миру и властям), в возможности раздела имущества между братьями поровну или по жребии независимо от возраста и вклада в делящееся семейное хозяйство, и т. д. Крестьянские обычаи повсеместно в Сибири ограничивали право домохозяина распоряжаться землями во вред наследникам, и волостные суды обычно защищали права последних на «родовую» пашню. Могли иметь место продажа скота только «с общего согласия жены и мужа», «запродажная запись» в том, что принадлежащий им дом продают своему односельчанину совместно домохозяин и его жена³⁰. Подробный ответ на вопросы анкеты Русского Географического общества из Казачинской волости Енисейского окр. за 1890-е гг. свидетельствует, что там «за смертью отца управляет имуществом старший брат, который ... покупку и продажу чего-либо без согласия остальных братьев ... не производит... Права и обязанности женатых членов семьи одинаковы с правами заведывающих хозяйством... Члены семьи имущества своего собственного иметь не могут, кроме носимого платья и обуви»³¹.

У крестьян Сибири за долги и недоимки домохозяина отвечала вся его семья, поэтому те и другие после смерти отца переходили на детей. При выделе сыновей на их хозяйства переключивалась часть отцовских недоимок. Если отец хотел прогнать сына ни с чем, то сельское общество могло вступить за него и приказать отцу наделить женатого сына частью семейного имущества.

Общность семейного имущества и совместный труд были основой определенного равноправия членов семьи. Внимательное изучение деревенского быта показывает, что такие явления, как «некоторая расшатанность семейных уз в Сибири», отсутствие здесь «строгости нравов», настойчиво отмечаемые дореволюционными авторами³², в действительности означали главным образом сравнительную слабость единоличной власти главы семьи, относительно свободное положение женщин и подростков. Как и в предшествующий период, успешное выполнение крестьянским семейным хозяйством своих функций — экономической, воспитательной и других — оказывалось возможным лишь благодаря обстановке доброжелательности, уважения и взаимной поддержки в отношениях мужа и жены, родителей и детей.

По свидетельству исследовательницы М. В. Швецевой, у живших в гражданском браке старообрядцев Алтая были редки случаи дурного обращения мужа с женой; здесь «женщина, уже по самому положению своему свободной сожительницы, всегда могущей уйти от мужа», была менее зависима от последнего, чем в семьях православных крестьян-«никониан»³³. Но и у православных в глухих районах Сибири «отношение между полами в массе очень мирное, и женщина, которой благодаря особенностям хозяйственного строя ... приходится вести всё хозяйство, пользуется в семье большим авторитетом»³⁴. В Сургутском крае в конце XIX в. мать в семье считалась даже авторитетнее отца³⁵.

Домохозяин («больша голова», «старшой», «большак») в семье с общим имуществом выступал в качестве распорядителя, управлявшего хозяйством от имени всех членов, а также в роли организатора семейного производства.

Кроме того, домохозяин был представителем семьи и двора в их внешних сношениях, в том числе экономических. Эту функцию главы семьи зафиксировали, в частности, книги волостных и станичных правлений, где записаны решения соответствующих судов. Здесь мы находим массу дел, в которых домохозяева выступали в качестве истцов или ответчиков по делам, касающимся хозяйственных отношений дворов или их отдельных членов.

Большие права домохозяина в семье этого типа во многом объясняются его ведущей ролью в хозяйственной жизни двора. «Хозяйского глаза никто не заменит», — единодушно признавали сельчане. Они понимали: «Дом вести — не бородой (или рукавом. — В. З.) трясти»³⁶. В причитаниях, сопровождавших похороны «большака», ярко рисовались печальные последствия потери «работника», «заступника», «призрителя» для членов семьи. Вот пример с верховьев Лены: «Мы наплачемся, навоемса об работочке чижолой, о крестьянской своей пашенке. Как поднять ее без батюшка, как поднять-то без родимова? Уж как всякому накланесся, много горя напримаесся»³⁷. Крестьяне верили, что покойные домохозяева «и за гробом продолжают принимать участие в том, что они оставили на земле, они знают нужды живых и помогают им, часто бывают очень полезными» в ведении семейных дел³⁸.

Выше мы показали, что в изучаемый период у русских крестьян Сибири неразделенная семья уступила позиции малой. Разложение неразделенной семьи было прежде всего результатом формирования в ее недрах собственности нуклеарных семей и отдельных членов. Это был длительный процесс, и многие семейные домохозяйства переживали своеобразный *переходный* период.

Яркий пример переходного состояния являло собой в конце 80-х гг. XIX в. домохозяйство зажиточного крестьянина с. Тункинского Иркутского округа Петра Плотникова. Его приемный сын Иван был отделен три года назад, но поля, покосы и огороды еще не были разделены. Оба родственника двора вместе справляли полевые и огородные работы, каждый со своими

лошадьми и орудиями труда. Все получаемые продукты делили так, чтобы на долю семьи Петра приходилось $2/3$, а его сына — остальное. Совместно производился наем батраков. Усадебная земля тоже не была поделена, хотя у Ивана на ней стояла своя изба. Пшеницу оба хозяйства мололи на мельнице, принадлежавшей брату Петра Плотникова³⁹. Переходный период переживало в 1913 г. домохозяйство крестьянина-старожила с. Шерагульского Нижнеудинского уезда Иркутской губ. Иннокентия Лыткина. В нем улучшенный сельскохозяйственный инвентарь являлся общей собственностью, а вся остальная «домашность» была разделена между малыми семейными ячейками домохозяина и его младшего брата⁴⁰.

Основная часть общесемейного имущества со временем становилась собственностью «старшего», что означало существенное изменение роли и прав домохозяина-собственника. В 1860-х — начале 1890-х гг. в Иркутской губ. он мог, например, «без согласия своих сыновей продать скот, все домашнее обзаведение и даже дом»⁴¹. Понятие «родового наследия» рушилось, домохозяину никто не мог помешать прогулять все имущество, пока сыновья были малы. Право взрослых сыновей воспрепятствовать этому тоже отмирало. В конце XIX в. в Енисейской губ. орудия и все другие средства охоты принадлежали старшему в доме. При семейных разделах он наделял ими выделившихся членов семьи только «по своему усмотрению»⁴². Из Енисейского окр. знатоки семейного быта сообщали: «... муж расточает имущество, а жена безмолвствует по незнанию прав собственности»⁴³. В начале XX в. сибиряки настолько привыкли уже к праву собственности «большой головы», что признавали за ним способность «уводить за собой» в могилу семейное достояние⁴⁴.

Главами семей — единоличными собственниками становились, как правило, старшие в доме по возрасту мужчины. Наследование имущества осуществлялось главным образом по нисходящей прямой линии родства также мужчинами. На мужчин распределялась надельная земля — основное средство производства и у переселенцев, и у старожилов в ходе землеустроитель-

ной кампании конца XIX — начала XX в., а затем в годы «нового курса» Столыпинской реформы. При захватном и вольном землепользовании, сохранявшемся в отсталых районах, размеры его также во многом зависели от числа мужчин-работников в семье, ибо именно они занимали-запахивали землю.

Впрочем, крестьянские обычаи в Сибири допускали наследование главенства в хозяйстве и имущества после умершего главы-мужчины его вдовой, в основном при малолетних детях, но иногда и при взрослых сыновьях вдовы «заправляли» хозяйством. Главой домохозяйства после умершего свекра или мужа могла стать и старшая невестка. В ряде местностей могли получить землю и хозяйство незамужние дочери умершего крестьянина при отсутствии у него сыновей, сохраняя свои права и по выходе замуж при условии, если не уйдут в дом мужа, а «возьмут за себя» его в свой дом. Речь идет здесь, разумеется, о наследственных правах женщин в достаточно зажиточных хозяйствах. Недаром под Тобольском незамужние женщины и вдовы говорили: «Была бы мука да сито, так и без мужа буду сыта»⁴⁵. В своей книге П. М. Головачёв отмечает, что «часто сибирячка одна и самостоятельно ведет хорошо большое и сложное хозяйство»⁴⁶.

Наряду с развитием собственности нуклеарных ячеек внутри неразделенной семьи и главы в малой семье, в изучаемый период происходило также укрепление собственности и других членов домохозяйства на часть семейного имущества или продуктов своего производства. Повсеместно в Сибири признавалась собственность жены на свое приданое — имущество, принесенное при вступлении в брак из семьи родителей. Отец не имел права отнять завещанное его детям кем-либо имущество. Женатые сыновья домохозяина в одиночку или со своей нуклеарной семьей иногда имели свою лошадь, корову и «присевок». Взрослые дочери и невестки могли иметь свои грядки табака, конопли и даже участки пшеницы, держать «на свое имя» некоторое количество домашней птицы. В индивидуальное распоряжение или в собственность брачной пары, еще не отделившейся от первичной семьи отца или

старшего брата, время от времени поступали доходы от заработков мужчин и женщин на стороне, от развозной торговли и мены с аборигенами, от продажи женщинами продуктов огородничества, «тканины», вышивок, молочных продуктов, кур, яиц.

В условиях переплетения раннебуржуазных порядков в семейном домохозяйстве с пережитками патриархальных отношений в сибирской деревне наблюдалось своеобразное явление, когда батраки, часто вместе с их семьями, «принимались в семью» богатого крестьянина, жили на его дворе. В 80-х гг. XIX в. в трех южных округах Иркутской губ. из каждых 100 ссыльных «жило не самостоятельно» в чужих семьях 17,8 человек, в Енисейской губ. многие ссыльные также в качестве батраков или членов крестьянских семей «вошли в дом»⁴⁷. В Западной Сибири в это время известна привилегированная категория наемных работников, которые «за хозяина идут», выполняя его «ответственные поручения и даже общий надзор за хозяйством»⁴⁸.

Исследователи неоднократно отмечали в Сибири особенности отношений между домохозяевами и наемными работниками, характеризовавшиеся значительной степенью *близости*: батрак считался как бы членом хозяйской семьи, питался с нею вместе и т. д. Примером могут являться отношения в хозяйстве богатого торговца Э. Урбана (с. Шушенское Минусинского уезда Енисейской губ.). По воспоминаниям его правнучки Н. И. Бутенко, у прадеда «большинство работников, а их иногда насчитывалось 12—15 человек, были сироты или дети бедняков. Жили они не на зарплату, а как свои люди в доме. Дед ... был очень добрый человек. Да и работники были не плохие ... но с детства были хилые, поэтому долго не жили, и 30—32 лет от роду от чахотки поумирали»⁴⁹. Ранняя смерть полутора десятков работников говорит о том, что за мнимой «добротой» такого хозяина скрывалась высокая степень эксплуатации. Замаскированный, «семейный» ее характер выработал специальную терминологию. Так, в Тобольской губ. слово «прислуга» считалось унижительным, и крестьяне вместо него чаще употребляли слово «пособница»⁵⁰. «Семейным образом» эксплуатируемые работники и впрямь станови-

лись иногда членами хозяйской семьи путем брака, сожительства или усыновления. О таких случаях говорят многочисленные источники и исследования как по Восточной, так и по Западной Сибири⁵¹.

Одновременно в ходе распространения раннекапиталистических порядков на крестьянском дворе зачастую осуществлялась *фактическая эксплуатация* домохозяином — собственником, распорядителем или владельцем средств производства и основной части семейного имущества своих «домашних» — родственников и членов семьи. Источники зафиксировали яркие случаи эксплуатации жен в хозяйствах зажиточных сибиряков. Так, Е. П. Николаева, жительница с. Венгерова (бывшее Спасское) Новосибирской обл., поведала о жизни своей односельчанки, молодой невестки в кулацком доме. Богатеи Радугины высватали за сына девушку физически очень сильную, но с дефектами речи и недалекую умом. «Нарочно взяли: пускай робит и сор на улицу не выносит... Отец сидел в горнице с девками — борода у него косячком, — пил вино, боле ничего. Мать в избе с татарами, работниками, они помногу работников держали. А эта новобрачная во хлевке, где телята, там и жила ... доила тридцать коров. Одна управлялась. Последнюю корову додоит, а тут уж зарится, садись под первую. На ходу спала...»⁵². Положение этой женщины в семье мужа было хуже, чем положение вольнонаемной батрачки.

Вообще, участием женщин в крестьянском домохозяйстве была бесконечная работа, особенно до «возрастания» дочерей и женитьбы сыновей. Молодую женщину, главной сферой эксплуатации которой было домашнее хозяйство, даже в последнем периоде беременности посылали иногда на тяжелые полевые работы. «Ни слезы, ни жалобы на болезненное состояние и на то, что сегодня-завтра она должна родить — не помогали», — пишет мемуарист в газетной корреспонденции⁵³.

Особенно тяжелым было положение молодой женщины в неразделенной семье, где она становилась в подневольное подчинение не только к мужу, но в первую очередь к свекру-домохозяину и старшим женщинам — свекрови-«большухе», золовкам и старшим невесткам. Недаром многие жены, дейст-

вудя по пословице: «Ночная-то кукушка денную перекукует», всячески старались склонить мужа к отделению от отца «осибе» и созданию самостоятельного домохозяйства. Их не останавливало даже то, что выделенное хозяйство бывало, как правило, беднее выделившего его отцовского двора и часто при неблагоприятных условиях вообще разорялось.

В малой самостоятельной семье женщина становилась хозяйкой, но трудилась не меньше. Беднота и середняки, не имевшие возможности пользоваться наемным трудом, прямо сознавались, что им «без женщины как хозяйки в доме решительно обойтись невозможно, так как стряпня, стирка белья, уход за скотом и много других работ исключительно входят в обязанность женщины»⁵⁴.

Впрочем, и сельские, богатеи предпочитали использовать в хозяйстве труд не батрачек, а своих «домашних», считая, что «чужа лопоть (верхняя одежда. — В. З.) — не одёжа, чужа жена — не надёжа»⁵⁵. Так, крестьянин Александр Маленюков из Тобольской губ. хлопотал перед духовной консисторией о документах, необходимых ему для вступления во второй брак после расторжения первого. Он писал: «Между прочим, я живу вместе со своим отцом ... и совершенно не имеем женского персонала, а ведем ... громадное хозяйство, которое без женских рук приходит к разорению, так как наемная прислуга за таковым совершенно не следит, а большей частью тащит и, вообще сказать, уничтожает. Таким образом, чтобы поддержать свое хозяйство ... мне необходимо иметь при доме хозяйку-женщину, которая могла бы управлять таковым. Кроме того, наступает страдное время, я с отцом ... должен бросить дом и хозяйство ... которое могут без управителя растащить, вот почему и является спешное стремление мое к новому вступлению в брак»⁵⁶. Маленюкову вторил житель Барнаульского уезда Томской губ. Илья Кретинин: «... без жены мне вести домохозяйство ... стало не в силу. А чужим людям всё надо платить и нужно везде смотреть своим глазом»⁵⁷.

Имеются многочисленные свидетельства того, что женщины осознавали

ненормальность своего положения во многих семьях и пытались изменить его. При уходе от мужа они часто требовали у него или свекра-домохозяина оплаты своего труда так, как если бы нанимались в батрачки и теперь расторгли договор о найме. Бывало, они искали через волостной суд вознаграждения «за время проживания за стряпку у супруга»⁵⁸.

В хозяйстве у крестьянина-собственника эксплуатировались не только жены, но также старшие дети и другие родственники. Долго живший среди крестьян М. В. Загоскин свидетельствует, что в Иркутской губ. отцы «из девок выжимают соки работами, а затем стараются подороже их продать» (выдать замуж за калым)⁵⁹. Жительница дер. Баткат Шегарского района Томской обл. Т. Ф. Чуйкова вспоминала, что ее и трех ее сестер мать с раннего детства заставляла очень много прясть — «на гребешках душила»⁶⁰. В Сибири издавна имело место *своеобразное явление* — многолетний отказ некоторых родителей отдавать дочерей в замужество. Поскольку дорожили каждым членом семьи, то «предпочитали лучше мириться с не совсем безукоризненным поведением взрослых дочерей, чем отпускать их из своего дома замуж»⁶¹.

При семейных разделах в Сибири сестры делившихся братьев чаще всего не получали земельного надела, хозяйственного инвентаря и, говоря словами источника, «оставались у одного из братьев работницами»⁶². Житель с. Бондарева (бывшее Иудино) Бейского района Красноярского края В. И. Корчиков вспоминает, что в детстве и отрочестве он жил «в работниках» у своей тетки. Тетка ему ничего за труд не платила, только кормила и одевала⁶³. В документах Марковского волостного правления Киренского уезда Иркутской губ. за 1916 г. читаем, что крестьянка дер. Осиновской Софья Маркова «находится в услужении у своего брата на его хозяйственных работах и отчасти занимается поденными работами», сирота Дмитрий Раздьяков из дер. Верхне-Марковской в возрасте 14 лет «проживает у дяди в услужении»⁶⁴. Иван Казанцев из дер. Ново-Тарышкиной Сычевской волости Бийского уезда Томской губ. жаловался в 1914 г. властям, что его дядя,

будучи назначен опекуном над личностью и имуществом осиротевшего племянника, забрал все имущество и самого опекаемого в свой дом: «Я с 13 лет до 19 работал у опекуна-дяди как работник и дядя за это ... ничем меня не вознаградил». Более того, дядя присвоил себе часть опекаемого достояния и получаемое на сироту ежемесячное пособие, не дав племяннику никакого образования⁶⁵.

Своеобразными экономическими операциями, имевшими целью увеличить бесплатную рабочую силу семьи, а также приобрести наследника имущества, принадлежащего домохозяину, были зачастую «*приемы в дом*» зятьев и усыновление детей. Крестьянин дер. Маранки Гилеволыповской волости Тюменского уезда Тобольской губ. Иван Калашников, уйдя из дома тестя, в прошении о разводе писал в 1909 г.: «Жизнь моя ... была тяжелой жизнью потому собственно, что я в хозяйстве, будучи не уполномочен ни в чем, жил как работник, но работник бесплатный, не имея в своем распоряжении ни копейки денег». При уходе Калашников не смог взять у тестя никакого имущества, даже своей одежды⁶⁶. Мальчиков-«покормленков» и реже девочек-«покормушек» брали на воспитание бездетные крестьяне из числа сирот или из бедных многодетных семей.

Экономической операцией, имеющей целью увеличить рабочие силы домохозяйства, были во многом и *браки* сибирских крестьян, о чем свидетельствуют сами сельчане в прошении по поводу своих брачных и бракоразводных дел, очевидцы и исследователи, обширные фольклорные материалы. В архивах отложилось множество прошений крестьян о разрешении жениться или женить сыновей ранее установленного законом 18-летнего возраста. Мотивы такой просьбы поразительно однообразны: «... хозяйство состоятельное, а управлять некому, к работе жена моя неспособная», «... мать померла, вследствие чего хозяйство приходит в расстройство», «... хочется перед смертью с благословением устроить брак своего сына и тем сохранить хозяйство, нажитое давно умершим отцом» и т. д.⁶⁷ Для многих крестьян немалое значение имело благосостояние семьи, с которой они собирались

«своиться». С браком связывались надежды на увеличение семейного имущества. Родство с зажиточной семьей сулило и другие экономические и правовые выгоды, не связанные с приданым. Местные кулаки особенно стремились «приложить деньги к деньгам» — это был своеобразный способ первоначального накопления капитала. «Таким образом, тесно сплоченная не только шкурными интересами, но и родственными связями (богач роднится с богачом, отсюда их трогательное единение) кучка деятелей ... весьма крепко держит остальную массу в своих руках», — свидетельствует очевидец⁶⁸.

Экономический характер мелкобуржуазного брака во многих случаях не давал молодому крестьянину выбрать в жены девушку по душе. «Без меня меня женили — я на мельнице был», — с горькой иронией говорил он в этом случае⁶⁹. По словам авторов этнографического описания, тяготы такого брака «брачующиеся переносят на себе, хотя впоследствии ... бывают несчастны»⁷⁰.

Патриархальный быт уходил в прошлое, отношения в общине, домохозяйстве и семье чаще стали строиться на принципах: «Не надейся ни на брата, ни на друга, а на себя да на Бога», «Брат мой — ум свой»⁷¹. В книгах волостных судов содержится большое количество записей об имущественных спорах членов одной семьи или близких родственников-однообщественников. Автором пособия анализировались дела Уриковского суда Иркутского уезда одноименной губ. за 1902 г., Заледеевского суда Красноярского уезда Енисейской губ. за 1905 г., Башчелакского суда Бийского уезда Томской губ. за 1907 г. и Александровского суда Красноярского уезда за 1916 — начало 1917 гг. Здесь отложились многочисленные иски о взыскании имущества и денег, предъявленные отцами к сыновьям, женами к мужьям и, наоборот, братьев к братьям и сестрам, мачехи к пасынку, свекрови и деверя к невестке. Суды решали также немало дел о личных конфликтах членов семей, нередко возникавших на почве имущественных и денежных разногласий⁷².

Старая учительница А. В. Трифонова вспоминала: в начале века в хозяйстве ее родителей, крестьян Куйтунской волости Нижнеудинского уезда

Иркутской губ. погиб урожай. Отец, чтобы уплатить за обучение дочери, занял у своего брата 25 руб. Дядя за это увел к себе единственную дойную корову, оставив девятерых племянников без молока, и забрал последний мешок муки, «хотя у него был полный амбар хлеба и во дворе 8 дойных коров»⁷³. Несколько лет вела со своим сыном тяжбу крестьянка дер. Жерлыкской Тесинской волости Минусинского уезда Енисейской губ. Ирина Худоногова. Это была семья кулаков-богатеев, занимавшихся торговлей, и в тяжбе немалую роль играли 1500 руб., вложенные родственником в городской общественный банк на имя Худоногова-сына. Деньги, по словам последнего, пыталась незаконно присвоить его мать⁷⁴.

Отличительной чертой многих семей с установившимся экономическим господством домохозяина являлся *жестокый деспотизм* последнего. Владея основными средствами производства, он был единственным членом семьи, включенным в первичную систему общественного распределения. Остальные выступали по отношению к нему как иждивенцы, несмотря на то, что активно участвовали в домашнем и общественном производстве. Чиновник Н. А. Костров, наблюдавший и специально исследовавший быт енисейских и томских крестьян в 50—70-х гг. XIX в., писал так: «Вообще должно сказать, что хотя в настоящее время власть отца семейства утратила уже много прежнего своего значения, но тем не менее она все-таки стремится быть деспотичною. В большинстве случаев и теперь ... старший в семействе — неограниченный повелитель в доме; все должны беспрекословно повиноваться его воле, исполнять все его желания и требования, не рассуждая — справедливы ли они или нет; встречаемые сопротивления и неисполнения наказываются побоями. Что касается до имущества, составляющего общее достояние семьи, то он — полный его хозяин и распоряжается им как ему угодно; отдельная собственность членов семьи ... может существовать не иначе, как с согласия старшего. Всякий заработок того или другого члена семьи идет в массу имущества, составляющего общее достояние семьи. От этого каждый ... старается скрыть часть своего заработка на черный день, как

говорится, а домохозяин также прячет от домашних приобретаемые общими силами деньги то в чулок, то в перину, то в трубу, чтобы никто не знал»⁷⁵.

Такая характеристика чаще приложима, пожалуй, к зажиточным семьям из среднего и высшего социальных слоев деревни. Недаром писатель и автор этнографического описания Г. Д. Гребенщиков, рассказывая в 1912 г. о тех старообрядческих семьях Алтая, где полномочной главой являлся «большак», «перед которым все преклоняются, и воля его равняется воле свыше», специально отмечал, что это были семьи торгово-ростовщической буржуазии⁷⁶.

Семейный деспотизм имел многочисленные негативные последствия, среди которых выделим его отрицательное влияние на производительность труда крестьянского домохозяйства. Это заметил в свое время исследователь Ф. К. Зобнин. В «Четвертом сборнике наблюдений над жизнью в Тобольской губернии» он писал: «Вот парень. Про него говорят, что он ленив в работе, не радеет к дому. Приходит праздник. Парень, утомленный шестидневным полевым трудом, чуть свет бежит на воскресную поденщину или на “помочь”. На свою работу он в этот день ни за что не пойдет. Я думаю, что в этом простом факте кроется ключ к объяснению жизненных условий этого парня. Душно и тяжело ему в этой атмосфере семейного деспотизма, где только один член семьи думает за всех и распоряжается...»⁷⁷.

Сильное влияние на семейно-экономические отношения в деревенской семейной ячейке оказал процесс «раскрестьянивания», приближавший семьи формирующейся сельской буржуазии, с одной стороны, сельского пролетариата — с другой, по их характеристикам к семьям основных классов капиталистического города.

В среде формировавшегося сельского пролетариата, «освобождаемого» развитием капитализма от частной собственности, а значит, и от гнета домохозяев-собственников, от раздоров, связанных с наследованием и дележом собственности, хозяйственные расчеты при женитьбе (замужестве) играли второстепенную роль. Будучи равноправным с отцом и матерью

членом семьи (не иждивенец, а в той же степени кормилец, что и они, ибо включен в первичную систему производства и распределения), молодой пролетарий был меньше стеснен ими в выборе брачной пары. Не добившиеся согласия родителей на брак по собственному выбору парни и девушки, «поглянувшие» друг другу, часто решались на связь «убегом», «уводом». Браки без официального благословения родителей настолько распространились в Сибири в изучаемое время, что признавались в низшем социальном слое обычными.

Бюджет двора сельского пролетария складывался из заработной платы всех взрослых членов семьи, а также детей и подростков, нанимавшихся в качестве батраков. Новая роль женщин и молодежи в такой ячейке принципиально меняла весь строй семейных отношений, и зачастую меняла к лучшему. Очень привлекательной предстаёт в уже упоминавшихся воспоминаниях А. В. Трифионовой семья ее родителей. В их неимущем доме жили в дружбе и с любовью, помогая во всем друг другу, мать с отцом и девять детей⁷⁸. Таковы же в описании этнографа А. А. Макаренко семьи крестьян Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. Сураза и Клейменова. Про последнего из них автор пишет: «Сам Клейменов сирота и вырос в рабочих; жена его была приемной дочерью; оба ничего не имели... Он “женится и зажил женою”... Трудолюбие и бережливость помогли супругам сесть на свое хозяйство»⁷⁹. Члены многих семейств могли бы сказать о своих отношениях словами крестьянина с. Локти Тюкалинского уезда Тобольской губ. Космы Степанова: «Мы ... не в состоянии бы были жить отдельно, потому что ... любим друг друга и свыклись уже жить вместе...»⁸⁰.

В сибирских деревнях женщины и подростки из тех трудовых семей, где царили истинное взаимопонимание, уважение и поддержка, часто становились соратниками мужей и отцов в их борьбе с эксплуатацией и антинародной властью. Годы трех российских революций и гражданской войны рельефно выявили также милосердие и миротворческую роль жен и сестер, пытавшихся смягчить классовую междоусобицу, примирить родных людей,

встававших зачастую по разную сторону баррикад.

ПРИЗНАКИ ОСЛАБЛЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ

Говоря об отношениях людей в разоряющихся семьях деревенской бедноты, нужно обязательно иметь в виду и такую сторону дела. С «бесхозной» семьей мало кто в селе хотел родниться и «своиться». Вступившие в брак вопреки воле родителей молодые крестьяне встречались с дополнительными трудностями при обзаведении хозяйством или хотя бы жильем, фактически отказавшись от так нужной им на первых порах поддержки родных.

Многие «раскрестьянившиеся» дворы в эпоху капитализма под воздействием неблагоприятных социально-экономических факторов разрушались. Г. И. Романовский, родившийся в 1893 г. в дер. Новоакульшет Алзамайской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губ., в автобиографии рассказывает: «Отец занимался средним хозяйством, умер в 1902 году. Мать осталась в тяжелом домашнем состоянии и при моем 15-летнем возрасте она взяла младшего сына и уехала в г. Черемхово, а мы трое проживали с бабушкой; бабушка умерла, и мы пошли жить по крестьянам»⁸¹. Таких случаев в автобиографиях и воспоминаниях крестьян-сибиряков описано очень много. «Мы видим, что люди от нужды рассыпаются, как песок морской, разбегаются в разные стороны, а другие начинают извлекать из бедствий ближнего собственное благополучие», — писал об этой ситуации в конце XIX в. народнический публицист С. Н. Кривенко⁸².

Некоторые особенности тех частых разделов крестьянских семей в Сибири, о которых говорилось выше, заставляют рассматривать их как важнейший признак ослабления и даже разрушения нормальных семейно-экономических и прочих связей в домохозяйстве.

Следует сразу оговориться, что семейные разделы сами по себе совсем не являются проявлениями дезорганизации крестьянского домохозяйства и семьи. Они имели место и в предшествующие периоды, будучи обусловлены

демографическими факторами. Делились чрезмерно разросшиеся семейства, и тем самым поддерживалась их оптимальная величина. Ускорение процесса семейных разделов при капитализме само по себе тоже не является проявлением дезорганизации. Оно было вызвано главным образом экономическими причинами: крупная неразделенная семья «перестает быть обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности»⁸³.

Однако в конкретных условиях раннекапиталистической деревни России потребность в крупной семье для ведения сельскохозяйственного и промышленного производства еще не вполне изжила себя. Об этом свидетельствуют, в частности, статистически установленная зажиточность крупных и бедность малых семей, падение благосостояния домохозяйств в ходе их разделов в Сибири. Видимо, в тот переходный период, когда экономические условия не вполне уничтожили необходимость в многолюдных семейных домохозяйствах и не создали еще прочной базы для хозяйства относительно мелкой семьи, довольно частые семейные разделы должны были иметь какие-то дополнительные причины. Эти причины были достаточно сильными, если разделы все же происходили вопреки хозяйственной необходимости, требовавшей сохранения многолюдного домохозяйства. Одной из таких причин, по нашему мнению, был *процесс ослабления (дезорганизации) семейных связей*, затронувший часть домохозяйств.

С установлением частнокапиталистического начала в обществе, созреванием системы внутрисемейной эксплуатации увеличилось количество «несогласий», «смутки» между родственниками. Не ладили между собой, прежде всего, женщины, что являлось отражением наиболее приниженного, бесправного положения одних (невестки, «молодухи») и фактически произвольной власти в сфере домашнего хозяйства других (хозяйки-«большухи»). Сказывалась и большая эмоциональность «женского полка». Но напряженность постепенно охватывала и взаимные отношения остальных членов семьи. Они

ссорились и затем делились «из-за заработков», «не поделив пособия», «по причине бедности, когда каждый кусок хлеба идет в счет, и вопрос, кто на кого работает, становится неисчерпаемым источником ссор», вследствие «постоянных споров из-за того, кто больше работает, кто других кормит и т. п.»⁸⁴. По существу, ссоры членов семей отражали то конфликтное состояние, которое создавалось в постепенно разорявшемся мелкобуржуазном домохозяйстве.

При анализе таблицы 5 мы видели, что относительно редко делились семьи зажиточные: «смутки» из-за куска хлеба им не были присущи. На другом социальном полюсе редкими были разделы дворов сельских пролетариев. С одной стороны, здесь играла роль их минимальная людность, — чаще всего просто некому было делиться. Но, с другой стороны, и делить-то было особенно нечего. Просто не было собственности, из-за которой могли бы разыграться ссоры.

Подводя *итоги* анализа семейно-экономических отношений в среде русских крестьян Сибири, попытаемся ответить на вопрос о том, каково было *общее направление* той реорганизации структуры семейных связей, которая проходила во второй половине XIX — начале XX в. Используемые материалы позволяют предположить, что в это время осуществлялся переход от традиционной русской патриархальной семьи, имевшей общее хозяйство и коллективную собственность на двор и семейное имущество, общую кассу, осуществлявшей коллективный труд и совместное потребление его продуктов, к семье, основанной на личной собственности домохозяина, других членов двора и групповом достоянии нуклеарных ячеек. Одновременно наметилась *тенденция «освобождения»* части семей в низшем социальном слое деревни от отношений собственности при сохранении в преобразованном виде отношений распределения и потребления. Условно выделяя три типа или стадийные формы внутрисемейных экономических отношений, невозможно в принципе ставить вопрос о количественном соотношении семей различного типа. Дело в том, что указанные формы семейных отноше-

ний реально не существовали в чистом виде, их выделение есть в большей степени логическая операция. На практике почти в любой семье черты всех трех типов переплетались, иногда наблюдалось лишь доминирование какого-либо из них.

Конечно, грубой ошибкой в духе вульгарного социологизма было бы искать в социальной структуре деревни отмычку к пониманию всех особенностей семейно-экономических отношений крестьян-сибиряков. Изучение источников показывает, что все было гораздо сложнее. Существовало мощное *взаимовлияние* еще не размежевавшихся семейных укладов, в большей степени присущих разным социальным слоям и группам. Громадной оставалась интегрирующая роль традиции, требовавшей от всех крестьянских семейств жизни по любви, согласию и «по совету».

Примечания

¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2388, л. 11—12.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 578.

³ ЦГИА, ф. 1212, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 230.

⁴ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 84.

⁵ См.: Швецов С. П. «Молочные бунты»... С. 108—110.

⁶ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... С. 159—160.

⁷ ЦГИА, ф. 1212, оп. 1, д. 1, прилож. 1, л. 59—60.

⁸ Там же.

⁹ Правила о внутринадельном разверстании в старожильческих селениях и заполненных переселенческих участках // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 359.

¹⁰ ЦГИА, ф. 1212, оп. 1, д. 1, прилож. 1, л. 48.

¹¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 19.

¹² Анучин В. И. Современное положение сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. // Сибирский наблюдатель. 1904. Кн. 2. С. 26—27.

¹³ ЦГИА, ф. 1212, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 200.

¹⁴ Там же, д. 1, прилож. 1, л. 48.

¹⁵ ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 212, л. 1.

¹⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2423, л. 17—18, 27.

¹⁷ Там же, д. 2028, л. 12; д. 2090, л. 25; д. 2389, л. 7—8; д. 2580, л. 12.

¹⁸ Загоскин М. В. Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. С. 2.

¹⁹ ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 33; ГАТО, ф. 170, оп. 5, д. 485, л. 1—68; ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 28, д. 2002, л. 1—2; оп. 29, д. 2086, л. 3.

²⁰ Птицын В. В. Очерки народной жизни на р. Лене // Вестник Европы. 1893. № 11. С. 96.

²¹ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы... С. 17.

²² Акципетров П. Народные проступки // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного окр. Томск, 1890.

С. 186.

²³ *Швецова М. В.* «Поляки» Змеиногорского окр. // Записки ЗСОРГО. Омск, 1899. Кн. 26. С. 64.

²⁴ *Чистяков С. И.* Летом 1898 г. в Томской и Енисейской губерниях // Этнографическое обозрение. 1899. № 1/2. С. 399.

²⁵ *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор... С. 336; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 22. С. 5.

²⁶ ЦГИА, ф. 1212, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 184.

²⁷ ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 109, л. 81.

²⁸ ЦГИА, ф. 1212, оп. 1, д. 1, прилож. 1, л. 143.

²⁹ *Леонтьев А. А.* Крестьянское право. С. 308.

³⁰ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 11—12; *Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний.* Иркутск, 1893. Т. 4. Вып. 3. С. 171, 175—176, 211.

³¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 24—26.

³² См.: *Вейсман Р. Л.* Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 37; *Молодых И. А., Кулаков П. Е.* Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губ. СПб., 1896. С. 137; и др.

³³ *Швецова М. В.* «Поляки»... С. 57—58.

³⁴ *Воробьев Н. И.* Материалы по быту... С. 109.

³⁵ См.: *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи... С. 175—176.

³⁶ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 1; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор... С. 330, 343; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 10, 24.

³⁷ *Азадовский М. К.* Ленские причитания. Чита, 1922. С. 51, 84.

³⁸ *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 326—327.

³⁹ *Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний.* М., 1890. Т. 2. Вып. 5. С. 198, 201.

⁴⁰ *Халютин П. В.* Крестьянское хозяйство в России. Пг., 1915. Т. 3. С. 40—41.

⁴¹ *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин... С. 72, 77.

⁴² ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 663, л. 79.

⁴³ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 12.

⁴⁴ См.: *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь... С. 320.

⁴⁵ *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 6.

⁴⁶ *Головачев П. М.* Сибирь. С. 193.

⁴⁷ *Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний.* Т. 2. Вып. 2. С. 291; Т. 4. Вып. 2. С. 103.

⁴⁸ *Материалы для изучения... Западной Сибири.* Вып. 3. С. 449.

⁴⁹ АГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 1658, л. 71.

⁵⁰ *Маляревский Г. Я.* Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губ. // ЕТГМ. 1917. Вып. 28. С. 24.

⁵¹ См.: ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 3, л. 22; ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 230, л. 67; д. 752, л. 2; ТФ ГАТюмО, ф. 579, оп. 1, д. 7, л. 13—14, 20; *Лебедева Н. И.* Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX в.) // Быт и искусство... Ч. 1. С. 81; и др.

⁵² *Мисюрёв А. А.* Сибирские сказы, предания, легенды. Новосибирск, 1959. С. 124.

⁵³ *Корреспонденции* // Восточное обозрение. 1902. 22 января.

⁵⁴ ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 28, д. 2004, л. 7—8.

⁵⁵ *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 32.

⁵⁶ ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 29, д. 2088, л. 103.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3574, л. 1.

⁵⁸ ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 28, д. 2023, л. 73—74; оп. 29, д. 2070, л. 2; д. 2202, л. 130; и др.

-
- ⁵⁹ *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО... С. 22.
- ⁶⁰ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, л. 13.
- ⁶¹ *Россия: Полное географическое описание...* С. 226.
- ⁶² *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО... С. 39.
- ⁶³ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 58.
- ⁶⁴ ГАИО, ф. 734, оп. 1, д. 28, л. 11, 13.
- ⁶⁵ ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 216, л. 79.
- ⁶⁶ ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 28, д. 2001, л. 50.
- ⁶⁷ ГАТО, ф. 170, оп. 5, д. 405, л. 44—45; д. 485, л. 29, 54; ЦГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3727, л. 1; д. 3860, л. 6; д. 3918, л. 1; и др.
- ⁶⁸ *Очерки деревенской жизни...*
- ⁶⁹ АГО, разр. 62, оп. 1, д. 44, л. 13; *Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы.* Красноярск, 1902. С. 137.
- ⁷⁰ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 5.
- ⁷¹ Там же, разр. 61, оп. 1, д. 37, л. 184; *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии... С. 106.
- ⁷² См.: ГААК, ф. 182, оп. 1, д. 54, 55; ГАИО, ф. 143, оп. 1, д. 143, 145; ГАКК, ф. 244, оп. 1, д. 723; ф. 630, оп. 1, д. 4.
- ⁷³ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 17.
- ⁷⁴ ЦГИА, ф. 1344, оп. 159, д. 3565, л. 1—12.
- ⁷⁵ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 30.
- ⁷⁶ *Гребеничиков Г. Д.* Река Уба и убинские люди // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. Т. 11. С. 24.
- ⁷⁷ АГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 739, л. 8—9.
- ⁷⁸ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 1—21.
- ⁷⁹ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... С. 48—49, 56.
- ⁸⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3673, л. 1.
- ⁸¹ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 229, л. 32.
- ⁸² *Кривенко С. Н.* Артель-община из переселенцев // Новое слово. 1896. № 6. С. 233.
- ⁸³ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 71—72.
- ⁸⁴ *Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ.* Тобольск, 1898. Вып. 1. С. 5, 17, 26, 62, 79, 87, 95, 119, 163, 174, 177, 182, 216, 232, 247, 251, 254; *Маслюков Н.* О поездке по волостям Томской губ. // Этнографическое обозрение. 1899. № 1/2. С. 401—402; и др.

Глава 5

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВЫХ СИЛ ДОМОХОЗЯЙСТВА

Историко-демографический анализ семейного домохозяйства был бы невозможен без выхода на проблему воспроизводства (возобновления и изменения) населения крестьянского двора. Собственно, именно изучение процессов воспроизводства народонаселения в его экологической и общественно-исторической обусловленности на разных этапах исторического развития и есть основная задача исторической демографии как науки, развивающейся на стыке нескольких дисциплин, прежде всего истории и демографии, а также экономики, статистики, социальной экологии, этнографии, медицины, педагогики и др.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Воспроизводство народонаселения — это «сложное социальное явление, включающее в себя неразрывно взаимосвязанные процессы физического возобновления человеческих поколений, их социализацию, передачу и развитие от поколения к поколению накопленного опыта и даже, как считают некоторые исследователи, “производство человеческих сил”», — отмечается в учебном пособии по исторической демографии, предназначенном для первоначального знакомства студентов-историков с этой научной дисциплиной¹.

Физическое возобновление населения достигается за счет механического замещения и дополнения одних его элементов другими. В крестьянском семейном домохозяйстве капиталистической эпохи физическое воспроизводство осуществлялось следующими способами². Главным каналом пополнения родительской семьи было репродуктивное поведение крестьян — вынашивание и рождение детей. Витальное (санитарное) поведение дополняло репродуктивное: родившихся ребят нужно было еще сохранить в живых;

забота о здоровье взрослых была непременным условием восстановления их работоспособности и жизненных сил. Нередкие в деревне случаи увечий, покалечений человека сокращали рабочую силу двора, смертность имела еще более катастрофические последствия. Вступление в брак или выход из него (брачное поведение) почти всегда влекли за собой изменение людности и демографической структуры одного или двух наличных домохозяйств. Изменяли состав крестьянского двора, как уже отмечалось, также приселения к семейству домохозяина посторонних лиц, соединение двух семей в договорном хозяйстве, семейные разделы и т. д. На практике физическое воспроизводство было тесно связано с социальным возобновлением демографической структуры семейной ячейки, можно даже сказать, выступало в качестве одного из аспектов последнего.

Социальное воспроизводство населения крестьянского двора можно условно разделить на две составные части, поскольку оно протекало и в рамках самого домохозяйства, и за его пределами.

В эпоху феодализма в России наряду с семьей важнейшую роль в социализации детей и молодежи играли иные *малые контактные общности* — половозрастные, родственные, соседские, хозяйственные, пересекавшиеся друг с другом (частично совпадавшие по составу или задачам) или соподчиненные. Как и семейные ячейки, они входили в структуру соседской сельской и волостной общины, конфессионального сообщества (прихода), которые интегрировали социализирующие усилия всех контактных групп³. За пределы сельского и волостного «мира» жизнь крестьянина, особенно подраставшего «недолетка», выходила не часто.

В эпоху становления и развития капитализма ситуация менялась. Процесс социального возобновления населения все в большей степени протекал не только вне семьи, «своего» домохозяйства, но и вне общины. Обучение, воспитание, физическое развитие ребенка могло происходить в чужой деревне (у сирот — воспитанников и опекаемых, у подростков-батраков); в рамках воздействия специально создаваемых с этой целью обществом и

государством институтов, прежде всего официальных школ различного типа; в ходе расширяющегося общения с носителями знаний, норм поведения, мировоззренческих установок из иной социальной среды. Это можно проследить на примере передачи трудовых знаний, умений и навыков по работам советских историков-сибиреведов последнего десятилетия.

Е. И. Соловьева в своей монографии отмечает существование в пореформенный период у крестьян Тобольской, Томской и Иркутской губерний института ученичества (обучения подростков у мастеров) в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности, хотя и слабо развитого здесь по сравнению с Европейской Россией⁴. В ряде обстоятельных публикаций Г. А. Бочанова характеризует деятельность по трудовому воспитанию и обучению подростков в период империализма начальных школ и ремесленных учебно-показательных мастерских, которые открывало в Сибири Главное управление землеустройства и земледелия МВД. Прослеживая первые шаги возникавшей сети профессионально-технического образования на востоке страны, автор отмечает не только прогресс в этой области, но и малое количество соответствующих учебных заведений, их слабую материальную и кадровую базу, небольшое число изучавших ремесло учеников⁵. Эта же исследовательница раскрывает растущее значение для некоторой части деревенских хозяйств таких каналов знакомства с передовыми достижениями промышленной и сельскохозяйственной практики и науки, как библиотеки, книжная торговля, воскресные школы и выставки⁶. З. П. Горьковская в одной из своих работ анализировала межпоколенную трансляцию традиций промысловой деятельности русского крестьянства Сибири через посредство артелей и помочей⁷.

В дополнение к этому конкретно-исторические источники указывают и другие способы приобщения молодых крестьян к технологическим знаниям и нормам экономического поведения. Некоторые сельские богатеи посылали своих детей обучаться промышленному и торговому делу («востриться») в большие города — Иркутск, Томск, Нижний Новгород, Москву и др.⁸ Иные из сельчан овладевали мастерством самостоятельно: присматриваясь к работе

других, выписывая или покупая специальную литературу, «самоуком доходили». Так приобщились, например, к экипажному ремеслу три жителя с. Кудинского Хомутовской волости Иркутского окр., что потребовало от них, по словам очевидца, «особой склонности» к этому делу и «выдающихся способностей». Большую роль сыграло и высокое благосостояние их семей, позволивших своим членам «терять дорогое время»⁹. В с. Усолъе Тугутуйской волости Иркутской губ. один овчинник начал заниматься промыслом «по книжке», завершил же свою профессиональную подготовку, нанимаясь в работники к мастерам из Европейской России¹⁰. Марина Лыткина, крестьянка Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. научилась одному из приемов окраски «самотканщины» – кублению – от родственницы, приехавшей погостить с верховьев Енисея¹¹.

Переходя от промыслов к сельскохозяйственному производству, следует вспомнить о просветительной деятельности сельских агрономов и ветеринаров, как индивидуальной, так и в составе специальных учреждений — агрономических служб, опытных полей и ферм, складов сельскохозяйственных орудий и др. Однако работа специалистов в крестьянской среде сковывалась их малочисленностью и отсутствием средств. В 1904 г. исследователь В. И. Анучин констатировал, что в Красноярском уезде Енисейской губ. «нет ни одного специального агронома, нет ни ферм, ни сельскохозяйственных школ, ни опытных полей...»¹². Это положение было типичным для большинства местностей Сибири.

Маловажную роль в трудовом обучении и воспитании детей играли и общеобразовательные начальные школы. Окончившие их подростки вели «такой же образ жизни, как их родители, принимая участие во всех работах по крестьянскому хозяйству» на основе традиционных норм¹³. Многие крестьяне считали, что их дети «коснеют в невежестве, не получая никаких познаний, даже самых главных и необходимых в жизни»¹⁴. Поэтому учащались случаи, когда сельские сходы ходатайствовали о включении в школьную программу основ агрономии, об открытии библиотек с сельскохозяйст-

венной литературой и т. д.¹⁵ Подобные ходатайства чаще всего оставались без движения «за неимением средств» в казне.

Не удивительно, что в таких условиях функцию выработки, закрепления, межпоколенной и пространственной передачи земледельческого, животноводческого, промыслового и иного трудового опыта продолжали по традиции осуществлять в основном семья и община, постоянно дополняя друг друга. Местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, действовавшие в 1902 г., зафиксировали повсеместно в Сибири тот факт, что сельские жители «по большей части ведут дело так, как вели их отцы и деды, следуя их системе хозяйства и даже употребляя те же ... орудия, какими пользовались предки с незапамятных времен... “Так наши родители работали, и нас благословили”, — говорят крестьяне»¹⁶. Передачей производственных знаний и навыков в рамках семейного домохозяйства объясняется, в частности, наличие во многих местностях Сибири изучаемого периода «семейных» промыслов — занятий, передающихся по наследству и квалифицированно ведущихся многими членами фамильного гнезда.

РОЛЬ СЕМЬИ В ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ

Семейное домохозяйство в деревне было не только экономическим организмом, оно имело и множество других функций. Среди них ведущей была *социализирующая*: крестьянский двор и особенно его ядро — семья — выступали как своеобразный «детский сад», «школа» и «университет» для подрастающих детей, подростков и молодежи из числа как членов семейства домохозяйина, так и приселившихся лиц — воспитанников, опекаемых и др. В рамках семьи происходила основная «работа» по физическому становлению будущего труженика; по формированию, развитию интеллектуальных качеств его личности, межпоколенной передаче знаний об окружающем мире (обучение); по развитию волевой и эмоциональной сфер, приобщению к нормам социального поведения (воспитание); по регулированию девиантного

— отклоняющегося от общепринятой нормы поведения взрослых крестьян; по включению подрастающего человека в систему общественных и культурных ценностей своей среды, закреплению его в сложившейся к данному моменту системе общения и социальных отношений.

Конкретно-исторический анализ процесса социализации подрастающих поколений в семейном домохозяйстве — сложная комплексная задача, которая во всем ее объеме не может быть решена в данном пособии. Далее мы сосредоточим внимание на одном из аспектов социализации — трудовом воспитании и обучении детей, подростков в семейном домохозяйстве.

Приобщение ребенка к вековому опыту крестьянского хозяйствования начиналось уже в самом раннем детстве. В колыбельных песнях и детских потешках сибирские «пестуньи» знакомили «дитю» с тем, что и как делается в доме и во дворе, что окружает человека в природе. В ходу были эмоционально окрашенные сюжеты о распределении обязанностей между членами семьи в соответствии с полом и возрастом, физическими возможностями, о недопустимости лени, безделья¹⁷. «Сызмалетства» детей приучали к верховой езде. Начиная ходить ребенка уже сажали в седло, давали ему в руки поводья и, придерживая, катали на лошади. С 5—6 лет дети ездили на лошади уже самостоятельно и могли поэтому использоваться как «вожатые», погонщики на некоторых хозяйственных работах. С очень малого возраста поручались ребятам и такие нехитрые обязанности во дворе, как, например, кормление домашней птицы.

Однако все же ранний детский возраст был временем игры, которая физически, морально готовила к трудовой жизни, «вострила» ум ребенка. Среди великого множества детских забав, бытовавших в сибирской деревне, выделялась обширная группа игр, имитировавших семейную и хозяйственную жизнь родителей и соседей. Дело в том, что самым важным фактором трудового воспитания была атмосфера труда и всеобщей занятости взрослых членов семьи. Дети присутствовали при многих работах и на семейных обрядах, слушали хозяйственные разговоры, сопровождавшие людей во

время работы и занимавшие значительную часть семейного досуга, и потом как бы повторяли жизнь взрослых в своих играх.

В качестве примера приведем подробное описание детской игры «в обозы», зафиксированное в воспоминаниях крестьянина И. И. Пальмина (с. Березовское под Красноярском). Во второй половине XIX в. на ребят, живущих в селениях по Московско-Сибирскому тракту, очень большое впечатление производило движение обозов с разнообразными грузами и седоками.

«Игра эта заключалась в летнее время в следующем. Устраивались самими детьми (8—9 лет) тележки. Колесиками служили перерезанные пополам тюрки от ниток. Колесики надевались на ось, сделанную из тоненькой дощечки.

К оси прикреплялись две оглобли. Лошадью служили бабки. Цибиками чая — кусочки битого кирпича. Деньгами для расплаты — красные, желтые, синие листки бумаги (с китайскими надписями), которыми прокладывались кирпичи чая в цибиках.

В теплое время дня где-нибудь в укромном местечке собиралось несколько малышей, сооружались клетки — это деревня. Создавался обоз и двигался к деревне. Раздавалось «чай — чай», «пошел». Иногда обоз останавливался, ямщикам приходилось наскоро ремонтировать дорогу, обходить препятствия. Наконец обоз достигал клеток — деревни. Лошади распрягались, ставились к корму, кирпичи чая складывались в кучу — в табора. Лошадей поили у корыта. Потом лошадей снова запрягали, складывали чай на телеги, и обоз опять двигался.

В зимнее время игра в обозы носила другой вид. У каждого мальчика были санки. Выстраивались гуськом один за другим и шли по товару, т. е. искали плотный слежавшийся снег, резали его на пласты, складывали на санки и везли»¹⁸.

Описанная игра была любимым занятием березовских детей до тех пор, пока у многих из них отцы и старшие братья «держались за кнут» — занимались ямщиной и дворничеством (содержанием постоянных дворов). После постройки Транссибирской железной дороги образ жизни сельчан изменился, трактовые промыслы отошли в область преданий, и потому игра в обозы «совершенно умерла».

Детские игры повторяли весь хозяйственный крестьянский цикл. Маль-

чки любили играть «в пахоту, сев и бороньбу», «в охоту», «в торговлю», упражняли руку и глаз в стрельбе из лука. Девочек больше привлекали женские работы. А. Н. Михалева из с. Ершова Сузунского района Новосибирской обл. (1905 г. рождения) вспоминает: «Сызмальства так играли: рвали на дворе траву, сушили, лаптем возили, ставили игрушечные снопики. Из глины лепили игрушечную посуду. Обжигали на печи, которую сами мастерили»¹⁹. Самыми любимыми играми в компаниях девочек были те, что имитировали домашнее хозяйство и семейную жизнь — «в куклы», «в клетку» (избу). Вот типичное их описание, составленное со слов З. В. Тропиной (с. Комарово-Курашинское Канского уезда Енисейской губ.) известным этнографом М. В. Красноженовой:

«Девочки строят “клетки”, изображающие комнаты, убирают их всевозможными бумажками, картинками и цветами; кусочки стекла изображают посуду, из которой будто бы пьют чай, из глины стряпают разные фигурки, изображающие печенье. Корову заменяет кирпич, который трут другим обломком кирпича, и песок, который сыплется от трения, изображает молоко. И так идет игра, отражающая хозяйственную домашнюю жизнь женщины. Зимой девочки большей частью играют в куклы, сшитые из лоскутьев; дают им имена, устраивают им комнаты, столы, постели из коробочек, чурочек и движут их, изображая из них живых людей хозяйственных, сами разговаривают за них разными голосами. А летом вместе с мальчиками изображают где-нибудь на лужке сенокос: рвут траву, собирают как будто копны и стога»²⁰.

Младшие дети сами шили из лоскутков куклы, выделывали игрушки из дерева, бересты, других природных материалов. При этом они усваивали некоторые приемы труда, узнавали свойства материалов. Роль взрослых ограничивалась здесь в основном советами, подсказкой, помощью в изготовлении некоторых игрушек. Примерно с 7—8 лет практически все дети уже активно подключались к разнообразным работам в семейном хозяйстве. Мемуарист Ф. Д. Останин, выросший в с. Сидоровском Романовской волости Барнаульского уезда Томской губ. в Кулундинской степи, вспоминает, что он

сам и его братья работали на пашне каждое лето уже с 7 лет. Началом своей трудовой деятельности он считает тот день, когда его «впервые на пашне посадили верхом на лошадь — семилетнего крестьянина». С той поры он был «необходимой и обязательной рабочей единицей в хозяйстве»²¹. Учитывая важнейшую хозяйственную функцию мальчиков 7—12-летнего возраста — боронование пашни и заделку семян, их называли в Сибири «борноволок», «бороновало»²². Если в семье не было мальчиков, борноволомом в поле ездила девочка 8—15 лет.

Дети и подростки помогали взрослым членам семьи в прополке полей, при уборке урожая, во время перевозки и складирования снопов на гумне или в овине, при молотье. Судя по данным выборочного обследования 1911 г. в Алтайском горном окр., во всем комплексе уборочных работ, от машинной жатвы хлебов до свозки зерна в амбары, доля труда подростков составляла до 7,2 %²³. Дети были возчиками при вывозе навоза на поля, участвовали в разбрасывании удобрений. Большую помощь они оказывали женщинам в работах по огороду. «Ежели есть кому сарынь (дети.— В. З.), да хто, оно легче, а я все одна да одна», — сетовала, бывало, женщина из бездетной семьи²⁴. С 6—7 лет ребята принимали активное участие в сенокосе, главным образом в качестве копновозов. С 10—11 лет они уже сами начинали косить, в некоторых семьях — сначала специально для них изготовленным облегченным инвентарем. Девочки вместе с матерями небольшими граблями ворошили сено, сгребали его в валки.

Важные обязанности лежали на детях и подростках в животноводческой сфере домашнего хозяйства. В некоторых местностях уход за лошадьми и уборка скотного двора были исключительно делом мальчиков-подростков, если те имелись в семье. Девочки помогали старшим женщинам ухаживать за остальным скотом, встречать его из «пасева». В хозяйствах зажиточных крестьян, имевших значительные стада, ребята (мальчики, иногда девочки) лет с 8 пасли свой скот, если это не поручалось батракам. Беднота иногда соединялась по несколько дворов, от которых и посылались поочередно или

постоянно за небольшую плату детвора на выпас скота. В зимнее время подростки гоняли коров и коней на водопой.

Рано в крестьянских домохозяйствах дети начинали приобщаться к охотничьему промыслу. Любимым занятием мальчиков с 7—8 лет в промысловых дворах Енисейской губ. была охота с собакой и при помощи ловушек на пушных зверьков — бурундуков, ласок, горностаев, хорьков, а также на птиц — сорок, косачей и глухарей²⁵. С 12—15 лет мальчики-подростки привлекались к участию уже в серьезном промысле. Автор воспоминаний С. М. Матросов, например, начал охотиться вместе с отцом с 13 лет²⁶. Когда родители или артельщики впервые брали мальчика в дальнюю тайгу, они рассуждали примерно следующим образом: «Стреляет парень хорошо, на лыжах ходить умеет, к тайге привычен, убитого зверька изобиходить может — значит, по этой части артели будет не в тягость. Другое дело, выдюжит ли он там. Парень еще жидковат. Сноровка, конечно, есть, а кость еще не окрепла. Белковать зимой в Большом Ижате не каждому сподручно. Посмотрим, как он там себя на деле покажет»²⁷. Девочек брали в тайгу только в том случае, если в семье не было мальчиков и охотничьи «ухожья» находились вблизи деревни. Труд «недолетков» широко использовался и в рыболовном промысле.

О широком применении труда детей в обрабатывающих промыслах Сибири рассказывается в исследованиях Н. Н. Козьмина, И. И. Серебренникова, Л. М. Сабуровой, Е. И. Соловьевой, Г. А. Бочановой и других историков²⁸. Мы приведем здесь интересный рассказ о производстве льняных холстов, записанный в с. Конево Краснозерского района Новосибирской обл. от А. П. Кайгородовой, 1901 г. рождения, из зажиточной семьи переселенцев Рязанской губ.

«Все детство мое связано со льном. Засевали мы его в огороде — при дворе. Когда вызревал, дергали руками, ставили маленькие снопы. Потом молотили и расстилали на “кошанину” (т. е. на убранный участок). Затем стаскивали в вытопленную баню и там сушили. После этого уже мяли мялкой, получали “ёмку”. Ее надо было освободить от

кострики, для этого — тереть ёмку.

После того, как ёмка была освобождена от кострики, ее толкли в деревянной ступе. Получалась куделя, мы ее называли “намычка”. Намычку надевали на большие гребни и чесали. И только после тщательной прочески она была готова для прядения. Прясть умели все — и взрослые, и дети. Необходимо было, чтобы пряжа была как можно тоньше. Бытовало поверье, что для этого надо съесть коровье сухожилие. Мы его называли “тонкопряха”. <...> С приходом поста (с марта) мы вместе со старшими ткали холст. Здесь тоже надо было иметь сноровку. Ткали по разному. Если проще — “туда-сюда” — полотно получалось гладкое, без узора. Сложнее — в 4 сопка — получался узор “ёлочкой”, в 8 сопков — кружочками, а в досточку — выпуклостями по поверхности холста.

Весной, когда уже всюду зеленела травка, начиналась самая любимая часть работы — отбеливание холстов. Полотно расстилали дорожками по траве, мочили, сушили, затем снова мочили — до тех пор, пока оно не становилось совсем белым. Для нас, детворы, это был праздник. Наверно, потому, что видели, что сделано с нашим немалым участием. Да и родители наш праздник старались поддержать: для всех к этому дню заранее готовились подарки — пряники, леденцы, а кое-кому и новый сарафан»²⁹.

Пожалуй, шире всего дети и подростки привлекались к работам по дому и подворью. Мальчики помогали отцу и старшим братьям в «дроворубе», строительных и ремонтных работах, подвозке сена и дров, уборке скотного двора и т. д. Девочки были помощницами матери и сестер — ухаживали за мелкой живностью, шили, стирали, топили печи, мыли полы. Если детей в семье было несколько, то старшие обычно поступали так: за каждым закрепляли определенные постоянные обязанности, но, кроме того, еще давали временные поручения «на каждый день». В своих воспоминаниях О. И. Белкина (с. Батурино Томской обл.) рассказывает, что в их семье ежедневно распределял обязанности каждому ребенку отец. Однако постоянной обязанностью мемуаристки было мытье полов, ее средняя сестра щипала лучину для русской печи (росла слабой по здоровью), младшая мыла посуду. Самая старшая сестра помогала матери готовить еду. Братья «занимались по хозяйству»³⁰. В родительской семье, где воспитывался В. Г. Белозеров (с. Большое Зоркальцево Тобольского уезда), было пять старших сестер и два младших

брата. В 10 лет «каждый имел свое определенное дело», «с детства знали порядок». Сестры вязали сети, ухаживали за скотиной, выполняли полевые работы и, кроме того, давали задания младшим. Мемуарист отвечал за подноску дров к печи и не имел права уйти со двора до выполнения задания — сестры строго за этим следили, как, впрочем, и за поведением малышей вне дома. «Они учили приветствовать старших на улице: остановиться, снять картуз, слегка поклониться, уступить дорогу (если есть необходимость). Боже упаси, если дойдет до родителей, что ты не поздоровался», — говорит Владимир Григорьевич³¹.

Естественно встает вопрос, являлось ли раннее привлечение детей к труду в крестьянских домохозяйствах только объективной экономической необходимостью или это был своеобразный педагогический прием, призванный обеспечить успешное трудовое воспитание подрастающего поколения. Имеющиеся источники и литература показывают, что оба эти момента определенным образом сочетались. Объективные потребности многопрофильного крестьянского хозяйства требовали привлечения детей, как и всех трудоспособных членов, к труду; в процессе последнего частью стихийно, частью целенаправленно — путем сознательных усилий старших и младших, осваивались производственные знания, умения, навыки и отношения.

Известные нам немногочисленные записи норм обычного права капиталистической эпохи зафиксировали различные обязанности родителей в семье, но среди них совсем не упоминается обязанность давать детям профессиональную подготовку, учить их земледелию или ремеслу. Очевидно, это подразумевалось как бы само собой. И действительно, пройдя, как и его ровесники, через все этапы участия в семейном труде (игра, «баловство — не баловство, однако и не обязанность» — обязанность, за выполнение которой строго взыскивается), подросток почти со стопроцентным успехом приобретал необходимые для полноценного члена крестьянского, домохозяйства качества. Важнейшие элементы хозяйственного опыта усваивались «тогда, когда нужда заставит»³².

В то же время было бы ошибкой сводить трудовое обучение и воспитание в крестьянской семье только к подражанию детей и подростков взрослым. В ткань реальной хозяйственной жизни и общения членов домохозяйства взрослые вплетали специальные педагогические средства и действия. Этим, в частности, объясняется привлечение детей даже к тем работам, в которых можно было бы «обойтись свободно и без детской помощи»³³.

Сибирские крестьяне в своих прошениях по поводу усыновления или отдачи им на воспитание детей иногда брали на себя специальные обязательства по их подготовке к трудовой жизни. Так, в 1898 г. житель с. Семилужного Томского уезда Илья Иванов просил губернское управление отдать ему на воспитание внуков, оставшихся сиротами после гибели их матери — дочери просителя. Иванов писал: «... мальчики уже взрослые — одному 15, а другому 13 лет, и вполне уже могут приучаться к земледелию, к чему я их обязуюсь приучать, так как они дети еще не избалованные и сами просят со слезами, дабы я об этом ходатайствовал»³⁴. В одном из описаний юридического быта крестьян (Казачинская волость Енисейского уезда, около 1897 г.) читаем: «Опекун обязан малолетних детей приобщать молитвам и страху Божию, а также и труду, заменять во всем умерших родителей»³⁵.

Существуют многочисленные свидетельства того, что бабушки и деды, отцы, старшие братья и сестры не просто заставляли детей работать, а прямо обучали их производственным операциям и приучали к труду. Вот как учились косить А. В. Трифонова и ее младший брат: «Отец идет впереди, за ним я, за мной братишка... Стараемся и мы с братишкой косить как отец, но косы наши плохо слушаются... Смотрит на нас отец и смеется: “Горе мое, а не косари”, — и начинает показывать, как держать косы, как плавно к земле двигаться. День-два, постепенно науку косьбы осваиваем, только силенок мало, устаем быстро...»³⁶. Во многих других воспоминаниях читаем: «Отец даст указание, а мы делаем. Братья помогали, рассказывали и показывали, как делать» (И. М. Крысин, с. Петропавловка Краснозерского района Новосибирской обл.); «Лет с 7 уже помощник — стерегли скот и т. д. Что делал

старший брат, смотрел и делал так же. Отец тоже рассказывал и показывал...» (И. Д. Дворник, то же село); «Мать показывала, как правильно мыть пол: должны промывать каждую щель, вымыть плитуса. Как правильно держать косарь (нож), чтобы на плахе не осталось полос, так как пол был не крашен... При побелке учила, как правильно держать кисть, водить ею по стене, правильно обмакнуть в известь» (О. И. Белкина, с. Батурино Томской обл.)³⁷.

Крестьянская традиция считала недостаточным для подростков только овладение навыками работы предков. Следовало «еще кой-что знать, чтобы вести дом и хозяйство»³⁸. Подразумевалось знание различных обрядов, примет, наговоров, гаданий, которым старшие специально научали младших членов семьи. Особую проблему для родителей составляло приобщение детей к нравственным ценностям трудовой крестьянской среды (трудолюбие, бережливость, доброта, милосердие и др.), и проблема эта в большинстве случаев успешно решалась. Об одном из способов рассказывает А. М. Михалёва. Как-то мать послала ее на дальнее поле за 10 верст вязать просо в снопы. Выполнив задание и составив снопы в суслоны, девочка сняла нарукавники, которые надевала, чтобы не исколоть руки, и нечаянно оставила их в поле.

«А дома мама спросила: “Связала?” – “Связала!” – “Сколько?” – “Три копны!” – “А нарукавники где же?” Я отвечаю: “Ох-ох! На суслоне оставила!” Мама только и сказала: “Сейчас же принеси”. Выбежала я молчком за ворота, взяла березовую палку, села на нее на вершни, как ребятишки катаются на палках. И пошел... <...> Вечером встречает меня мама, спрашивает: “Принесла нарукавники? Никто не унес?” Я говорю: “Вот они!” Мама говорит: “Анюшка, Анюшка, нарукавники — пустяк, двадцать таких еще сошью. Но только не будь такой: косила — косу бросила, сгребла — грабли бросила, а кто-то пошел, подобрал. Тебе назавтра косить, хватилась — косы нет, сгребать, а граблей-то нет. Береги свое, что имеешь, не будь растеряхой”. Так приучила меня мать к бережливости. Привила на всю жизнь. Сейчас мне 80 лет, а ничего у меня не пропадет. Каждому лоскутку дело дам»³⁹.

Ранняя смерть одного из родителей тяжело отзывалась на семействе, в

частности, и потому, что уходил человек, призванный обучить детей жизненно важному для них делу. Стремясь вступить во второй брак, крестьяне часто объясняли этот шаг именно нуждами детского воспитания. В своих причитаниях по умершим родителям дети на верхней Лене повторяли: «Как-то мы будем работочку работать, кто-то нам ее покажет, что-то нам расскажет? Ничо-то мы не знаем, ничо-то мы не умеем. Кто-то нас наставит, кто-то нас научит?»⁴⁰. М. Н. Леликова, жительница Каратузской волости Минусинского уезда Енисейской губ., сетовала позже, что не научилась в детстве ни прясть, ни ткать, так как мать у нее умерла и учить ее было некому⁴¹.

Можно выделить *ряд педагогических принципов*, которыми руководствовались крестьяне, часто по традиции, неосознанно, приучая детей к труду, передавая им свой хозяйственный и иной жизненный опыт.

1. Прежде всего, это *опосредованность педагогического влияния* старших. Очень важно было создать атмосферу радости, успешности, нужности труда всех членов семьи и двора: эта атмосфера становилась мощным подспорьем в трудовом воспитании. Большую роль в создании настроения, благоприятного для совместного труда и приобщения к нему детей, играли семейные хозяйственные обряды. Повсеместно в Сибири были распространены, например, различные варианты торжественного семейного обряда в честь начала весенней пахоты и сева, приуроченного обычно к 1 мая по старому стилю («Еремей-запрягальник»). В Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губ. в 1913—1914 гг. он выглядел, по описанию Г. С. Виноградова, так: накануне посева хлеба вся семья моется в бане, «белы (чистые) рубахи наденут. Утром все (члены семьи) собираются в избу. Посидят молча, помолятся потом. Сыновья-работники кланяются в ноги отцу — матери; то же делают невестки, ребяташки; потом уж и отправляются. Так и всякую работу “на начине”»⁴². В Приангарье бытовал не менее торжественный обряд проводов «лесовика» на охоту, в котором принимали участие все члены его семьи⁴³.

2. Одним из важнейших требований в деле передачи хозяйственного опы-

та была поэтапность этого процесса при *учете возрастных особенностей, умственных и физических возможностей* детей. Крестьяне старались по возможности не форсировать этот процесс («Вырастут детки, доспеют и сметки»⁴⁴), но в то же время и не задерживать его искусственно: «Покаль он поперек лавки лежит, учи его. А как ляжет вдоль лавки, тожно уж не научишь»; «Чему смолоду не научишься, того и под старость не будешь знать»⁴⁵. Приобщение младших членов семьи к тем или иным работам происходило по достижении «поры» — определенного возраста, когда можно было «рассчитывать на их понятливость и умение»⁴⁶. Например, на Алтае самых способных девочек матери начинали обучать прядению, а затем и ткачеству с 4—5 лет, а менее понятливых — с 8—9 лет⁴⁷.

3. Очень важным принципом было *сочетание педагогических усилий взрослых с самообучением, самовоспитанием и самоотренировкой* детей. В целом оптимистически оценивая возможности хозяйственного образования и воспитания в семье («Ребенок что воск — что хочешь, то и сольешь»⁴⁸), крестьяне в то же время понимали, что многое зависит от встречной активности ребенка, саморазвития его способностей: «Незнайка на печке лежит, а знайка по дорожке бежит», «Глупому сыну отцовский живот (жизненный опыт.— В. З.) не в помощь»⁴⁹. Привлекая «недоletков» к труду, сибирские крестьяне чаще всего поручали им самостоятельные участки работы, наделяли их обязанностями, за выполнение которых дети отвечали полностью. Родители первое время присматривали, чтобы работы выполнялись правильно, да «исподволь» наставляли детей или помогали им в случае крайней необходимости. А. В. Трифонова вспоминает, что когда она девочкой боронила, отец «только наблюдал, чтобы лошади слушались меня, да на поворотах очищал бороны от веток и стерни»⁵⁰. В обрабатывающих промыслах детей также приучали «работать самостоятельно при помощи необходимых указаний»⁵¹.

4. Успешное педагогическое воздействие родителей и других старших членов семьи основывалось преимущественно *на силе их авторитета как*

умелых хозяйственников. В то же бремя старшие старались соблюдать и необходимую *меру* строгости, последовательности и настойчивости в своих требованиях. Не полагалось из родительской любви или жалости делать детям уступку: «Ты, мать, не больно потакай сынку, — избалуешь его как раз!»⁵². В некоторых семьях мера все же превышалась. «Стариков не столько уважали, сколько боялись», — пишет о патриархальных семьях на Алтае А. В. Сафьянова⁵³.

5. Для правильного трудового воспитания детей чрезвычайно важным считалось *участие в этом процессе обоих родителей*. В раннем детстве все «челяденки» находились на попечении матери (бабушки и старшие сестры выступали в качестве ее помощниц), отцу же «по его хозяйственным делам мало приходится быть дома при детях»⁵⁴. Мать старалась опекать детей и в последующее время, но все-таки с 7—8 лет мальчики поступали в «хозяйственную школу» отца. В деле воспитания дочери существовала некоторая «автономия» матери. В Енисейской губ. в 1912 г. записана поговорка: «Сказала папаше: дело не Ваше, мамаша придет — все дела разберет»⁵⁵. Конечно, очень частыми были случаи, когда старшим в семье девочкам приходилось, по необходимости помогая отцу, выполнять «мальчишечьи» работы, а иным мальчикам исполнять хозяйственные обязанности девочек. Тогда мать и отец выступали наставниками в «своей» сфере хозяйства, независимо от пола воспитываемого ребенка.

В крестьянской семье существовала своеобразная взаимная дополняемость воздействия отца и матери на детей. Исследователь Н. Н. Козьмин заметил удивительное совпадение в воспоминаниях сибирских писателей — выходцев из «низов» — о своих родителях. Отец описывается ими как «суровый, заставляющий бояться детей», мать — как «добрая покровительница»⁵⁶. Авторитет отца основывался не только на его решающей роли в материальном обеспечении семьи, умении показать образцы хозяйственной деятельности, но и на том, что он был основным собственником средств производства и имущества во многих дворах. Тут крылась возможность подмены авторите-

та авторитарностью, применением насилия по отношению к членам домохозяйства, и такая подмена в изучаемый период часто имела место.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОЙ СИЛЫ

Итоги трудового воспитания и обучения детей в семье обычно были положительными, неудачи были редкими. «В самом деле, — пишет в своих воспоминаниях Ф. Д. Останин, — с 8 лет и до 15 крестьянский мальчишка полностью и в совершенстве овладевал всем комплексом многообразных крестьянских работ. [Осуществляя] полный уход за скотом — зимой и летом, в работах в поле и дома он интуитивно привык ценить время, он знал “технологии” вспашки и боронования; разбирался в сортах семян; знал, когда лучше какую культуру сеять и по какой земле; он умел жать, косить вручную, а если были машины, он вполне мог их обслужить, пользоваться ими, произвести чистку, смазку и даже легкий ремонт; в домашних работах он в совершенстве знал очень трудоемкую и довольно сложную “технология” превращения навоза в кизяк (топливо); мог наточить топор, лопату. И такой ежедневный и разнообразный труд и воспитывал “эту привычку к труду благородную”, а она вырастала в привязанность к земле, родной деревне. Восемнадцатилетний парень мог вести самостоятельно крестьянское хозяйство»⁵⁷.

Собственно, уже с 10—12 лет мальчики-подростки могли временно замещать отца и старших братьев на многих мужских работах. Так, внимание проезжавших по Московско-Сибирскому тракту часто привлекало «малолетство» писарей и ямщиков в некоторых трактовых селениях⁵⁸. При обследованиях крестьянских домохозяйств переписчикам за отсутствием «большака» часто приходилось опрашивать по программе подворной карточки 10—12-летних подростков. Те давали, по отзыву чиновников, «прекрасные ответы на все вопросы ... и заслуживали этим громкое одобрение присутствующих крестьян»⁵⁹. Подростки хорошо разбирались в «производственных процес-

сах» отцовского хозяйства, но подробные сведения по его бюджету мог дать только сам домохозяин.

Крестьянские сельские общества во многих местностях Сибири считали «полными, годными, дельными работниками» подростков, начиная от 16—18 лет, наделяя их с этого возраста землей и зачисляя в оклад на несение основных повинностей. С того же времени, то есть с момента, когда парень мог самостоятельно, наравне с другими мужчинами и без их помощи выполнять все крестьянские работы, он получал право голоса на домашнем совете. На сельском сходе он мог полностью замещать отсутствующего домохозяина. После завершения домашнего «курса» хозяйственного обучения и воспитания до женитьбы парня так же, как и до замужества девушки, могло пройти несколько лет, и это был период интенсивного использования труда молодых работников в семейном домохозяйстве.

Девушки несколько раньше, чем мальчики, овладевали всеми знаниями, умениями и навыками, необходимыми, с точки зрения крестьян, женщине-хозяйке. «Я умею шить и мыть, вышивать и гладить. Я умею ворожить, от нарочков ладить», — распевали в начале XX в. совсем молоденькие девчушки в Иркутской губ.⁶⁰ Священник Н. П. Григоровский, вообще-то очень критически относившийся к педагогической деятельности крестьян-старожилов Нарымского края, в таких выражениях описывал ее результаты применительно к девушкам в 60—70-х гг. XIX в.: «В 15 лет девушка входит во все хозяйство и домашнюю работу. Она уже умеет отлично плавать на маленькой лодке, умеет жать, косить, метать сено, подчас боронить и даже неводить рыбу; умеет, конечно, подоить и коров, прясть, может сшить рубашку, платье, связать чулки; выучивается разными травами красить белую пряденую шерсть, умеет найти эти травы, а иногда и соткать из этой пряжи для себя юбку с разными цветными клетками, и даже имеет свои кухмистерские познания. <...> Для полного образования местной девушки она должна выучиться и винокурению»⁶¹.

Подводя итоги своему рассказу о материнской «школе труда», А. М. Ми-

халева говорит так: «А замуж-то я идти не боялась. Знала все: с чего начать и как жить. Всему меня родители научили, к жизни подготовили. На ноги я стала крепко. Первой снохой была, и вся работа в доме свекрови легла на мои плечи. Нашелся (родился. — В. З.) первый ребенок, муж мне пеленки не стирал. Сама все успевала. А если бы в семье не приучили к работе, кто бы меня и замуж-то взял?»⁶². Иные родители стремились отложить замужество дочери по той причине или под тем предлогом, что она еще «не все умеет, не всему научена, а с нее взыщется» в семье мужа⁶³.

Оказывается, действительно взыскивалось. В качестве типичного приведем пояснение крестьянки Екатерины Фоминой по поводу возбуждения ее мужем бракоразводного дела. Фомина пишет, что с детства жила в городе «в прислугах» и поэтому «к крестьянской жизни не сродна» — не научилась у родителей вести хозяйство. Тем не менее, в 1905 г., когда ей было 18 лет, отец выдал ее замуж за односельчанина (с. Березовское Дубровной волости Тобольской губ.). Вскоре Фомина покинула мужа и опять перебралась в город. Причину своего поступка она объяснила так: «Свекровь моя ... женщина невозможная, сварливая, и с первого же дня стала с меня требовать то и другое в отношении хозяйства, чтобы я всю работу крестьянскую исполняла. Я же ... работу крестьянскую не знала и потому исполнять ее не умела, тем более, что хозяйство у них было порядочное: были коровы, лошади, овцы, телята и свиньи. Показать или поучить она меня не хотела, а требовать требовала. Я жила у них в доме три месяца, она несколько раз била меня и заставляла моего мужа бить меня, а за что, я и сама не знаю. Много синяков я от них за это время износила»⁶⁴.

Во второй половине XIX — начале XX в. в ходе развития капитализма вглубь и вширь происходили значительные изменения в социально-экономических, демографических, экологических условиях функционирования крестьянского домохозяйства. Многие в средствах и способах семейной хозяйственной и социализирующей деятельности, освященных традиций, оставалось целесообразным, хорошо приспособленным к социальным и

местным условиям. Однако многое устаревало, хотя изживалось очень медленно. Наблюдатели и исследователи фиксировали в сибирской деревне «первобытное состояние» хлебопашества и животноводства, «несовершенство орудий и приемов работы» в обрабатывающих промыслах⁶⁵.

Главная причина такого положения заключалась в обнищании значительной массы крестьянских дворов. Многие сельчане осознавали необходимость научно обоснованных улучшений в хозяйстве, но не обладали для этого нужными средствами. Негативное влияние оказывали также ограниченный кругозор и неграмотность большинства крестьян, закреплявшие косность хозяйственного и педагогического мышления. Известную роль играла консервативность общины, зачастую тормозившей или прямо запрещающей «применение неслыханных в деревне приемов или орудий»⁶⁶. Сама традиция хозяйствования и воспитания «по старине» заставляла крестьян «идти старым дедовским путем, освященным веками и опытом»⁶⁷.

Вместе с тем, овладение крестьянами опытом хозяйственной и социализирующей деятельности предшествующих поколений создавало некоторые благоприятные предпосылки для перестройки хозяйства на более рациональных принципах. Хорошо приспособленное к местным условиям традиционное семейное домохозяйство являлось как бы потенциальной платформой для такой перестройки. Авторы обследования обрабатывающих промыслов Томской губ. в 1914 г. отмечали, что успешнее всего последние совершенствуются там, «где промысел уже существует ... выработалась техника производства, в зависимости от имеющихся на месте материалов»⁶⁸. Попытки некоторых крестьян ввести улучшенные орудия труда, новые приемы обработки земли, культуры, сорта семян во многом опирались на местные традиции сельскохозяйственного производства. Выдающиеся самоучки из числа крестьян, используя перенятый у предков опыт и корректируя его знаниями, полученными из специальных изданий, на сельскохозяйственных выставках, опытных фермах, старались перестроить свое хозяйство и закрепить достижения, передав свой новый опыт детям. Кроме косвенных, тому есть и

многочисленные прямые свидетельства.

Знаменитый советский агроном Т. С. Мальцев (с. Мальцево Шадринского района Курганской обл.) стал на путь новаторской научной и опытнической деятельности в 1920-х гг., будучи вооружен, по его собственным словам, многолетней практикой в хозяйстве отца и сведениями о прошлом зауральского земледелия, полученными «от стариков»⁶⁹. В начале XX в. в дер. Береговой Коркинской волости Туринского уезда Тобольской губ. под руководством отца, старого крестьянина Степана Малкова, успешные опыты по вспашке под яровые с осени вел его сын Алексей со своей женой и детьми-подростками, имея намерение «привить осеннюю обработку окончательно»⁷⁰. Несколько раньше в Тарском уезде той же губернии основателем пчеловодства явился крестьянин Алексей Паршин (Егоров), переселившийся сюда в 40-е гг. XIX в. из Пензенской губ. На родине он «водил пчел» вместе со своим дедом. В Сибири, приглядевшись к местным условиям, Паршин также завел пчел и охотно применял в своем промысле новшества: пробовал, например, завести рамочные ульи вместо колодок. Свой богатый потомственный опыт он передавал двум мальчикам-внучатам 10—12-летнего возраста, помогавшим ему на пасеке. Кстати, двоюродный брат Алексея Паршина Кирилл, тоже занимавшийся пчеловодством, хотя и был на 10 лет моложе «братана», неуклонно придерживался старых приемов промысла, говоря: «Наши деды держали пчел в колодках, и мы против их примера не пойдём»⁷¹.

В эпоху капитализма по мере того, как хозяйственная функция крестьянского двора постепенно перенималась капиталистической кооперацией и другими формами капиталистического производства, *ослаблялась и роль семьи* как основного канала формирования, закрепления и передачи трудовых знаний и опыта. Все чаще с ранних лет родители-бедняки отдавали детей в наем – ради приработка и чтобы не было в доме «лишнего рта». По данным обследования 1894 г., в Алтайском горном окр. в первые годы водворения отдавали в наем «исключительно детей» 17,5 % крестьянских семей (причисленные переселенцы — 19,1, неприписные — 18,9, местные старожилы — 1,0

%). Еще 12,7 % дворов отдавали «детей и прочих членов семейства», в том числе: приписанные переселенцы — 13,1 %. непричисленные — 14,5, старожилы — 3,2 %. Кроме того, часть детей шла в наем вместе с главой семьи, но данных об их количестве в источнике не приводится⁷². В конце XIX — начале XX в. наем детей и подростков, как и женщин-работниц, в сибирской деревне увеличивался. Конечно при работе подростков по найму использовались умения и навыки, полученные от родителей в детстве, но развивались они уже вне семьи. Правда, в случае совместного найма или приселения детей с родителями к семейству нанимателя батраки получали возможность продолжить трудовое воспитание своих помощников в нелегком труде. Впрочем, по свидетельству авторитетного источника, в долгосрочный наем часто шли «сироты, оставшиеся от отцов при расстроеном хозяйстве, дети бедняков — для прокормления семей, а больше всего сбившиеся с толку пьяницы, бессемейные или бездетные»⁷³.

Ослабление родительского контроля за процессом хозяйственного воспитания детей имело негативные последствия. «Не выучился, а испакостился», — приходилось иногда констатировать родителям⁷⁴. Ссылный М. Ткаченко свидетельствует, что в начале XX в. на Нижней Тунгуске в среде подростков распространилось «похищение друг у друга из ловушек попавшей добычи, что строго осуждалось их отцами»⁷⁵. Такого рода свидетельств падения трудовой морали в крестьянской среде изучаемого периода имеется немало, и исследователям еще предстоит углубленно изучить причины и проявления этого процесса. Одним из негативных явлений было спаивание детей, участвовавших в помочах, превращавшихся в разновидность найма.

Рассмотренные в данной главе материалы показывают, что во второй половине XIX — начале XX в. процесс формирования, закрепления и трансляции опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири протекал, как и в предшествующий период, главным образом в рамках семейного домохозяйства, хотя роль знаний и умений, привносимых извне, постепенно увеличивалась. Накануне социалистической революции традиционный «семейно-

общинный» механизм приобщения к сравнительно быстро прогрессирующему в России капиталистическому производству становился недостаточным, но господствовавшая общественная система не смогла, либо не успела создать ему равноценной замены или дополнения.

Примечания

¹ Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 35.

² Подробнее о физическом воспроизводстве крестьянства при капитализме см.: Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83—104; Зверев В. А. Крестьянское население... С. 12—47.

³ Подробнее см.: Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 93—160; она же. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII—XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. С. 7—24.

⁴ См.: Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства... С. 227—228.

⁵ См.: Бочанова Г. А. Вопросы трудового воспитания в начальных школах Сибири конца XIX — начала XX в. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 168—187; она же. Возникновение и деятельность ремесленных учебно-показательных мастерских в Сибири начала XX в. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 92—115.

⁶ См.: Бочанова Г. А. Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Забайкалье // Город и деревня... С. 114—133; она же. Начало выставочного движения в Енисейской губ. // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 61—70; она же. Первые хозяйственные выставки в дореволюционной Сибири // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 118—132; она же. Внешкольное образование рабочих Сибири в конце XIX — начале XX в. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX — начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 176—197.

⁷ См.: Горьковская З. П. Роль трудовых сообществ в формировании традиций промысловой деятельности русских крестьян Сибири в период капитализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в. Новосибирск, 1985. С. 150—159.

⁸ См.: Гребенщиков Г. Д. Река Уба... С. 24; Птицын В. В. Очерки народной жизни... С. 84; и др.

⁹ Молодых И. А. Внеземледельческие занятия крестьян Хомутовской волости // Известия ВСОРГО. 1890. Т. 21. № 1. С. 54—55.

¹⁰ См.: Серебренников И. И. Промыслы Иркутской губ. Иркутск, 1914. С. 8.

¹¹ См.: Макаренко А. А. О красильном искусстве у русских Енисейской губ. // Живая старина. 1895. Вып. 3/4. С. 325.

¹² Анучин В. И. Современное положение... Кн. 1. С. 104.

¹³ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 221; Т. 4. Вып. 2. С. 18—19.

¹⁴ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 294, л. 92.

¹⁵ Подробнее см.: Зверева К. Е. Деревенская школа и нужды агротехнической подготовки крестьянства Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 114—125.

- ¹⁶ *Труды* местных комитетов... Т. 55. С. 55. См. также: Т. 53. С. 155, 211, 263—264; Т. 54. С. 265; Т. 56. С. 240.
- ¹⁷ См.: *Мельников М. Н.* Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 72—74.
- ¹⁸ КККМ, о/ф. 7886, д. 117, л. 24—25.
- ¹⁹ НГПИ, д. 5, л. 46—47. Записано Н. П. Михалевой.
- ²⁰ КККМ, о/ф. 7886, д. 123, л. 7—8.
- ²¹ ИИФиФ, п. 118, л. 19.
- ²² См.: *Материалы* для изучения... Западной Сибири. Вып. 3. С. 181; *Патканов С. К., Зобнин Ф. К.* Список тобольских слов и выражений // *Живая старина*. 1899. Вып. 4. С. 488; *Сабурова Л. М.* Русское население Приангарья. С. 35—36; и др.
- ²³ Подсчитано по: *Материалы* по экономическому исследованию... С. 238—239.
- ²⁴ *Бородкина М. В.* Деревня Иткара... С. 11.
- ²⁵ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 663, л. 78; *Ростовцев И. Г.* На краю света: Записки очевидца. М., 1985. С. 230—234.
- ²⁶ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 66.
- ²⁷ *Ростовцев И. Г.* На краю света. С. 236—237.
- ²⁸ См.: *Козьмин Н. Н.* Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губ.? Иркутск, 1904. С. 37; *Серебренников И. И.* Промыслы... С. 47; *Сабурова Л. М.* Культура и быт... С. 57—59; *Соловьева Е. И.* Промыслы сибирского крестьянства... С. 227; *Бочанова Г. А.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири, конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1978. С. 45; и др.
- ²⁹ НГПИ, д. 5, л. 105—108. Записано Т. Ю. Нерода.
- ³⁰ Там же, д. 6, л. 34. Записано О. В. Аляпкиной.
- ³¹ Там же, д. 4, л. 54—55. Записано В. Ф. Тотымачевым.
- ³² *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода... С. 138—139.
- ³³ *Плотников А. Ф.* Нарымский край. С. 365.
- ³⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 37, д. 287, л. 118.
- ³⁵ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 27. Курсив наш.
- ³⁶ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 7.
- ³⁷ НГПИ, д. 2, л. 54—55. Записано Н. М. Бахмацким; д. 6, л. 33—34.
- ³⁸ *Виноградов Г. С.* Поверья и обряды крестьян-сибиряков // *Сибирский архив*. 1915. № 3. С. 114.
- ³⁹ НГПИ, д. 5, л. 41—43.
- ⁴⁰ *Азадовский М. К.* Ленские причитания. С. 53.
- ⁴¹ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 36.
- ⁴² АГО, разр. 59, оп. 1, д. 17, л. 33.
- ⁴³ См.: *Арефьев В. С.* В низовьях Ангары // *Сибирский сборник*. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 2—4.
- ⁴⁴ *Урал* в его живом слове. С. 131.
- ⁴⁵ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 4, № 640, л. 21; *Виноградов Г. С.* Народная педагогика: (Отрывки и наброски). Иркутск, 1926. С. 13.
- ⁴⁶ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 89; д. 674, л. 8.
- ⁴⁷ См.: *Сафьянова А. В.* Внутренний строй... С. 100.
- ⁴⁸ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 4, № 640, л. 33.
- ⁴⁹ *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 83; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор... С. 337.
- ⁵⁰ ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 5.
- ⁵¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 155.
- ⁵² *Молотилов А.* Говор русского старожилото населения северной Барабы // *Труды Томского общества изучения Сибири*. Томск, 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 206.
- ⁵³ *Сафьянова А. В.* Внутренний строй... С. 97.

-
- ⁵⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1835, л. 17.
- ⁵⁵ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 18.
- ⁵⁶ *Козьмин Н. Н.* Очерки прошлого... С. 183.
- ⁵⁷ ИИФиФ, п. 118, л. 31—32.
- ⁵⁸ *Корреспонденции* // Восточное обозрение. 1899. 31 января.
- ⁵⁹ *Материалы по исследованию...* Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 5. С. 177.
- ⁶⁰ *Буйко А. М.* Тулуновские частушки // Сибирский архив. 1915. № 11. С. 515, Вариант см.: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 743, л. 37.
- ⁶¹ *Григорьевский Н. П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки ЗСОРГО. 1879. Кн. 1. С. 18—20.
- ⁶² НГПИ, д. 5, л. 49.
- ⁶³ *Овчинников М. П.* Старинная свадьба в с. Рыбинском Канского уезда Енисейской губ. // Сибирский архив. 1912. № 11. С. 889.
- ⁶⁴ ТФ ГАТюМО, ф. 156, оп. 28, д. 2004, л. 20—21.
- ⁶⁵ См.: *Анучин В. И.* Современное положение... Кн. 1. С. 105; *Труды местных комитетов...* Т. 53. С. 155, 211; Т. 54. С. 250—251, 265; Т. 55. С. 55; *Кустарные промыслы Томской губ.* СПб., 1909. С. 6.
- ⁶⁶ *Труды местных комитетов...* Т. 56. С. 263.
- ⁶⁷ Там же. С. 240.
- ⁶⁸ *Материалы анкетного обследования...* С. 16.
- ⁶⁹ См.: *Мальцев Т. С.* Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. С. 37.
- ⁷⁰ *Халютин П. В.* Крестьянское хозяйство... С. 14—15.
- ⁷¹ *Труды местных комитетов...* Т. 53. С. 85—86.
- ⁷² *Материалы по исследованию мест водворения...* С. 20—21.
- ⁷³ *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин... С. 33.
- ⁷⁴ *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 83.
- ⁷⁵ *Ткаченко М.* Краткий очерк торговли и промыслов по р. Нижней Тунгуске и некоторые черты быта населения // Известия Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1. С. 72.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безвозвратно ушло в прошлое дореволюционное крестьянское семейное домохозяйство — основа экономической, демографической и культурной жизни любого тогдашнего селения. Однако прошлое проглядывает в настоящем, протягивает ниточку надежды на будущее. Очень важно присмотреться к нему повнимательнее, послушать людей дооктябрьской эпохи. Вот пишет в забайкальское село своим родным уехавшая в Красноярск на заработки молодая крестьянка Анисья Лосева (1893 г.):

«Милые и дорогие родители, тятя и мама!

Первым долгом прошу у Вас родительского благословения и желаю Вам от Бога доброго здоровья и всякого благополучия. <...> А внучка Ваша Вера шлет Вам поклон наособицу и целует дедушку и бабушку крепко-накрепко. Она только и говорит, что про Вас и про Вас.

Милому моему братцу Григорию Никитичу и супруге твоей Лукерье Алексеевне желаю доброго здоровья и посылаю нижайший поклон. Абрам Николаич Вам кланяется и желает всего хорошего, а Вера целует Вас бессчетно раз, а маленькова Васю все целуем заочно. Кресному Исаку Марковичу и жене Матрене Максимовне низко кланяюсь и желаю всего хорошего и здоровья. Тете Матрене Марковне с семейством низко кланяюсь и желаю здоровья. Тете Арине Марковне и дяде Феофану Гавриловичу посылаю нижайший поклон. Ивгении Феофановне низко кланяюсь и целую. Кресной Наталье Васильевне передайте нижайший поклон с пожеланиями доброго здоровья. Тете Марии Алексеевне нижайше кланяюсь и желаю доброго здоровья. Братцам Александру Ивановичу и Василию Ивановичу посылаю нижайший поклон. И Пелагее Егоровне кланяюсь и желаю всего хорошего в мире.

Извините, милые родители, что я так долго не писала, я все ожидала, что получу письмо от Вас. Гриша обещал мне прислать свою карточку, и я все поджидала. Живем мы, слава Богу, пока здоровы и благополучны»¹.

Перед нами проходит обширная галерея членов большого крестьянского рода, связанных искренней любовью, сочувствием, единомыслием. Наверняка непростой была в дальнейшем семейная и хозяйственная жизнь этих

людей: время было динамичное, изобиловавшее крутыми социальными поворотами и сломами.

Изменения людности семейного домохозяйства, величины и демографической структуры крестьянской семьи, способов функционирования этих институтов, характера внутрисемейных отношений, протекавшие в Сибири во второй половине XIX — начале XX в., определялись, прежде всего, *социально-экономическими условиями*, среди которых главную роль играло *утверждение капитализма* как господствующего уклада, развитие его вглубь и вширь. Указанная зависимость опосредовалась общественным, крестьянским (мелкобуржуазным) классовым, групповым и индивидуальным сознанием, причем его роль в условиях усложнения системы общественных связей и кризиса традиционных форм культуры возрастала.

В изучаемый период в Сибири происходило *сокращение людности* крестьянского двора и общей величины семьи. Оно было связано с наметившейся возможностью ведения хозяйства более мелкой семейной группой, начавшимся потеснением семейного хозяйства капиталистической кооперацией и производством, основанным на эксплуатации наемного труда, а также с процессом «раскрестьянивания». Мелкокрестьянские дворы делились интенсивнее, чем домохозяйства в высшем и среднем социальных слоях деревни.

Семейные *разделы* стимулировались наличием в Сибири запаса свободных земель, сохранением, наряду с надельно-душевым, захватного и вольного землепользования. Становление частнособственнических порядков в семье, развитие товарно-денежных отношений и разрушение замкнутости деревенской жизни раскрепощали личность, усиливали в семье индивидуалистические настроения, что ускоряло разделы. Эту тенденцию несколько сдерживали традиция совместного семейного хозяйствования и политика администрации, укреплявшей надельное землепользование, личную и экономическую зависимость членов домохозяйства от его главы.

Людность и внутренняя демографическая структура домохозяйства заметно различались, постепенно нивелируясь, в разных сословных, регио-

нальных и конфессиональных группах крестьянства. Особенности же демографии дворов в социально-классовых слоях и группах, наоборот, *оформлялись и усиливались*. В целом сибирский крестьянский двор характеризуется при капитализме благоприятным для ведения хозяйства и воспроизводства населения поколенным, половозрастным и рабочим составом. *Особенностью* большинства переселенческих семей была их большая величина, заметное преобладание в их составе трудоспособных мужчин, лиц младших возрастов. На местах водворения в Сибири происходило сближение основных демографических характеристик иммигрировавших семей и дворов местных старожилов, которые по людности и структуре сравнительно мало отличались от крестьянских домохозяйств Европейской России.

Для хозяйств большинства сибирских крестьян, особенно старожилов, как и в предшествующий период, была характерна многопрофильность при ведущей роли земледелия и животноводства. Это было обусловлено полунатуральностью деревенского семейного двора, ведущегося по принципу: «Что ручки сделали, то плечики и изнасят»². От состава семьи, наличия возможности ее пополнения «со стороны», а также за счет рождения и воспитания детей, зависел выбор основного и побочных экономических занятий. В то же время определенный набор занятий наряду с другими факторами регулировал семейную структуру. Наибольших размеров достигали семьи и дворы, ведущие многопрофильное хозяйство, в основе которого лежало земледелие. Беспашенные дворы, занимавшиеся охотой, рыболовством, обрабатывающими промыслами, а также только чисто земледельческие, были сравнительно небольшими по людности.

Распределение хозяйственных и педагогических обязанностей в семье обуславливалось, с одной стороны, формированием *системы эксплуатации главой семьи* своих «домашних», а с другой — давними *традициями* семейной жизни, в которых большую роль играли учет половозрастных особенностей и взаимная поддержка. Как и в предшествующую эпоху, почти во всех сферах хозяйственной деятельности отсутствовало резкое разграничение

мужских и женских работ, женщины играли исключительно большую роль в поддержании дома и хозяйства. Хозяйственная деятельность двора *затруднялась* в изучаемый период усилившимися семейными разделениями, потерей мужских рабочих рук в результате отхода «на сторону» и призыва мужчин в армию. Нарушалась рациональная система организации труда и распределения обязанностей членов семьи. Резко возросло значение труда женщин и подростков, особенно в низшем социальном слое деревни.

Во второй половине XIX — начале XX в. происходили *изменения системы внутрисемейных отношений* крестьян-сибиряков, в центре которых были экономические поимущественные отношения. Существовавшие типы семейно-экономических связей базировались на различных стадиях развития собственности. Черты семьи с коллективной собственностью на средства производства и имущество уходили в прошлое, они сильнее всего были присущи социальным и региональным группам крестьянства, слабо втянутым в товарно-денежные отношения и в процесс раскрестьянивания. Патриархические (основанные на авторитарной власти домохозяина) порядки в семье ярче всего проявлялись в среде кулачества, формирующиеся черты эгалитарной семьи были связаны с тенденцией пролетаризации деревни. Наметившаяся прогрессивная перестройка крестьянской семьи в условиях обнищания значительной массы крестьянских хозяйств и политики властей, консервирующей пережитки патриархальщины, не смогла зайти далеко. Прогрессивное развитие сочеталось с ослаблением семейных связей, которое выразилось, в частности, в усилении внутрихозяйственных конфликтов и семейных разделов.

Прогрессивная реорганизация и ослабление крестьянской семьи при капитализме были тесно связаны как две стороны процесса исчезновения старых и зарождения новых семейных отношений в условиях назревания социальных катаклизмов. Октябрьская революция поставила задачи полной перестройки семьи, вытеснения мелкого крестьянского хозяйства из экономики крупным социалистическим производством. Немало действительно

необходимых преобразований было сделано за годы советской власти в изучаемой сфере, но некоторые из выбранных путей вели в тупик. Выяснилась утопичность желания, по крайней мере, в современных условиях обойтись в деревне без семейного производства, в воспитании детей положиться лишь на государство, полностью «уравнять» мужчину и женщину в домашнем быту.

В сегодняшних преобразованиях экономики страны, связанных с ней социальной, правовой, культурной сфер жизни исключительно важно не только вытеснять пережитки патриархальщины, заведомо устаревшие формы сознания и поведения людей, но и внимательно относиться к тем традициям деревенского хозяйствования и семействования, которые показали свою жизнеспособность в нелегких испытаниях при капитализме, в годы империалистических и гражданской войн, в период несправедливого «ограничения и вытеснения» не только кулацкого, но и всякого «единоличного» (семейного) крестьянского хозяйства. Студентам-историкам и педагогам, в частности, нужно помнить, что *народ создал цельную систему трудового обучения и воспитания в семейном домохозяйстве, многие идеи, принципы и методы которой и сегодня сохраняют жизненную перспективу.*

Примечания

---

¹ ГАЧО, ф. 41, оп. 1, д. 38, л. б/н.

² ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 106; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 86.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие современные процессы социально-экономического и демографического характера обусловили повышение интереса к истории семейного крестьянского домохозяйства?

2. Проанализируйте связь темы спецкурса с целевой комплексной программой «Исторический опыт освоения Сибири».

3. Дайте внутренний и внешний анализ материалов обследования крестьянских хозяйств второй половины 1880-х — середины 1890-х гг. как источника изучения семейного крестьянского домохозяйства: а) в Иркутской и Енисейской губерниях; б) на государственных землях Тобольской и Томской губерний; в) на территории Алтайского горного окр.; г) в Забайкальской обл.

4. Охарактеризуйте сводную публикацию материалов Всероссийской переписи населения 1897 г. как источника изучения семейного крестьянского хозяйства в России, в отдельных ее регионах и категориях населения.

5. По опубликованным материалам переписи 1897 г. определите соотношение сельских домохозяйств Сибири, имевших разное количество членов. Прделайте ту же работу применительно к Европейской России. Постройте соответствующие таблицы и сравните данные по двум крупнейшим регионам страны.

6. Составьте библиографию публикаций об экономике, этнографии, демографии русского крестьянского домохозяйства в Сибири по библиографическим указателям В. И. Межова, М. А. Слободского, М. К. Азадовского, текущему указателю литературы «История Сибири и Дальнего Востока».

7. Составьте библиографию исследований 1956—1990-х гг. по истории семьи и семейного хозяйства в России и отдельных ее регионах эпохи капитализма.

8. Дайте определение основных понятий, которые используются при демографической характеристике семейного крестьянского домохозяйства.

9. Дайте характеристику следующих математико-статистических мето-

дов, с помощью которых специалисты изучают демографическую структуру социальных групп: а) группировки; б) средних величин и показателей вариации; в) выборочного метода; г) корреляционного анализа. Приведите примеры использования этих методов в настоящем пособии.

10. Чем *историко-демографический* анализ семейного крестьянского домохозяйства отличается от социально-экономического, историко-социологического, историко-культурологического, историко-юридического и других? Составьте примерный план *системного* исследования этого объекта.

11. Найдите в пособии примеры применения следующих основных методов исторического исследования: а) историко-генетического; б) историко-сравнительного; в) историко-типологического; г) историко-системного; д) метода диахронного анализа. Каковы особенности их применения в данном случае?

12. Составьте опросный лист, с помощью которого можно выявить основные параметры семейного домохозяйства конца XIX — начала XX в. — в диапазоне памяти еще живущих или недавно умерших поколений. Проведите беседу по этому листу с двумя-тремя респондентами пожилого возраста. Данные опроса запишите.

13. Соберите и приведите в порядок все имеющиеся в вашей семье и у родственников старые документы, письма, фотографии и другие материалы, создайте семейный архив. Помогите сделать то же самое своим знакомым.

14. Запишите на бумагу, магнитофонную или видеопленку и подготовьте для хранения в семейном архиве, в необходимых случаях — для публикации воспоминания пожилых членов семьи об истории рода.

15. Сравните место и роль семьи, семейного домохозяйства в традиционной (господствовавшей в доколхозной российской деревне) и современной системах подготовки подрастающих поколений к трудовой жизни.

16. Какие из достижений традиционной системы социализации детей и молодежи можно использовать в современных условиях? Каким образом?

17. Каковы были позитивные изменения демографии семьи и семейного

крестьянского двора в Сибири эпохи капитализма? В чем заключались причины этих изменений?

18. Охарактеризуйте те сильные стороны демографической структуры крестьянской семьи и двора, системы внутрисемейных отношений, которые позволяли названным социальным институтам в целом успешно осуществлять свои экономические, демографические и социализирующие функции во второй половине XIX — начале XX в. в России.

19. Каковы были причины кризисных явлений, наблюдавшихся в структуре и функционировании крестьянского домохозяйства и семьи в эпоху капитализма? Дайте характеристику этих явлений.

20. В чем проявлялось влияние развития капитализму вглубь и вширь на общую людность, демографическую структуру и функции семейного крестьянского домохозяйства в Сибири? Проанализируйте воздействие переселенческого движения на демографию семьи и двора.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

1. Статистико-экономические обследования крестьянских хозяйств в Сибири как источник изучения семейного крестьянского домохозяйства второй половины XIX — начала XX в. (То же — о законодательных актах, делопроизводственных материалах, экономико-этнографических описаниях, мемуарах, периодических изданиях, русском фольклоре, художественной литературе и публицистике).

2. Вклад политических ссыльных в изучение семьи и семейного домохозяйства русских крестьян Сибири эпохи капитализма. (Возможны работы об отдельных ссыльных: В. С. Арефьеве, А. А. Макаренко, А. А. Савельеве, С. П. Швецове и других).

3. Вклад сибирских литераторов в осмысление особенностей семейной жизни крестьян-сибиряков во второй половине XIX — начале XX в. (Возможны специальные работы о Н. И. Наумове, Г. Д. Гребенщикове, Г. Н. Потанине, В. Я. Шишкове, Н. М. Ядринцеве, других писателях и публицистах).

4. Семейная педагогика русского населения Сибири в исследованиях советских этнографов 1920-х — начала 1930-х гг.

5. Особенности демографического строя семьи и семейного домохозяйства у русских крестьян-старообрядцев в Сибири эпохи капитализма. (То же — о крестьянах-переселенцах, ссыльных, казаках Сибирского и Забайкальского войск).

6. Взаимовлияние семейного строя и домашнего быта русского и бурятского населения Восточной Сибири в эпоху капитализма. (То же — о других аборигенных народах Восточной и Западной Сибири, об украинском, белорусском, ином переселенческом населении).

7. Семейный календарь земледельческих работ в сибирской деревне второй половины XIX — начала XX в. (То же — о животноводческих работах, добывающих и обрабатывающих промыслах, о способах

объединения всех занятий в едином семейном хозяйственном календаре).

8. Место и роль детей в семейном крестьянском домохозяйстве при капитализме. (То же — о подростках и молодежи, взрослых мужчинах и женщинах, стариках).

9. Семейные обряды – родильные, крестильные, брачные, похоронные – в русской сибирской деревне второй половины XIX — начала XX в.

10. Семейный повседневный и праздничный досуг в сибирской деревне эпохи капитализма.

11. Семья и семейный быт, крестьянское домохозяйство в русской сибирской диалектной лексике (по источникам второй половины XIX — первой трети XX в.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГМЭ — Научный архив Государственного Музея этнографии народов СССР
- АГО — Научный архив Географического общества СССР
- ВСОРГО — Восточносибирский отдел Русского Географического общества
- ГААК — Государственный архив Алтайского края
- ГАИО — Государственный архив Иркутской области
- ГАКК — Государственный архив Красноярского края
- ГАТО — Государственный архив Томской области
- ГАЧО — Государственный архив Читинской области
- ЕТГМ — «Ежегодник Тобольского губернского музея» (журнал)
- ЗСОРГО — Западносибирский отдел Русского Географического общества
- ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, сектор истории культурного строительства, коллекция воспоминаний
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, рукописный отдел
- КККМ — Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея
- МКМ — Научный архив Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова
- НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт, кафедра истории СССР, коллекция материалов по истории Сибири
- ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- ОПИ ГИМ — Государственный Исторический музей СССР, отдел письменных источников
- ПАИО — Партийный архив Иркутского областного комитета КПСС
- ТФ ГАТюмО — Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР